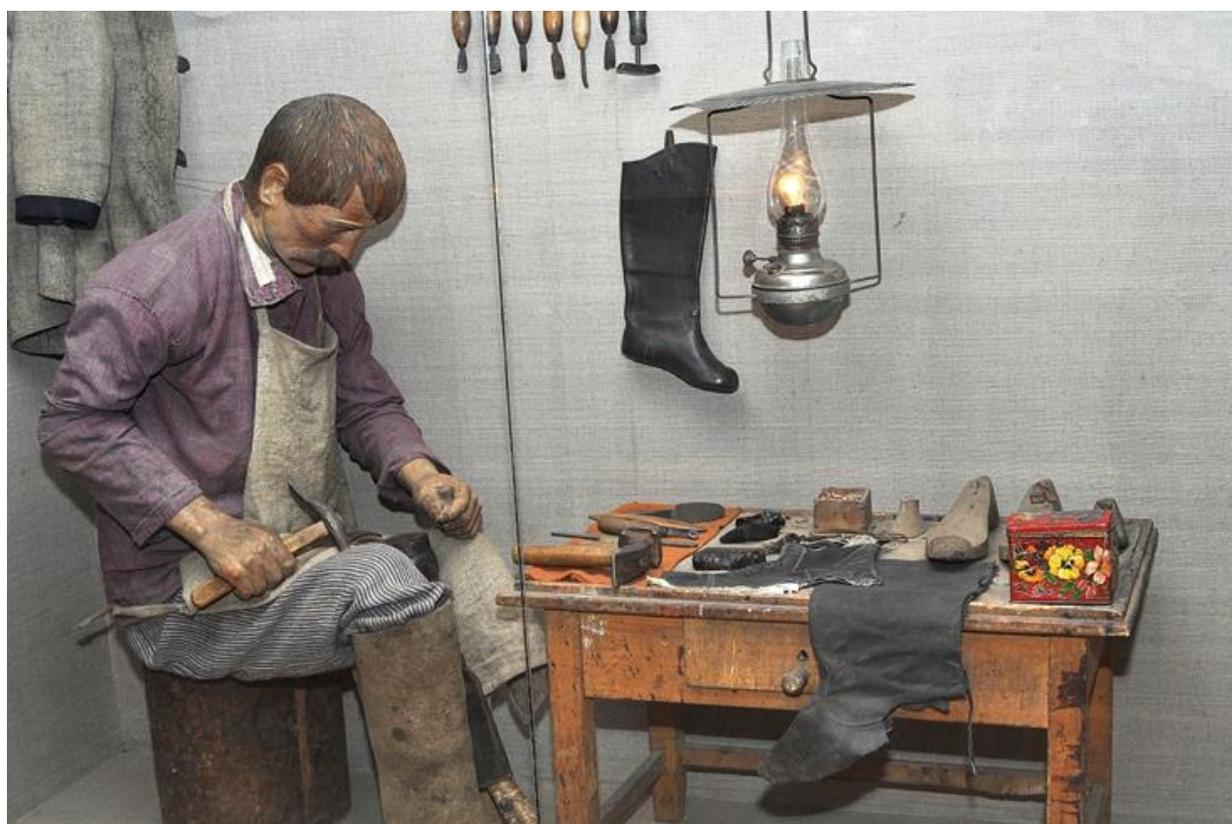

В.Ю. Войтович

**Кожевенно-обувная
промышленность Удмуртии
в экономике России**

**ИЖЕВСК
2018**

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт экономики и управления
Кафедра государственного и муниципального управления

В.Ю. Войтович

**КОЖЕВЕННО-ОБУВНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
УДМУРТИИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ**

(на материалах кожевенно-обувной промышленности
г. Сарапула)

Посвящено 100-летию образования государственности
Удмуртии

**Ижевск
2018**

УДК 338.45(470.51)
ББК 65.305.726
В 656

Рецензенты:

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Р.С. Мулукаев**;

Заслуженный экономист Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор **М.И. Шишкин**.

Войтович В.Ю.

В 656 Кожевенно-обувная промышленность Удмуртии в экономике России (на материалах кожевенно-обувной промышленности Сарапула): монография. – Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2018. – 152 с.

В монографии автор рассматривает место и значение кожевенно-обувной промышленности Удмуртии в экономике России. Раскрывается проблема, связанная со становлением и развитием кожевенно-обувной промышленности. При этом подчеркивается, что в реконструктивный период кожевенно-обувное производство в СССР представляло крупнейшую механизированную отрасль легкой промышленности. В связи с этим по сравнению с рядом других отраслей промышленности кожевенно-обувное производство в Удмуртии, в частности в г. Сарапуле, в годы становления народного хозяйства и первых предвоенных пятилеток находилось на более высоком уровне. В работе также освещается творческая активность рабочих, количественные и качественные изменения кадров кожевенно-обувной промышленности, их подготовка и повышение квалификации.

Освещая развитие производства, на примере кожевенно-обувной промышленности Удмуртии, автор монографии выражает надежду на изучение и использование форм и методов новаторов реконструктивного периода, руководителями различных отраслей, в целях более эффективного подъема экономики Российской Федерации.

УДК 338.45(470.51)
ББК 65.305.726

ISBN 978-5-4312-0589-7

© Войтович В.Ю., 2018
© ФГБОУ ВО «Удмуртский
государственный университет», 2018

ВВЕДЕНИЕ

При написании монографии были использованы работы первого основателя социалистического государства В.И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», «Как организовать соревнование?», «О задачах женского рабочего движения». А также решения партийных и советских органов, в которых нашло отражение развитие легкой промышленности, особенно кожевенно-обувной.

По развитию социалистической промышленности СССР написано большое количество книг, статей, брошюр. Это хорошо видно из историографических работ [1]. Однако по истории развития легкой промышленности, особенно кожевенно-обувной, в реконструктивный период специальной литературы было издано в ограниченном количестве. Интерес представляют следующие работы.

Грызлова Т.А. Экономика легкой промышленности [2]. В книге освещаются вопросы экономики и планирования важнейших отраслей легкой промышленности СССР (швейной, кожевенной, обувной). Широко анализируются основные направления совершенствования хозяйственного руководства, планирования. Раскрывается значение легкой промышленности в народном хозяйстве СССР. В книге значительное место отведено основным направлениям технического прогресса и методам определения экономической эффективности, специализации и кооперированию, сырьевой базе и использованию сырья.

Чернов Н.В. Технология кожи [3]. Здесь последовательно изложены теоретические основы процессов выделки кож разных видов и даны практические указания по проведению операций кожевенного производства.

Специальной литературы о развитии легкой промышленности, особенно кожевенно-обувной в Удмуртии фактически не издавалось и не исследовалось. Отдельные фрагментарные положения и моменты о ее состоянии встречаются в общих рабо-

тах по истории Удмуртии: юбилейных сборниках, очерках и некоторых других публикациях [4]. В монографии профессора К.И. Куликова использовано, с определенными поправками, исследование в области борьбы за территориальное и государственное оформление Удмуртской государственности [5], которое отражено в первой главе (3-й параграф) монографии автора.

При написании монографии были исследованы документы и материалы Сарапульского филиала ЦГА УАССР: Ф.Р.-588; Ф.Р.-100, Ф.Р.-196.

В фонде Р-588 имеются рукописные материалы, в которых показан рост и развитие г. Сарапула с 1870 (год образования г. Сарапула) по 1917 г. Указаны даты возникновения отдельных промышленных предприятий и государственных учреждений. Здесь же сосредоточены различные статьи, освещающие становление и упрочение Советской власти в Сарапульском округе с 1923 по 1927 гг.

В фонде Р-100 (фонд кожевенно-обувного комбината) содержатся производственно-финансовые отчеты, планы, протоколы, статотчеты за период с 1923 до наших дней.

В документах имеются данные о создании «Кожтреста», восстановлении и развитии объединенного предприятия. Отражена творческая инициатива масс (движение соцсоревнования, рационализаторы и изобретатели). Состояние и подготовка кадров, повышение их квалификации.

Однако в настоящем фонде документы сохранились далеко не полно. Это объясняется тем, что раньше они хранились на предприятиях кожевенно-обувной промышленности. Относились к документам, видимо, небрежно. В итоге многие из них оказались утерянными или просто уничтоженными. Материалы фонда по годам обработаны частично. Все это вызвало большие трудности в работе над источниками.

В фонде Р-196 – сосредоточен материал газеты «Красное Прикамье». Здесь имеются различные статьи, освещающие положение дел в кожевенно-обувной промышленности, творческую активность масс (ударничество, стахановское движе-

ние, изобретатели и рационализаторы). Однако и в этом фонде многие материалы также не сохранились.

Материал о состоянии кожевенно-обувной промышленности в дооктябрьский период взят из сборника газеты «Искра», который хранится в краеведческом музее г. Сарапула. Известно, что в газете «Искра» неоднократно печатались статьи о положении рабочего класса кожевенно-обувной промышленности Удмуртии и другие материалы.

В монографии использованы также материалы периодической печати, в частности газеты «Красное Прикамье».

Интерес представляют воспоминания бывшего работника кожевенно-обувного комбината И.С. Кулькова. Он рассказал о жизни на кожевенных заводах Удмуртии до 1917 г. и о том, какое влияние оказала Великая Октябрьская социалистическая революция на становление, рост и развитие кожевенно-обувных предприятий, а также на улучшение условий труда, быта кожевников и обувщиков.

Опубликованные и полученные из других источников материалы легли в основу написания настоящей монографии.

Задача исследования указанной проблемы состоит в том, чтобы показать место и значение кожевенно-обувной промышленности в экономике России, в том числе и Удмуртии. А также кратко проследить развитие кожевенно-обувного производства до 1917 г. и особенно в первые пятилетки Советской власти. В работе освещается творческая активность рабочих, количественные и качественные изменения кадров кожевенно-обувной промышленности, их подготовка и повышение квалификации.

Монография охватывает хронологические рамки 1923-1937 гг. 1923 г. знаменует собой образование «Кожтреста», слияние работающих отдельных заводов и фабрик. 1937 г. подвел итог переходного периода от капитализма к социализму.

Таким образом, монография практически охватывает весь реконструктивный период, период становления и развития социалистических производственных отношений в кожевенно-обувной промышленности Удмуртии.

ГЛАВА 1. БОРЬБА ЗА ОБРАЗОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ УДМУРТИИ

1.1. Историко-правовые основы образования Удмуртской государственности

Раскрывая проблему, связанную со становлением и развитием кожевенно-обувной промышленности в Удмуртии нельзя обойти вопрос, связанный с образованием Удмуртской автономии. Это позволит правильно понять и ориентировать читателя о формировании Удмуртской государственности, развитии и роли кожевенно-обувной промышленности в экономике России в реконструктивный период.

Основные принципы национальной политики Советской власти были изложены в «Декларации прав народов России», принятой 2 ноября 1917 г., сразу после октябрьских событий. В ней констатировалось: 1) равенство и суверенность народов России; 2) их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 3) отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

Провозглашение этих основных принципов национальной политики сыграло важную роль в завоевании доверия трудящихся всех народов страны к Советской власти [6]. В решении одной из основных задач – преодоления распада России.

Также необходимо отметить, что первые правовые документы Советского Правительства в области национальных отношений – Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа и Конституция РСФСР 1918 г. – составили правовую базу и легли в основу взаимоотношений РСФСР с автономными образованиями. В Декларации были четко сформулированы два важных принципа: 1) Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских (беднейших –

В.В.) депутатов, которым принадлежит вся власть в центре и на местах; 2) Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик [7]. Далее, в главе IV отмечалось: «Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а, следовательно, тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России» [8]. Исходя из этого, Декларация ограничивалась установлением лишь «Коренных начал федерации», ее общих принципов. Она не предрешала вопроса о конкретных формах федерации, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации самостоятельно решить, желают ли они войти в состав Российской Федерации или нет, а если желают, то на каких именно основаниях. Декларация указывала, что конкретная форма отношений между центральной властью и будущими республиками – субъектами федерации будет определена совместно ВЦИК и ЦИК республик по договоренности.

Политическое значение Декларации основывалось на двух принципиальных положениях. Во-первых, Россия объявлялась Республикой Советов. Впервые данное положение было провозглашено на II съезде Советов, затем неоднократно употреблялось в постановлениях ВЦИК и СНК. Во-вторых, по провозглашению «Российской советской республики», сразу же во второй главе Декларации было закреплено: «Эта республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик». Таким образом, Декларация – первый правовой документ, провозгласивший Российскую советскую республику федеративным государством. Хотя Декларация, провозгласившая Российскую Федерацию, не определила ее конкретную форму, однако дальнейшее развитие Советской Федерации шло на основе положений, изложенных в конституционных актах III Всероссийского съезда Советов. Характерной особенностью первых месяцев существования Советской Федерации было то, что формы ее еще четко не определи-

лись. Власть общедодедеративных органов (Всероссийских съездов Советов, ВЦИК и СНК РСФСР), их декреты и постановления фактически распространялись на всю территорию, где существовала Советская власть. Все образовавшиеся в это время советские республики объявляли себя федеративными частями Российской Федерации [9].

Положения Декларации были развиты и конкретизированы в Постановлении съезда «О федеральных учреждениях Российской Республики». Высшими органами федерации в постановлении признавались органы Российской Республики – Всероссийский съезд Советов, ВЦИК и СНК. Будущим членам федерации предоставлялось право участвовать в работе этих органов. Разработчики считали это постановление основой будущей Конституции, но не законом [10]. Противоречиво решался вопрос о субъектах федерации. В указанном пункте применительно к ним употреблялись неравнозначные термины. Речь шла о советских республиках, отдельных областях и об областях. Было непонятно, что собой представляли «областные советские республики».

Важное значение для национально-государственного строительства имела Конституция РСФСР, принятая и утвержденная 10 июня 1918 года V Всероссийским съездом Советов. Ст. 11 Конституции предусматривала возможность создания двух видов областных союзов в составе РСФСР: областей, отличавшихся особым бытом и национальным составом, и всяких иных областных объединений. Союзы первого вида должны были входить в состав РСФСР на началах автономии (автономные областные союзы). Таким образом, на первый взгляд, Конституция не признавала автономных республик. Однако, сопоставление ст. 11 со ст. 2 и 8, в которых говорилось о федерации советских национальных республик и о федерации советских республик России, дает полное основание считать, что под автономными областными союзами ст. 11 в то время понимала именно автономные советские республики. Такие республики, как национально-

государственные единицы, следовало отличать от иных областных объединений, представлявших собой лишь административно-территориальные единицы без определенной национальной специфики.

Конституция РСФСР 1918 г. ст. 11 зафиксировала более четкое разделение двух территориальных форм – национально-территориальной и административно-территориальной, то есть «автономных областных союзов» и «обычных областных объединений». Последние, как мы видим, не могли входить в РСФСР на началах федерации. В этом проявилось отношение партии к федерации как форме решения национального вопроса.

В Конституции РСФСР, впервые на уровне Основного Закона был употреблен термин «автономные» как признак областных союзов, входивших в Россию «на началах федерации». В связи с этим «Автономия» законодательно признавалась элементом федерации. Высшей властью в стране провозглашался Всероссийский съезд Советов (ст. 24) в период между съездами (ст. 30) – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК). ВЦИК являлся высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР, а общее управление делами страны принадлежало Совету Народных Комиссаров (СНК). ВЦИК принадлежало право отменять и приостанавливать всякое постановление или решение СНК (ст. 40). Установление и изменение границ, а равно отчуждение частей территории РСФСР или принадлежащих ей прав относилось к компетенции Всероссийского съезда Советов и ВЦИК (гл. 9, п. «В», ст. 49), то есть высшего федерального органа власти. К ведению Всероссийского съезда Советов и ВЦИК Советов относились и «установление границ компетенции областных советских союзов, входящих в состав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, а также разрешение споров между ними» (п. «Г», ст. 49). Без согласия субъектов Федерации Всероссийский съезд Советов и ВЦИК Советов осуществляли «принятие в состав РСФСР новых сочленов Советской Республики и

признание выхода из Российской Федерации отдельных частей ее» (п. «Д» ст. 49). Так согласно п. «Д» ст. 49, федеральные органы власти признавали выход из Российской Федерации ее отдельных частей. Однако порядок выхода и органы, принимавшие решения об этом не конкретизировались. В гл. 9 Конституции (п. «а»-«с» ст. 49) указан обширный перечень предметов ведения высших федеральных органов власти. Кроме того, сверх перечисленных вопросов, ведению Всероссийского съезда Советов и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов подлежали все вопросы, которые они признавали подлежащими их разрешению (ст. 50). Далее закреплялись предметы исключительного ведения Всероссийского съезда Советов: установление, дополнение и изменение основных начал Советской Конституции и ратификация мирных договоров (ст. 51).

Часть «Б» Конституции РСФСР «Организация Советской власти на местах», к местным органам власти относил съезды Советов на местах: областные, губернские (окружные, уездные (районные), волостные. В границах своего ведения, – закреплялось в ст. 56, – съезд Советов (областной, губернский, уездный, волостной) есть высшая в пределах данной территории власть; в период же между съездами такой властью является исполнительный Комитет». Предметом ведения органов Советской власти на местах была посвящена глава двенадцатая. Она устанавливала: проведение в жизнь всех постановлений соответствующих высших органов Советской власти; принятие всех мер к поднятию данной территории в культурном и хозяйственном отношении; разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение; объединение всей советской деятельности в пределах данной территории. Органы Советской власти на местах функционировали по типу органов местного самоуправления – «разрешение всех вопросов, имеющих чисто местное (для данной территории) значение», а не как органы субъектов федерации. Ст. 62 Конституции четко зафиксировала прин-

цип демократического централизма: единовластие представительных органов снизу доверху, жесткая централизация системы представительных и исполнительных органов, иерархическая соподчиненность всех ее звеньев.

С принятием Конституции РСФСР 1918 г. федерация в России стала создаваться не на основе советских национальных республик, а автономных областных союзов, которые и являлись ее субъектами. РСФСР фактически состояла из административно-территориальной и национально-территориальной частей, что лишало ее качеств классической федерации. Понятия автономии и федерации рассматривались в Конституции РСФСР 1918 г. в единстве.

Конституция РСФСР определила субъекты Российской Федерации как «автономные областные союзы», но не определила подробно государственно-правовой статус автономных образований, входящих в ее состав. Поэтому все формы автономных образований и их правовое положение определялись постепенно, по мере их развития. Характерным было соотношение законодательства, автономных образований с общероссийскими законами. На их территории действовали нормативные акты трех видов. Некоторые акты центральной власти публиковались в местной печати и тем самым фактически вводились в действие. Часто автономные образования издавали на основе общероссийского закона свои акты, в которых иногда дополняли и даже частично изменяли общероссийские нормы. Третьим видом были акты, принятые автономными органами для восполнения пробелов в общероссийском законодательстве.

Возникшие в первой половине 1918 г. автономные республики образовывались в рамках прежних административно-территориальных единиц (Терская обл., Кубанская обл., Черноморская и Таврическая губернии, Туркестанский край). Все эти районы были многонациональными. Хотя образование автономных республик представляло шаг вперед в деле национально-государственного строительства, однако поскольку

прежнее административно-территориальное деление не учитывало национального состава населения, республики не были национальными по составу коренного населения [11]. Поэтому в документах данного периода они не всегда именовались республиками, а часто применялись прежние термины: «область», «губерния». В первое время после провозглашения Туркестанской АССР она еще нередко называлась краем даже в собственных официальных документах [12].

Правовому положению автономных республик соответствовала и конструкция их государственного механизма, в значительной степени копирующая общероссийские органы. Но они подразделялись на два вида: органы двойного подчинения, формулируемые вместе с центром, органы республиканского подчинения. К первым относились наркоматы: Наркомфин, СНХ, РКИ, Управление почт и телеграфов при НКВД; ко вторым: Наркомпрос, Наркомздрав, Наркомсобес, Наркомзем и др. Наркоматы иностранных дел, внешней торговли и по военным делам имелись только на федеральном уровне [13]. Вместе с тем в данный период некоторые автономные республики начали разрабатывать и принимать свои конституции (например, Туркестанская, Дагестанская, Крымская и Горская АССР) [14] или законы, в какой-то мере игравшие роль конституции. Эти конституционные законы характеризовались как дополнение к декретам ВЦИК об образовании соответствующих автономных республик на территории РСФСР. По тому же типу были созданы и другие автономные республики – Киргизская (Казахская) АССР (26 августа 1920 г.); Горская АССР (17 ноября 1920 г.); Дагестанская АССР (20 января 1921 г.); Якутская АССР (27 апреля 1922 г.); Бурят-Монгольская Автономная Республика (30 мая 1923 г.); Карельская АССР (25 июля 1923 г.); Республика немцев Поволжья (20 февраля 1924 г.) [15]. Своеобразие исторического процесса создания РСФСР состояло в том, что эта федерация родилась на свет раньше, чем полностью сформировались все ее субъекты – автономные республики, автономные области и

национальные округа. К тому же все советские республики первоначально рассматривали себя как неотъемлемые части Советской Российской Республики, а РСФСР – союзным государством, включавшим в себя, прежде всего, суверенные советские национальные республики [16].

Автономия в условиях социализма являлась одной из форм политического устройства наций, государственно-правовой формой осуществления их национального суверенитета. «Демократическое государство, – писал В.И. Ленин, – должно признавать автономию разных областей, особенно областей и округов с разным национальным составом населения» [17]. Следовательно, В.И. Ленин подчеркивал национальный характер автономии. Осуществление наций своего права на самоопределение невозможно без территориального обособления. Само понятие автономии предполагает наличие населения, отличающегося национальным составом, своим бытом и другими национально-специфическими особенностями, и определенную территорию, на которой живет это население. Применительно к плану политического устройства социалистического государства с многонациональным составом населения В.И. Ленин всегда рассматривал автономию как одно из средств решения национального вопроса [18].

И.В. Сталин в статье «Политика Советской власти по национальному вопросу в России», напечатанной в 1920 г., давал высокую оценку административному переделу России на началах областной автономии. При этом им были охарактеризованы формы советской автономии – от узкой административной (немцы Поволжья, чувашаи, карелы), переходящей к более широкой политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы). Затем к еще более расширенной ее форме (Украина, Туркестан) и, наконец, к высшей форме автономии – договорным отношениям (Азербайджан). И.В. Сталин допускал «даже создание окраинных правительств в виде областных совнаркомов автономных республик», но, как видно, не различал автономные и суверенные республики.

В этой статье коммунисты призывались к развитию местных национальных школ, национального театра и просветительных учреждений. Говорилось о необходимости создания местного суда, администрации, органов власти с введением в них родного языка, о создании курсов и школ для подготовки национальных кадров; ответственные работники, направленные из центра, обязывались изучать местные языки [19]. Вместе с тем требование отделения окраин он считал «на данной стадии революции глубоко контрреволюционным».

Сущность советской автономии, как одной из форм национальной социалистической государственности, наиболее полно раскрыта в Обращении Народного Комиссариата по делам национальностей к Советам Казани, Уфы, Оренбурга и другим, опубликованном в апреле 1918 г. В нем говорилось, что для того, чтобы Советская власть на окраинах страны, населенных отсталыми в экономическом и культурном отношении нациями и национальностями, стала подлинно народной, «нужны специальные способы вовлечения трудящихся и эксплуатируемых масс этих окраин в процесс революционного развития, необходимо поднять массы до Советской власти, а их лучших представителей слить с последней. Но это не возможно без автономии этих окраин, то есть без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественных, политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс края языка во всех сферах общественно-политической работы» [20].

Автономия как национально-государственная форма политического устройства народов была признана партией и Советским государством целесообразной для тех наций, которые, во-первых, сами изъявляли желание самоопределиться в той или иной форме автономии без отделения и образования своего суверенного государства и, во-вторых, для тех наций, которые были не только малочисленными, но и очень экономически и политически отсталыми. Автономия и долж-

на была служить этим народам наиболее действенным государственным средством быстрой ликвидации их вековой отсталости, средством приобщения к социализму.

Национальный аспект строительства Российской Советской государственности был четко определен в решении X съезда РКП (б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». В нем подчеркивалось, что только победа Советов и диктатура пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства и обеспечения прав национальных меньшинств. Союз национальностей и народов, отмечалось далее в решении, дает возможность, во-первых, обеспечить целостность и хозяйственное развитие, как отдельных республик, так и федерации в целом; во-вторых, охватить все разнообразие бытия, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития; в-третьих, наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей [21]. Съезд особо подчеркнул, что советская автономия имеет своей задачей: а) развивать и укреплять у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развивать и укреплять у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развивать у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую очередь для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки местных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления, и, прежде всего в области просвещения [22].

Существенное политическое значение для развития федерации и автономии имели указания, содержащиеся в резолюциях XII съезда РКП (б) (апрель 1923 г.). Доклад на съезде о национальных моментах в партийном и государственном строительстве сделал И.В. Сталин; докладу предшествовали тезисы, одобренные ЦК партии [23].

Как свидетельствуют журналы (впоследствии протоколы) [24] съездов и многие другие материалы, сохранившиеся в архивах и опубликованные в газетах, решение вопроса об удмуртской автономии имело несколько этапов.

Первый – с мая 1917 по июнь 1918 г., когда было создано культурно-просветительное общество Глазовского уезда. Сыгравшее важную роль в деле самоопределения удмуртского народа, становлении его на путь революционных преобразований.

Второй – с июля 1918 по май 1920 г. В этот период при Народном Комиссариате по делам национальностей учреждается удмуртский отдел. Выработано «Положение об удмуртском Комиссариате по делам национальностей» [25], перед которым поставлены задачи по подготовке образования Удмуртской автономии.

Третий – с июня по 4 ноября 1920 г. Период завершения подготовительной работы и создания Удмуртской автономной области [26].

До октября 1917 г. основное количество удмуртов проживало в Глазовском, Сарапульском, Елабужском и Малмыжском уездах. Также удмурты проживали в Мамадышском уезде Казанской губернии, Бирском уезде Уфимской губернии и Осинском уезде Пермской области. Такая разобщенность мешала их политическому объединению, углубляла различие диалектов в языке, вырабатывались отличные друг от друга национальные обычаи и традиции. Этому способствовало то, что не было признанного единого административного и политического центра, каким, например, являлась Казань для татар, Уфа для башкир и т.д. Все это мешало уд-

муртскому народу объединять свои усилия в борьбе за развитие национальной культуры. Возникшие в мае 1917 г. инициативное бюро по созданию Глазовского культурно-просветительного общества [27] отвечало коренным интересам удмуртского народа, поставившего своей целью построить новую жизнь вместе с другими народами. По его предложению 13-14 июня 1917 г. состоялся I съезд представителей интеллигенции удмуртского народа. На съезде присутствовало в первый день 100, на второй 70 человек (в связи с сельхозработами разъехались по месту жительства) [28].

Организационным бюро к открытию съезда была выработана программа, в которой красной чертой проходило осуществление консолидации удмуртского народа: 1) организация культурно-просветительного общества удмуртов; 2) устный доклад делегатов I съезда народностей Поволжья; 3) агитация среди удмуртов о волостных и уездных земствах, об Учредительном собрании; 4) организация библиотек в удмуртских селах и городах; 5) кумышковарение; 6) школьное и внешкольное образование; 7) создание музея; 8) издание газеты на удмуртском языке; 9) о местном самоуправлении; 10) о кооперациями артели и национальном банке; 11) язык богослужения в приходах с удмуртским населением; 12) об уставе общества; 13) выборы делегатов на II съезд народностей Поволжья, который начался в августе 1917 г.; 14) объединение удмуртов Вятского края и т.д. Всего 16 вопросов [29].

Тезисы, резолюции и принципиальные решения, принятые по национальным вопросам на съезде народностей Поволжья, подняли настроение делегатов съезда, которые выразили желание работать на пользу родного народа для поднятия его культуры и просвещения. Съезд единогласно признал необходимым организацию культурно-просветительного общества удмуртов Глазовского уезда на началах самоопределения [30]. Для агитации удмуртов в «истинно социалистическом духе» съезд избрал пять лекторов, знающих удмуртский язык. Им было предложено создать на местах группы лекторов из мест-

ных интеллигентов [31]. Делегаты съезда рекомендовали – организовать на местах работу библиотек, библиотекарей назначать из удмуртов или русских, знающих удмуртский язык. При библиотеках устраивать воскресные чтения для удмуртов на их родном языке, в этих целях больше издавать удмуртской литературы по различным направлениям общественной жизни. Отмечая, что всякая нация должна дорожить своим историческим прошлым, съезд предложил удмуртской интеллигенции приступить к созданию национального музея и организовать сбор всего, что может дать полную картину о быте и нраве удмуртов, ходе их исторического развития [32]. Был решен вопрос об организации издания национальной печати, составления удмуртского словаря, а также переводческой комиссии для переиздания переведенных на удмуртский язык учебников. В формировании волостных и уездных земств, и других общественных организаций, был взят за основу принцип пропорционального представительства.

В конце работы съезд избрал членов правления Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов, в которое вошли: священник В.Д. Крылов, члены Глазовской земной управы И.Я. Поздеев, А.П. Белослудцев, С.Г. Ившин, З.Г. Лекомцев, учителя С.П. Поздеев, К.А. Князева, А.П. Данилова и прапорщик Д.И. Князев. Были избраны делегаты на Всероссийский съезд мари, который намечался во второй половине июня 1917 г. в г. Берске [33].

Таким образом, съезд интеллигентных сил Глазовского уезда определил задачи политической, экономической и культурно-просветительной деятельности в целях консолидации удмуртского народа.

По инициативе Глазовского культурно-просветительного общества 14-16 июля 1917 г. состоялся II делегатский съезд удмуртов. Открывая съезд В.Д. Крылов выразил пожелание успешной и плодотворной работы на пользу своей нации. При этом он отметил, «что удмурты только объединенными силами могут выйти на широкий путь просвещения и культу-

ры» [34]. Рассмотрев текущие вопросы: 1) о совершившемся государственном перевороте, о Временном Правительстве, о войне; 2) сообщение с мест удмуртских представителей, явившихся на съезд; 3) о выборах в Учредительное собрание; 4) образование в уезде районных культурно-просветительных кружков; 5) об удмуртской интеллигенции; 6) организации общеудмуртского съезда и т.д., съезд принял соответствующие решения по их реализации. Знаменательным для съезда являлось рассмотрение и принятие Устава Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов, в котором отмечалась цель общества: просвещение удмуртов; улучшение медико-санитарных условий жизни местного населения; изучение истории удмуртского народа и т.п. [35]. Вторым делегатским съездом удмуртов был сделан очередной шаг в деле объединения и просвещения местного населения. Заложена основа в осуществлении поставленных задач.

Немаловажное значение в организации и просвещения удмуртов на местах имели решения удмуртской секции I съезда народностей Поволжья, проходившие 30 июня-3 июля 1917 г. в г. Казани. Председатель секции И.С. Михеев, секретарь Т.К. Борисов. В резолюции секции отмечалось: 1) открыть отделы общества народностей Поволжья в г. Казани, которые должны объединять удмуртов нескольких деревень или волости; 2) организовать работу отделов на основе Устава, который ими разрабатывается и утверждается. Для начальных школ, в которых должны были обучаться удмурты, секция приняла правила. В которых отмечалось: основная цель дать правильное воспитание и начальное образование подрастающему удмуртскому поколению; орудием воспитания и образования удмуртов должен быть их родной язык; учителями в удмуртских школах должны состоять лица местной национальности, имеющие соответствующий образовательный ценз и т.д. (всего 8 пунктов) [36]. Издаваемые О.П. Глезденевым листки на удмуртском языке под названием «Войнаысь», секция приняла решение преобразовать в уд-

муртскую газету под названием «Удмурт». Ответственным редактором был назначен В.Д. Крылов [37]. Первый номер газеты вышел в середине августа 1917 г. [38]. В последующем, до октября 1917 г. заседания членов правления Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов проходило трижды, где решались организационные вопросы [39]. Деятельность Глазовского культурно-просветительного общества способствовала росту национального самосознания, объединению и возрождению национально-культурных традиций удмуртского народа.

Советская власть на территории Удмуртии установилась в г. Ижевске в октябре 1917 г., в Глазове, Воткинске, Сюгинске, Камбарке – в январе, в Елабуге – в феврале, в Сарапуле – в марте 1918 г. Поскольку многие вопросы, выдвинутые в ходе национального движения, после Февральской революции остались нерешенными или решение их требовало завершения, деятельность местных национальных обществ после Октябрьской революции по-прежнему оставалась актуальной [40]. Руководство Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов, большей своей частью, поддержало советскую власть. Свою деятельность оно осуществляло в рамках устава и намеченных программных целей [41]. 13 ноября 1917 г., на своем очередном заседании, правление Общества приняло постановление, в котором отмечалось: ходатайствовать перед земской Управой об отпуске отделению 50 экземпляров букварей на удмуртском языке для использования их на занятиях со взрослыми; организовать в Глазовском уезде лекции на удмуртском языке; летом 1918 г. организовать курсы для удмуртских учащихся; учредить при земской управе должность заведующего инородческим образованием; выписать в действующие библиотеки имеющуюся удмуртскую литературу, газеты и т.д. [42]. Вопросы, выдвинутые правлением общества, были рассмотрены на уездном земском собрании и в большинстве удовлетворены. Вместе с тем в осуществлении идей правления имелись и определенные трудно-

сти. Так, в январе 1918 г. на земском собрании Н.И. Ложкин от имени группы гласных – удмуртов заявил протест против существующей системы распределения средств, предназначенных улучшить материальное положение учащихся гимназий, при этом отмечалось, что если такое отношение будет и дальше, то гласные – удмурты будут голосовать против кредитов на улучшение их материального положения [43].

Глазовское культурно-просветительное общество поддерживало тесные взаимоотношения с народами Поволжья. В целях обмена опытом работы и получения информации общество постоянно командировало в г. Казань своих членов. В конце февраля 1918 г. оно направило на Областной чрезвычайный съезд народов Поволжья и Прикамья И.Я. Поздеева [44]. На съезде участвовало 98 человек [45], которые обсуждали вопросы государственного устройства и ликвидации экономической и культурной отсталости малых народов. Съезд принял резолюции в духе решений III Всероссийского съезда Советов. Делегаты съезда выразили твердую уверенность в близости того дня, когда окончательно упадут «перегородки», созданные между трудящимися различных наций царским самодержавием и буржуазными националистами [46]. По возвращении, в начале марта, И.Я. Поздеев выступил с докладом на общем собрании членов Глазовского культурно-просветительного общества [47]. Обсудив доклад, члены общества поставили вопрос об учреждении национальных Комиссариатов, как «этапного пункта в работе с национальностями» [48]. Затем приняли решение о созыве в срочном порядке Глазовского делегатского съезда удмуртов, создании в г. Глазове удмуртской типографии. В заключении собрание разработало Программу предстоящего съезда и приняло воззвание к удмуртам [49]. Программа состояла из шести разделов: организационного; просвещение удмуртов; здравоохранения; экономического состояния удмуртов; религия; национального вопроса. В последнем разделе намечалось обсудить проблемы: все ли племена и народы равны между собой?;

должны ли удмурты погибнуть в свободном государстве?; почему удмуртский народ был унижен царским режимом, и как ему стать равным с другими народами?; как объединить всех удмуртов России в одну общую семью? [50]

В воззвании к удмуртам отмечалось: «Глазовское общество больше не может терпеть бесправие и разрозненность удмуртов, поэтому призывает всех объединиться между собой в одну дружную семью, и это можно сделать только через съезд. Подумайте между собой о жизни удмурта, сравните его жизнь с другими народами, и вы увидите большую разницу. Почему удмурт живет хуже и как улучшить его жизнь? Обо всем этом, обо всех своих нуждах, поговорим вместе на съезде. В единении сила! [51]

Из принятых решений общего собрания и воззвания к удмуртскому населению видно, насколько глубоко и все-сторонне повлияли на его членов решения Областного чрезвычайного съезда народов Поволжья и Прикамья. Насколько возросла их политическая активность, национальное самосознание и стремление осуществить Программу 1 уездного съезда удмуртов.

III съезд удмуртов Глазовского уезда проходил с 10 по 12 марта 1918 г. [52]. В первый день работы делегаты съезда были представлены от 11 из 23 волостей, в количестве 114 человек: 77 – от крестьянских сельских обществ; 37 – от Глазовского культурно-просветительного общества удмуртов. Неприбытие делегатов из других волостей объяснялось давлением со стороны русских, которые занимали ключевые должности (каких-либо документов, подтверждающих это мнение, на съезд представлен не был). Этому же мнению придерживался и доктор исторических наук Н.П. Павлов, ссылаясь на слова делегата В. Серебрянникова, высказанных в прениях [53]. Однако вряд ли с этим можно согласиться, так как на второй день работы съезда прибыло 92 выборных представителя от 15 волостей [54], их удостоверения были оформлены надлежащим порядком. При этом в ходе работы съезда ни

один из опоздавших делегатов не высказал жалобу в адрес неправомερных действий на местах со стороны русских.

Перед началом работы съезда с приветствием делегатов выступил представитель Глазовского уездного мусульманского Шуро (Совета) Ямбаев. Выражая благодарность за поддержку мусульман, он пожелал плодотворной работы делегатам съезда на пользу своей нации. Свою речь Ямбаев закончил словами: «Удмурт! Тыныд паськыт сюрес усь тэмын, ужа, мын, азылань, батыр лу!» (Удмурт, тебе открыт широкий путь, работай, иди вперед и будь силен!) [55]. Цель съезда была определена во вступительном слове В.Д. Крылова – председателя культурно-просветительного общества удмуртов. Выразив делегатам пожелания успешной и плодотворной работы, он сказал: «Братья, удмурты! Вы сегодня собрались сюда для устройства своих дел (связанных с национальным возрождением – В.В.) по инициативе Общества. Общество, во главе которого стою я, работает совершенно бесплатно. У нас одна мечта – скорее поднять культуру и просвещение, чтобы лучше и свободнее жилось удмуртам» [56].

Рассмотрев намеченные Программой вопросы, съезд по каждому из них принял конкретные решения. Основные из них: во все функционирующие в г. Глазове и уезде средние учебные заведения и высшее начальное училище принимать не менее 50 процентов удмуртских детей (в соответствии национальной пропорциональности населения); занятия в первые годы обучения проводить на родном языке; для подготовки преподавателей из удмуртов, открыть в г. Глазове учительскую семинарию; направлять во все средние учебные заведения г. Вятки не менее 10 процентов удмуртской молодежи. Впервые съездом был поставлен вопрос о создании удмуртского национального Комиссариата. В заключение своей работы, делегаты съезда приняли постановление о созыве губернского и всероссийского съездов удмуртов [57].

Таким образом, III съезд удмуртов Глазовского уезда выразил свою волю продолжать работу на благо своего народа.

В соответствии с постановлениями, принятыми на предыдущих съездах, наметил очередные мероприятия по поднятию политической активности удмуртов, новые задачи в области народного просвещения, здравоохранения и благосостояния народа. Поставлена цель единения удмуртов через губернский и всероссийский съезды.

Установившаяся Советская власть в г. Глазове, в основном, поддержала принятые решения III уездного съезда удмуртов. Это подтверждается материалами V Чрезвычайного съезда Советов крестьянских депутатов, который проходил в г. Глазове 23 февраля 1918 г. и обещал провести их в жизнь [58].

Очередное собрание Глазовского культурно-просветительного общества состоялось 5 апреля 1918 г. Был избран новый состав правления общества. В связи с самоотводом В.Д. Крылова, на должность председателя Правления тайным голосованием был избран З.Г. Лекомцев, членами – М. Попов, В. Фадеев, А. Суворов [59]. Знаменательным для удмуртского народа явилось следующее собрание членов Общества, состоявшееся 12 апреля 1918 г. Исполняя решение III уездного съезда, на должность Комиссара по национальным делам был выдвинут И.Я. Поздеев. Собрание вышло с ходатайством в Глазовский уездный исполнительный комитет об утверждении его кандидатуры [60]. Одновременно было принято Положение «О Комиссариате по национальным делам удмуртов». В котором отмечалось: 1) удмуртский Комиссар по национальным делам избирается из числа членов удмуртской секции уездного исполнительного комитета Совета депутатов, совместно с Глазовским культурно-просветительным обществом удмуртов; 2) Комиссар способствует проведению в жизнь культурно-национальной автономии и поднятию гражданского правосознания удмуртов; 3) ведет борьбу с отрицательными бытовыми явлениями; 4) все национальные дела удмуртов должны разрешаться при непосредственном участии Комиссара; 5) Комиссар по удмуртским делам является посредником между Глазовским культурно-просветительным

обществом и уездным исполнительным комитетом; 6) при обсуждении вопросов, касающихся национальных дел удмуртов уездным исполнительным комитетом, обязательно присутствует на его заседаниях с правом решающего голоса; 7) Комиссар имеет тесную связь с комиссариатом по национальным делам малых народов Поволжья и Приуралья и получает от него инструкции; 8) связь с центральным национальным отделом Народного Комиссариата внутренних дел РСФСР производит через областной комиссариат; 9) Комиссар в своих действиях подотчетен уездному исполнительному Комитету и культурно-просветительному обществу; 10) как равноправный член исполнительного комитета, Комиссар получает содержание из его средств; 11) при Комиссаре учреждается особый делопроизводитель за счет средств исполкома; 12) Комиссар имеет печать: «Комиссар по национальным делам удмуртов» [61].

Таким образом, в целях защиты интересов удмуртского народа учреждалась штатная должность в лице Комиссара по национальным делам удмуртов. Он обязан был представлять интересы своего народа в местных органах государственной и исполнительной власти. Появилось звено, через которое удмурты могли обратиться в органы Советской власти и отстаивать свои кровные интересы.

В мае Глазовское культурно-просветительное общество удмуртов рассматривало вопросы: 1) о направлении делегатов на I Всероссийский национальный съезд удмуртов в г. Елабугу; 2) об отношении к созданию Прикамской губернии; 3) о созыве IV уездного съезда удмуртов, по которым были приняты соответствующие решения [62]. 6 июля 1918 г. Глазовское культурно-просветительное общество, в связи с образованием отдела национальностей Глазовского уездного исполкома Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, сложило свои полномочия [63].

Все это свидетельствует о том, что октябрь 1917 г. дал возможность нерусским народам, в том числе удмуртам, развивать национальное самосознание, повышать культурный

уровень, отстаивать свои права через отдел национальностей, созданных при Советских органах. Если национальные вопросы народов до Октября рассматривались на уровне общественных организаций, то после Октября они стали делом государственных органов.

Второй этап характерен организационной сплоченностью удмуртских трудящихся в деле подготовки образования Удмуртской автономии [64]. Ярким свидетельством этому являлся первый Всероссийский национальный съезд удмуртов. Съезд открылся 26 июня 1918 г. в г. Елабуге. На съезде присутствовало 78 делегатов от Елабужского, Сарапульского, Малмыжского, Глазовского и Уржумского уездов Вятской Губернии; Казанского и Мамадышского уездов Казанской губернии; Осинского уезда Пемской губернии; Бирского уезда Уфимской губернии [65]. В ходе развернувшейся дискуссии, касающейся повестки дня [66], на обсуждение съезда были поставлены следующие вопросы: 1) об издательском деле; 2) об отношении удмуртов к созданию Татаро-Башкирской республики; 3) об отношении удмуртов к созданию Прикамской губернии; 4) об образовании отдельных удмуртских волостей; 5) о снабжении и кооперации среди удмуртского населения; 6) о народном здравоохранении; 7) о Центральном удмуртском комиссариате и выборе двух представителей в Наркомнац РСФСР; 8) о преподавании в школах Закона Божьего [67].

В своих выступлениях делегаты отражали глубокое удовлетворение от Созыва Всероссийского съезда удмуртов, выражали надежду, что именно съезд сделает первые практические шаги к реализации права народов России на самоопределение. В качестве путей достижения этой цели указывалось: самоопределение, создание административно-территориальной единицы, соответствующей месту проживания удмуртов, достижения равноправия наций, подъем культуры народа, его национального самосознания [68].

Обсудив вопросы о постановке народного образования, здравоохранения, развитии культуры, съезд признал необхо-

димым организовать обучение в школах на родном языке, открыть учительские семинарии и сельскохозяйственные школы, наладить издание литературы на удмуртском языке. Для медицинского обслуживания удмуртского населения организовать подготовку специалистов – медиков [69].

При рассмотрении вопроса об отношении удмуртов к созданию Татаро-Башкирской республики делегаты выразили отрицательное мнение, так как господствующим языком республики признавался мусульманский, поэтому возобладала идея образования своей, удмуртской административно-территориальной единицы и непосредственного вхождения ее в состав РСФСР. Свое отношение к России делегаты выразили следующим образом: «Входя в состав РСФСР, удмурты также имеют право на долю самоопределения (самоуправления)... Должно быть общее единение с русским народом. Все народы (большие и малые) должны составить общий союз и тогда земля наша (Российская – В.В.) будет землей союза народов, где у каждой народности будет свое управление (внутренне), свой суд, свои законы, свой язык, свое образование и свое правительство. Только тогда, когда каждой народности будет предоставлено свое полное самоопределение (внутреннее), проснутся спящие народы и быстрыми шагами пойдут по пути прогресса, по пути цивилизации» [70]. Таким образом, можно сделать вывод, что на съезде шла речь о самоопределении удмуртского народа в составе России, образования своей автономии, с устройством суда, издания законов, утверждения национального языка и образования, формирования законодательных и исполнительных органов. Съезд почти единогласно высказался за образование Прикамской губернии, так как с ее образованием удмурты, населяющие пять губерний, почти целиком входили бы во вновь образовавшуюся губернию, за исключением, удмуртов, проживающих в Самарской губернии, где их насчитывалось небольшое количество [71].

Вопрос об образовании отдельных удмуртских волостей, предложенное Гердом, у делегатов не встретил единодушия. Такое мнение не учитывало бы, во-первых, прежде всего хозяйственные потребности, во-вторых, могло вызвать недовольство русского населения, с которыми удмурты веками проживали в дружбе и согласии. Совместно решали вопросы, связанные с элементами общественного устройства.

Вопрос о создании в Вятской губернии комиссариата по делам удмуртов был передан на рассмотрение Вятского губисполкома, а 28 июля им была выделена комиссия, которая уже 29 июля вынесла решение, в котором образование национальных комиссариатов в губернии признавалось желательным [72]. 31 июля 1918 г. при народном Комиссариате по делам национальностей был учрежден Удмуртский отдел во главе с М.П. Прокопьевым. Было выработано «Положение об удмуртских организациях Наркомнаца» [73], в котором определялись их задачи, организационная структура, правила избрания и порядок взаимоотношений с другими органами. Перед Удмуртским отделом при Наркомнаце были поставлены задачи: 1) создание тесного союза удмуртского народа со всеми национальностями, живущими в пределах РСФСР, устранения всякого неверия к русским, которое было порождено политикой царизма; 2) вовлечение трудящихся масс в политическое и культурное строительство и к выполнению в полной мере задач Республики наравне со всеми трудящимися РСФСР [74].

Как видим, первый Всероссийский съезд удмуртов сыграл важную роль в деле самоопределения удмуртского народа [75]. На нем были намечены конкретные пути национального строительства, дан мощный импульс росту самосознания удмуртского народа, его консолидации. Съезд определил пути сближения удмуртского народа с другими народами страны, основанного на признании права каждого народа на автономное образование.

Удмуртский отдел при Наркомнаце разработал развернутый план мероприятий по созданию национальных секций

при Исполкомах уездных Советов. Но в начале августа 1918 г. на территории Удмуртии разгорелась гражданская война, которая значительно приостановила проведение в жизнь намеченных мероприятий. После разгрома Ижевско-Воткинского мятежа Удмуртский отдел при Наркомнаце приступил к осуществлению намеченного плана по восстановлению и организации национальных секций при исполкомах Советов. В январе 1919 г. при Вятском Губисполкоме был создан отдел по делам национальностей в составе удмуртской, татарской и марийской секции [76]. Отдел призван был проводить в жизнь мероприятия Советской власти в среде соответствующих наций на их родном языке, а также постановления Наркомнаца; принимать все меры по подъему культурного уровня и классового самосознания трудящихся нерусских национальностей; вести борьбу с национальными проявлениями [77]. С самого начала своей деятельности губернский отдел встретился с серьезными трудностями. Не хватало подготовленных работников, отсутствовала связь с центром и уездами. Учитывая острый недостаток в национальных кадрах, И.В. Сталин 14 января 1919 г. направил в Наркомнац телеграфное указание о немедленном откомандировании в распоряжение Глазовского исполкома всех партийных и советских работников-удмуртов [78]. Для выработки плана, координации работы с нерусскими народами и разработки мероприятий по преодолению указанных трудностей 20 февраля 1919 г. Губернский национальный отдел созвал в г. Малмыже съезд национальных меньшинств. Основное внимание съезд уделил организационной, агитационной и культурно-просветительной работе среди национальных меньшинств в губернии, составлявших примерно одну треть его населения. Обсудив доклады с мест, съезд приступил к секционной работе. На заседании удмуртской секции присутствовали 20 делегатов съезда. Секция подробно рассмотрела смету Удмуртского отдела при Наркомнаце, сметы на издание газет и журналов, на открытие курсов агитационных работников, учите-

лей, работников библиотек, клубов и изб-читален, ликвидаторов неграмотности и поручила удмуртским организациям командировать удмуртов на открываемые курсы.

После съезда работа среди национальных меньшинств Вятской губернии значительно улучшилась. Были выделены работники для укрепления национальных отделов. Со всеми уездами была установлена связь. Отдел отвечал на все запросы трудящихся нерусских национальностей на родном их языке [79].

Для координации деятельности удмуртских организаций заведующий Удмуртским отделом при Наркомнаце М.П. Прокопьев предпринял попытку созвать II Всероссийский съезд трудящихся удмуртов. В г. Сарапул, где намечалось проведение съезда, многие делегаты не могли прибыть из-за наступления войск Колчака. По согласованию с командованием 2-ой армии Восточного фронта проведение съезда было перенесено в село Нырья Ядыгерской волости Мамадышского уезда Казанской губернии (на родину М.П. Прокопьева). Протоколы съезда не найдены, возможно, в связи с военными действиями они не сохранились. Исследователь Е. Рябухин отмечает, что съезд был проведен на родном (удмуртском) языке. Он имел большое значение в укреплении революционной сознательности удмуртских рабочих и крестьян, в их борьбе с врагами Советской власти и строительстве новой жизни [80].

В конце апреля 1919 г., в связи с захватом территории Вятской губернии Калчаковскими войсками, работа национального отдела прекратилась. Его работники были мобилизованы в политический отдел военного Совета 3-ей Армии [81]. Руководитель отдела национальностей Н.П. Прокопьев, уйдя добровольцем на фронт, погиб.

В июне 1919 г. территория Вятской губернии была освобождена от войск Колчака и вновь создались условия для развертывания национального строительства. 5 июля 1919 г. возобновил свою деятельность отдел по делам национальностей при Вятском губисполкоме [82]. Стала активизироваться

их работа в уездах [83]. Окончание военных действий на территории Удмуртии определило свои сложности: отсутствие активных и грамотных работников, связи с уездами и центром, материальных средств, недостаток бумаги для издания газет и т.д. [84]. В целях устранения указанных трудностей Коллегия отдела по делам национальностей на своем заседании 25 августа 1919 г. постановила: созвать уездные съезды национальных меньшинств, а затем губернский съезд в г. Малмыже. Отдел командировал своих представителей в Казань, Вятку, Сарапул и другие уезды для оживления работы удмуртских организаций при исполкомах Советов. Одновременно ими были разосланы письма в Сарапульский, Глазовский, Малмыжский, Бирский, Мамамдышский и Осинский уездные Исполкомы с просьбой выслать статистические сведения о проживании в этих местностях удмуртов, необходимые для разработки проекта Удмуртской автономии [85].

На уездных съездах национальных меньшинств делегаты горячо приветствовали Советскую власть и проводимую ею национальную политику. Активизировалось движение за самоопределение удмуртского народа, за образование их автономии, осуществлению права, которое дала Советская власть всем народам России» [86]. Для реализации этой идеи, стала активно проводиться подготовительная работа по проведению III Всероссийского съезда удмуртов [87].

25 сентября 1919 г. в Сарапуле открылся III Всероссийский съезд удмуртов. Для его проведения прибыло 102 делегата от Вятской, Казанской, Пермской, Самарской и Уфимской губерний. Съезд открыл инициатор его созыва Т.К. Борисов, работавший к этому времени заведующим отделом народного образования Елабужского исполкома. По его предложению делегаты почтили память М.П. Прокопьева. В первый день работы съезда делегаты единодушно направили телеграмму председателю Совнаркома РСФСР В.И. Ленину, в которой отмечалось: «... мы уверены, что только Советская власть дает нам, забитым удмуртам, раскрепощение от экс-

плуатации какими бы то ни было буржуями. Только Советская власть выведет нас из тьмы, невежества на арену свободной культурной жизни» [88]. В телеграмме в Наркомнац указывалось, что в заботе Советского правительства об отсталых народностях кроется залог полного успеха социальной революции [89].

Рассмотрев вопросы: 1) текущий момент; 2) доклад с мест; 3) о народном образовании; 4) военный вопрос; 5) продовольственный вопрос; 6) организационный вопрос, съезд принял следующие резолюции [90].

Так, по народному образованию: 1) всем удмуртским организациям, ведающим делом народного образования, немедленно приступить к разработке сети устройства школ, библиотек, детских садов, площадок, клубов и т.д. в уездном, губернском и всероссийском масштабе; 2) приступить к учету всех грамотных лиц, организовать краткосрочные и долгосрочные курсы для подготовки работников по всем отраслям народного образования, а также сельского хозяйства; 3) поручить Центральному удмуртскому Комиссариату подготовить необходимые кадры инструкторов по народному образованию; 4) принимая во внимание недостаток культурных работников – удмуртов, поручить Центральному удмуртскому Комиссариату ходатайствовать о передаче всех интеллигентных удмуртов в распоряжение удмуртских организаций; 5) для объединения всего удмуртского населения при Центральном комиссариате по удмуртским делам организовать издательство; 6) поручить уездным удмуртским секциям на местах организовать печатное дело; 7) Центральному удмуртскому комиссариату организовать издание официальной и периодической литературы на удмуртском языке; 8) приступить к изучению родного края, собирая памятники старины, сказки, песни; 9) поручить Центральному удмуртскому Комиссариату разработать план созыва съезда работников просвещения и осуществить его в ближайшем будущем.

По организационному вопросу: 1) существующие при губернских, уездных исполкомах и отделах народного образования секции: народный комиссариат по удмуртским делам, представительство в Наркомпросе, признать необходимыми и поддерживать их всеми мерами. В местах, где нет секций или отделов, приступить к их организации; 2) имея в пяти губерниях удмуртские организации для централизации всей работы, съезд признает необходимым организацию Центрального Комиссариата по удмуртским делам в г. Сарапуле, как территориальном центре населения. Кроме этих лиц с правом решающего голоса входят: заведующий Удмуртским отделом при Наркомнаце и представитель удмуртов отдела национальных меньшинств при Наркомпросе.

Съезд избрал коллегия Удмуртского комиссариата. В нее вошли: Т.К. Борисов – избран комиссаром; В.А. Максимов, П.А. Стрелков, Г.Н. Гусев, П.М. Бурбуров [91]. На этом съезд завершил свою работу.

Материалы съезда свидетельствуют о возросшей активности удмуртского народа в борьбе за новую жизнь, активизации их деятельности на пути к национальному самоопределению, повышении национального самосознания. Избрание Коллегии Удмуртского комиссариата явилось основой для организационного оформления автономии.

22 октября 1919 г. коллегия Народного Комиссариата по делам национальностей заслушала доклад представителей III Всероссийского съезда удмуртов, приняла к сведению его резолюции и указала на необходимость активизации деятельности Удмуртского отдела при Наркомнаце. С этой целью представителям удмуртского съезда совместно с уполномоченным ЦК РКП (б) И.А. Наговицыным было предложено составить детальный план работы и смету отдела, о чем доложить на очередном заседании коллегии Наркомнаца [92].

28 октября 1919 г. коллегия Наркомнаца вновь вернулась к этому вопросу, вынесла следующее решение: «... В согласии с постановлениями рабоче-крестьянского съезда удмур-

тов утвердить Удмуртский Комиссариат в г. Сарапуле в соответствии с общими положениями и конструкцией Наркомнаца, сохраняя подконтрольность Удмуртского Комиссариата местной и центральной власти» [93]. По ходатайству Т.К. Борисова руководителем Удмуртского Комиссариата был утвержден И.А. Наговицын.

Перед Удмуртским Комиссариатом, а также созданных им к концу 1919 г. [94], удмуртскими секциями при исполкомах Советов были поставлены задачи: 1) создание тесного союза удмуртского народа со всеми национальностями, проживающими в пределах РСФСР; 2) устранение недоверия к русскому народу, которое было порождено национальной политикой царского самодержавия; 3) вовлечение удмуртских трудящихся в политическое и культурное строительство и выполнение задач, стоящих перед Советской Республикой, наравне со всеми трудящимися страны; 4) представительство интересов удмуртского народа в Наркомнаце; 5) оказание юридической помощи удмуртскому населению; 6) изучение материальной и духовной культуры удмуртов, природы удмуртского края; 7) проведение мер, направленных на подъем экономики региона [95].

Удмуртский Комиссариат был уполномочен осуществлять непосредственную связь со всеми удмуртскими организациями и руководить их деятельностью, учитывать всех имеющихся на местах партийных и советских работников из удмуртов, проводить воспитательную работу и целесообразно использовать их. Центральной задачей комиссариата была подготовка к созданию Удмуртской автономии [96].

В Удмуртском комиссариате были образованы три отдела: общий под руководством Т.К. Борисова; агитационно-инструкторский во главе с П.А. Стрелковым; издательский, во главе его был поставлен И.С. Михеев, а в последствии – К.И. Чайников (Кузубай Герд). В связи с недостатком подготовленных работников Комиссариат и Сарапульский уездный комитет партии обратились в ЦК РКП (б) с ходатайством об

открытии в Сарапуле школы партийной и советской работы. 15 февраля 1920 г. партийная школа была открыта. За 10 месяцев своей работы она сделала три выпуска в количестве более двухсот человек, в том числе 91 удмурта. Выпускники-удмурты направлялись Комиссариатом на места, где преобладало удмуртское население, а наиболее способные оставались для работы в комиссариате. Партийная школа при Удмуртском комиссариате играла большую роль в подготовке актива из удмуртов. Опираясь на него, Советы осуществляли задачи по политическому воспитанию трудящихся, мобилизации их на хозяйственное и культурное строительство.

Удмуртский комиссариат тесно взаимодействовал с местными партийными и советскими органами. Совместно обсуждались вопросы национального строительства, велся подбор национальных кадров, проводились съезды национальных меньшинств. Большое внимание Комиссариат уделял развитию национальной печати. Он издавал газеты, книги, плакаты, листовки. Основным печатным органом комиссариата была газета «Гудыри». С января 1920 г. она выходила три раза в неделю, тиражом пять тыс. экземпляров. Газету получали в 1600 удмуртских деревнях, 800 школах, 70 библиотеках и т.д. Большую роль комиссариат сыграл в популяризации произведений классиков русской литературы среди удмуртских читателей. На удмуртском языке были впервые изданы произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, А.П. Чехова. Только за 1920 г. Удмуртский Комиссариат издал более 100 названий книг, газет, журналов и плакатов общим тиражом 1089100 экземпляров [97].

Следует отметить, что именно печать, на родном языке служила средством политического просвещения интеллектуального развития, способствовала консолидации и национальному самосознанию удмуртского народа.

Одним из важных мероприятий в перестройке народного образования было введение преподавания в школах на удмуртском языке, что позволило удмуртам по-новому взгля-

нуть на советскую школу. Они по собственной инициативе стали строить новые школы, предоставляли для них свои помещения, брали на себя их содержание [98]. Комиссариат всячески способствовал направлению удмуртов в высшие учебные заведения Вятки, Казани, Москвы и других городов. В марте 1920 г. для удмуртской молодежи было выделено 100 мест в ВУЗ-ах страны [99].

Одним из основных организационных мероприятий, оказавшим значительное влияние на национальное движение, повышение активности удмуртского народа в общественной жизни, было – подготовка Всероссийской конференции коммунистов-удмуртов, которую Удмуртскому Комиссариату предложил созвать ЦК РКП (б), в целях выработки «методов партийной работы среди удмуртов в виду особенностей условий быта и психологии масс» [100].

Удмуртский комиссариат провел большую подготовительную работу, чтобы в сознании удмуртского народа сформировались четкие представления о принципах национальной политики Советской власти. Одной из основных его задач была централизация руководства удмуртскими отделами и секциями, а также работа с национальными партийными и советскими кадрами, в которых ощущался острый недостаток. Заслугой комиссариата являлось и то, что он впервые поставил вопрос об организации научного исследования всех сторон социально-политической, экономической жизни, истории, культуры и быта удмуртского народа. Активно приступил к осуществлению строительства новой жизни и подготовке условий, необходимых для образования Удмуртской автономной области.

Третий этап ознаменовался открытием Всероссийской конференции коммунистов-удмуртов, которая являлась важным событием в общественно-политической жизни удмуртского народа. Конференция проходила в Сарапуле с 6 по 11 июня 1920 г. На ней присутствовало 62 делегата, представлявших свыше 400 членов и кандидатов в РКП (б) – удмуртов

[101]. Конференция обсудила злободневные вопросы политического, экономического и культурного строительства среди удмуртского народа, а также постановку организационно-партийной и массово-политической работы. Об этом свидетельствует повестка для конференции, на которой были поставлены следующие вопросы: текущий момент, доклады с мест, отчет Удмуртского Комиссариата при Наркомнаце, IX съезд РКП (б) и его решения, продовольственный и земельный вопросы, методы партийной работы среди удмуртского населения, организационный вопрос, работа среди женщин, работа среди молодежи, очередные проблемы, партийная литература на удмуртском языке, подготовка партийных работников, текущие дела [102]. Основным вопросом конференции стало создание автономии удмуртского народа. Делегатами отмечалось: «... Удмуртский народ не участвует в строительстве Советской власти. Главным тормозом является его некультурность и отсталость. Большая часть удмуртского населения неграмотна. Единственный выход – самоопределение удмуртского народа путем создания Удмуртской автономной административной единицы» [103]. На конференции развернулась дискуссия по вопросу организации формы Удмуртской автономии. Заместитель Комиссара по делам удмуртов отмечал: «Принципиально из участников конференции никто не возражал против образования административной удмуртской единицы. Стороны касались формы: республика, область или трудовая коммуна? Затем одна сторона этой конференции настаивала на немедленном ходатайстве перед Центром об автономии, другая сторона добивалась только принципиального постановления» [104]. Голоса разделились поровну [105]. В связи с тем, что не было выработано единого мнения, конференция решения по этому вопросу не приняла. Делегаты согласились с предложением комиссара по делам удмуртов И.А. Наговицына направить своих представителей для согласования этого вопроса с центральными партийными и советскими органами.

Конференция образовала Центральное бюро удмуртских секций и ячеек, по типу секции отдела работы среди национальностей при ЦК РКП (б). Оно должно было направлять деятельность губернских и уездных удмуртских секций при партийных комитетах, ответственных организаторов и агитаторов в волостях, политотделах Красной Армии и железных дорог. Членами Центрального бюро были избраны И. Наговицын, Т. Борисов, П. Стрелков, Г. Трефилов, Г. Гусев, кандидатами – П. Поздеев, И. Постников [106].

На конференции было принято решение о создании Удмуртского отделения государственного издательства, в целях расширения выпуска партийной литературы, книг, брошюр, плакатов и газет на удмуртском языке. Учитывая отсталость местного населения, коммунисты поставили цель всемерно вовлекать трудящихся удмуртов в хозяйственное и культурное строительство, при этом обращать особое внимание на женщин и молодежь [107]. На основе решений конференции местные партийные организации и Удмуртский Комиссариат провели пропагандистско-агитационную работу по разъяснению итогов конференции коммунистов-удмуртов, проводили собрания молодежи, женщин, красноармейцев, учителей, рабочих в Сарапульском, Слободском, Глазовском других уездах. Трудящиеся-удмурты, в своем большинстве, единодушно одобряли национальную политику партии и Советского правительства, а также решения конференции коммунистов-удмуртов. Через несколько дней, как закончила работу 1-я Всероссийская конференция коммунистов-удмуртов, по инициативе Удмуртского Комиссариата было организовано проведение 1-го Всероссийского съезда удмуртских работников просвещения. Съезд проходил с 15 по 21 июня 1920 г. в Сарапуле [108]. На нем присутствовало 245 делегатов [109]. Съезд обсудил вопросы: текущий момент, отношение Советской власти к национальным меньшинствам, доклады с мест, дошкольное воспитание, трудовая школа, подготовка работников просвещения, профессиональное образование, вне-

школьное образование, ликвидация безграмотности, физическое воспитание, удмуртский литературный язык, основы удмуртского просвещения, литературно-издательская работа, организационный вопрос, выборы, текущие дела [110].

По словам Т.К. Борисова задача съезда состояла в том, чтобы достичь полного объединения удмуртской интеллигенции с пролетариатом в борьбе за просвещение народа, за социалистическую культуру [111]. В резолюции съезда отмечалось: «... все культурные работники должны дать для трудящихся максимум энергии. У Удмуртской интеллигенции, вышедшей недавно из самой трудовой массы, не должно быть никаких колебаний, никаких сомнений. Все за работу, за полное возрождение трудящихся удмуртов через централизацию всей политической, культурной и экономической жизни, к полному объединению с трудящимися всех национальностей [112]!

Таким образом, решения съезда ускорили процесс консолидации национальной интеллигенции, повысили ее общественно-политическую активность, способствовали возрастанию ее роли в национальном движении, в культурно-просветительной работе трудящихся-удмуртов.

По докладу И.А. Наговицына о проделанной работе Удмуртским Комиссариатом по образованию автономии ЦК РКП (б) и Наркомнац признали целесообразным создать административно-территориальную автономию. Это решение основывалось политическим, социально-экономическим уровнем развития удмуртского народа. При ЦК РКП (б) было организовано бюро агитации и пропаганды среди удмуртов с местом пребывания в Сарапуле. Председателем утвержден И.А. Наговицын, секретарем Т.К. Борисов, членами – П.А. Стрелков, Г.А. Трефилов, Г.Н. Гусев, кандидатами – П.Ф. Поздеев, И.И. Постников [113]. С этого момента началась практическая работа по оформлению автономии. Однако следует отметить, что проходила она в условиях острой политической борьбы, как с проявлениями великодержавного шовинизма, так и местного национализма.

Несмотря на это Удмуртский Комиссариат и Удмуртское бюро агитации и пропаганды при Центральном комитете партии настойчиво разъясняли сущность национальной политики и решительно выступали против шовинистических взглядов. Их позиция выражалась четко и недвусмысленно: «Мы совершенно не имеем в виду с провозглашением автономной Удмуртской области зажить сепаратно от остальных наших товарищей-коммунистов других национальностей или отделиться от масс других народов, замыкаясь только в свою обособленную национальную жизнь. Ничего подобного в наших намерениях нет. Мы рассчитываем на помощь русских коммунистов и коммунистов других национальностей» [114].

Когда вопрос о создании Удмуртской Автономной области был в принципе решен, националистически настроенные работники Удмуртского комиссариата во главе с К. Гердом потребовали исключения г. Ижевска из состава области и организации уездных центров в удмуртских селах. Они сумели добиться решения Наркомнаца об утверждении центром автономии не промышленного Ижевска, как предполагали И.А. Наговицын и другие, а г. Глазова [115]. Как показали дальнейшие события, это решение было поспешным и непродуманным как в экономическом, так и в этническом плане. Как видим, в самом начале образования Удмуртской автономии были заложены те противоречия и проблемы, которые по мере ее развития стали все более углубляться и обостряться.

В результате кропотливой работы к августу 1920 г. завершилось составление проекта административно-территориальных границ Удмуртской автономной области. И.А. Наговицын представил его в Наркомнац. Наркомнац подготовил проект правительственного декрета об образовании Удмуртской автономной области, который 23 сентября был согласован с межведомственной комиссией и представителями татарского, чувашского и марийского народов по вопросу разграничения границ [116]. 2 ноября 1920 г. проект декрета [117] был обсужден на заседании СНК РСФСР под

председательством В.И. Ленина. При обсуждении проекта В.И. Ленин внес в него существенные поправки, в частности, исключил из него указание на окончательное установление границ и организацию области на территории национального преобладания. Замечания В.И. Ленина указывали, что при решении национальных проблем необходимо исходить не только из этнических факторов, но и экономических, исходя из конкретной обстановки. Последующее развитие Удмуртской автономии подтвердило правоту В.И. Ленина.

4 ноября 1920 г. постановлением Всероссийского ЦИК и СНК была образована Автономная область Вотякского народа [118], которое заложило основы удмуртской национальной государственности, а также определило систему его высших и местных органов власти. Ввиду того, что коренное население Вотской автономной области в историческом и этнографическом отношении является удмуртским народом, постановлением Президиума ВЦИК от 1 января 1932 г. Вотская АО была переименована в Удмуртскую автономную область.

Для определения границ Удмуртской автономной области и выработки конкретных предложений была создана правительственная комиссия. По окончании ее работы, 5 января 1921 г. декретом ВЦИК «Об автономной области вотского (удмуртского) народа» [119] п. 1, было определено административно-территориальное деление УАО. В его состав вошли: из Вятской губернии г. Глазов и 27 волостей Глазовского уезда, г. Ижевск и 18 волостей Сарапульского уезда, 14 волостей Елабужского и 12 волостей Малмыжского уездов. Административным центром автономии был утвержден г. Глазов. Население Удмуртской автономной области составляло 693540 человек, из них 59 процентов удмуртов [120]. Этим же декретом п. 2, предусматривалось создание областного революционного комитета, ближайшей задачей которого являлся созыв 1-го съезда Советов Удмуртской области и управление всей областью. 11 января 1921 г. состав ревкома был утвержден в оргбюро ЦК РКП (б), а 25 января ВЦИК. Председате-

лем был назначен И.А. Наговицын, членами – Т.К. Борисов, С.П. Барышников, Н.Ф. Шутов, кандидатами – П.А. Стрелков, И. Плотников. С образованием Удмуртской автономной области и ее органов Удмуртский комиссариат и Удмуртское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП (б) сложили свои полномочия, прекратилась подчиненность Вятской губернии.

Важную роль в завершении организационного оформления Удмуртской автономной области сыграли перевыборы Советов, первый съезд Советов Удмуртской автономной области. В соответствии с решением VIII Всероссийского съезда Советов перевыборы сельских, поселковых и городских Советов стали проводиться через каждые три месяца, а съезды Советов не реже как через три месяца, волостные (при сохранении полномочий членов волисполкомов в течение шести месяцев) и не реже двух раз в год уездные, губернские [121]. Исполкомы должны были собираться: волостные и уездные – не реже одного раза в неделю, губернские – не реже одного раза в две недели. Кроме заседаний исполнительных комитетов, стали созываться расширенные совещания исполкомов с участием представителей нижестоящих советов, совещания заведующих отделами исполкомов. На обсуждение расширенных совещаний ставились вопросы, как местного, так и государственного значения. Принимались меры к наиболее широкому осведомлению трудящихся о деятельности Советской власти, к укреплению связи советских работников с рабочими и крестьянами.

Большое значение для консолидации удмуртского народа, развития его политической, социально-экономической и культурной жизни, имело решение Президиума ВЦИК от 10 июня 1921 г. о переводе административного центра области из г. Глазова в г. Ижевск [122]. Главным аргументом для принятия такого решения было то, что Ижевск являлся самым крупным пролетарским центром Удмуртии. Здесь были сосредоточены наиболее подготовленные кадры для ведения хозяйственной и административно-политической работы и

сильная партийная организация. Несмотря на то, что удмурты в нем составляли немногим больше двух процентов от всех жителей, Ижевск составлял единое экономическое целое с остальной территорией Удмуртии, занимал выгодное транспортно-экономическое положение по отношению к остальной части Удмуртии и был окружен населенными пунктами, где проживало, в основном, удмуртское население.

Образование Удмуртской автономной области явилось важным стимулом для широкого участия трудящихся Удмуртии во всех сферах созидательной деятельности, открыло им для этого широкие возможности, создало политико-организационную основу для дальнейшего осуществления национальной политики на территории области. Усилилась консолидация удмуртского народа в границах национально-государственного образования, что явилось важным фактором экономического, культурного подъема, последующего всестороннего развития удмуртского народа.

1.2. Административно-территориальное устройство Удмуртской автономной области

Важнейшим условием строительства Удмуртской автономной области являлось ее административно-территориальное устройство. Оно, как и в других автономиях, играло основную роль в формировании экономической целостности, правильной организации государственного управления, четком функционировании государственного аппарата, улучшении работы советских органов и расширении их связи с трудящимися.

Уже в декабре 1918 г. Второй Всероссийский съезд Советов народного хозяйства признал административное деление России устаревшим, не соответствующим действительным экономическим условиям и центрам тяготения, и внес предложения о создании новой системы административно-

территориального деления. Несколько позднее, в 1919 г., этот вопрос был поставлен на VIII партийной конференции [123]. Во исполнение ее решений VII Всероссийский съезд Советов своим постановлением от 9 декабря 1919 г. поручил ВЦИК решить практически эту проблему [124]. Административная комиссия ВЦИК, созданная в феврале 1920 года, разработала принципы нового районирования и административно-территориального деления республики [125]. В их основу были положены: 1) экономический производственный принцип. Он состоял в том, чтобы, прежде всего, учитывались экономические условия соответствующей территории, ее экономическая зависимость и тяготение к тем или иным экономическим центрам. Таким образом, каждая административно-территориальная единица должна была формироваться как экономически организованное целое; 2) учет национального состава населения. Он имел важное значение для правильного деления в условиях многонационального Союза ССР, на территории которого проживало более 100 наций и народностей. В практике советского государственного строительства этот принцип воплощался в образовании автономных областей и национальных округов; 3) максимальное приближение государственного аппарата к массам. Он вытекал из самой сущности Советской власти. Аппарат власти, как в центре, так и на местах мог успешно функционировать только в том случае, если он опирался на трудящихся, вовлекая их в свою работу. Это должно было являться важнейшей предпосылкой для работы по обслуживанию нужд населения различных местностей, создания условий для широкого привлечения их к деятельности государственного аппарата.

Такие же комиссии были образованы при губернских и уездных исполнительных комитетах. Они собирали материалы, характеризующие культурно-экономическое положение соответствующих губерний и уездов и подготавливали предложения по вопросам изменения существующего деления. Образованная в феврале 1921 г. Общеплановая государствен-

ная комиссия по районированию совместно с ранее созданной административной комиссией обосновала предложения о новой системе административно-территориального деления РСФСР [126]. Она предложила проводить его на основе экономического районирования. В результате его проведения намечалось осуществить переход от четырехзвенного административного деления – область, уезд, волость, сельсовет, – к трехзвенному – область, округ, район [127].

Этот план обсуждался на XII съезде партии, который счел его лишь предварительной рабочей гипотезой, нуждающейся в дополнении, проверке и дальнейшей разработке на основе опыта, так как это «требует осторожного подхода и большого срока для своего окончательного проведения» [128]. Съезд поручил ЦК партии сначала провести этот план только в двух районах (промышленном и сельскохозяйственном), с организацией в ней областных исполкомов. По отношению к остальным областям, национальным республикам и губерниям съезд партии постановил, что необходимо продолжать разработку плана районирования, не допуская его фактического проведения в жизнь до учета опыта, полученного в названных двух областях.

В соответствии с указаниями партии в ноябре 1923 г. была создана Уральская область, объединившая территорию ряда существовавших до этого губерний [129]. Она подразделялась на 15 округов, куда входил Сарапульский округ [130], которые включали в себя районы. Специально принятое ВЦИК-ом X созыва Положение об этой области предоставило ее органам значительно больше прав по сравнению с губернскими. К ведению окружных органов были отнесены права бывших губернских органов, а районные органы получили, в основном, права уездных органов. Этим и объясняется отношение Председателя Уральского облисполкома Д.Е. Сулимова к просьбам руководителей Удмуртской автономной области о передаче г. Сарапула и его районов Удмуртской автономной области, а не амбициями, местничеством и импер-

скими устремлениями, противоречащими здравому смыслу и сочувствием к народу, стремящемуся к возрождению, о чем пишет в своем монографическом исследовании профессор К.И. Куликов [131]. Также и отношением Центра к просьбам руководителей УАО о пересмотре границ Удмуртской автономной области [132].

В феврале 1924 г. была создана Юго-Восточная область, получившая в дальнейшем название Северо-Кавказского края, включавшего в себя территорию нескольких губерний национальных автономий [133]. Изучение опыта создания этих областей имело большое значение для последующего проведения районирования в масштабах всей федеративной республики (РСФСР).

Таким образом, первым этапом районирования следует считать национально-государственное размежевание, а вторым – административно-экономическое районирование внутри вновь образованных республик и автономных областей. В целом это было крупнейшим шагом вперед в развитии советской национальной государственности [134].

Вопрос об очертаниях границ и административно-территориальном устройстве Удмуртской автономной области являлся частью сложной и важной проблемы административно-территориального устройства всей страны. Государственные органы ставили своей задачей создать такое административно-территориальное деление, которое в наибольшей степени соответствовало целям построения социализма, наилучшим образом удовлетворяло интересы трудящихся, полнее, глубже и эффективнее учитывало хозяйственные, культурные условия и национальные потребности в целях более успешного развития каждого из народов в отдельности и Союза ССР в целом. От административно-территориального деления автономной области во многом зависел результат деятельности местных советских органов.

Основы очертаний границ и административно-территориального устройства Удмуртской автономной обла-

сти первоначально были созданы в результате выполнения декретов ВЦИК и СНК от 4 ноября 1920 г. и ВЦИК от 5 января 1921 г. [135]. Необходимо отметить, что границы определялись по национальному составу самим населением, поэтому некоторые территории населенные удмуртами, оказались за пределами области [136]. В связи с этим многие важные вопросы, связанные с границей области и внутриобластным делением, остались нерешенными. Поэтому, после образования Удмуртской АО, в советские органы стали поступать предложения об уточнении границ УАО [137], как и других автономных областей и республик. Эти предложения рассматривались в административных комиссиях ВЦИК, исполкомов Удмуртской АО и соседних губерний, областей и республик [138]. Для решения их требовалось длительное время, так как необходимо было предварительно выявлять мнение населения, изучить национальный состав, хозяйственные связи, согласовывать с соседними регионами и т.д. В связи с этим окончательное решение указанной проблемы в Удмуртии затянулось до 1939 г.

Так, лишение Удмуртской автономной области г. Сарапула и части волостей входящих в Сарапульский, Глазовский, Елабужский и Малмыжский уезды, способствовало нарушению, во-первых, экономического производственного принципа [139], во-вторых, учета национального состава населения [140]. Поэтому восстановление границ, имевших место до 1920 г. явилось основной деятельностью руководителей Удмуртской автономной области. Уже 17 февраля 1921 г. Областной Революционный комитет [141] направляет телеграмму за № 1459 об изменении южных границ УАО в административную комиссию ВЦИК [142], которая ею была рассмотрена и после некоторых уточнений постановлением ВЦИК от 30 сентября 1921 г. частично удовлетворена. В Удмуртскую автономную область была переведена Водзимонская волость Малмыжского уезда Вятской губернии [143].

Последующее ходатайство о пересмотре границ ВАО имели со стороны Центра лишь некоторые уступки. Так, 15 декабря 1924 г. Президиумом ВЦИК было вынесено постановление о присоединении Карсавайской волости Омутнинского уезда Вятской губернии к Глазовскому уезду [144], передача которой была проведена 7 февраля 1925 г. [145] Постановлением ВЦИК от 10 июня 1929 г. в Удмуртскую автономную область из Вятской губернии были переданы Сюмсинская волость и сельские Советы Волипельгинской волости – Волипельгинский, Карсинский, Мальканский, Новожуинский, Ожгинский, Тыловыл-Пельгинский, которые были включены в Вавожскую волость Можгинского уезда [146]. Несмотря на то, что вопросы районирования УАО рассматривались IV (5-10 декабря 1922 г.), V (6-10 декабря 1923 г.), VI (25 февраля - 4 марта 1925 г.), VII (27 февраля - 9 марта 1926 г.), VIII (25 марта - 3 апреля 1927 г.), IX (21-26 марта 1929 г.) областным съездом Советов, и выносились ходатайства о пересмотре границ области, они, в основном, удовлетворены не были. Удмуртский Облисполком периодически направлял в Комиссию ВЦИК по районированию обоснованные заявки на желательное расширение территории УАО, в которых учитывалось требование Госплана о районировании, чтобы «в основном народность в национальных областях в результате присоединения смежных территорий ни в коем случае не была представлена меньше чем 51 процент» [147]. При этом четко определялось, что проектируемые к присоединению районы разделяются на две категории: первая предполагает присоединение преимущественно на основе национального признака (волости Малмыжского уезда); вторая – по чисто экономическим основаниям (меньшая часть Малмыжских волостей, Воткинский район, отдельные селения Татарской АССР и Омутнинский уезд) [148]. Право на существование Удмуртской АО, как национально автономной единицы, было признано за ней самим фактом образования области. Как известно, национальное самоопределение возможно лишь на

прочной экономической базе. Между тем, как видно из выше изложенного, у УАО в исследуемый период ее не было. Это выдвигало перед руководством Удмуртской автономной области задачу хозяйственного устройства путем расширения территории до своих исконно исторических границ. Естественно, границы области совпадали с границами расселения удмуртского народа. Поэтому перед руководством УАО была проблема: поддерживать проведение принципа учета национального состава, даже если при этом пришлось бы ограничиться половинчатым решением экономического (хозяйственного) вопроса или ценой минимальных уступок Центра в решении указанного принципа осуществить полное экономическое устройство автономной области. Поэтому вставал вопрос об утверждении гибкости форм советской автономии, которая заключалась в том, что нация или народность, дающая ей имя, может либо представлять собой абсолютное большинство населения данной автономии, либо относительное большинство, либо, в отдельных случаях, даже находиться в меньшинстве. Практика подтвердила обоснованность этих суждений. Достоверность которой отметил в своем исследовании Д.Л. Златопольский [149].

Выполняя указания Комиссии ВЦИК по районированию отмеченные в телеграмме от 16 сентября 1925 г. за № АУ/715/22 на предмет установления в окончательном виде внешних границ Удмуртской АО, Облисполком в своем обосновании взял за основу вторую линию, то есть осуществление экономического устройства области [150]. В срочном порядке были сделаны запросы в исполнительные комитеты ТАССР, БАССР, МАО и других прилегающих регионов на установление проживания в них удмуртов [151]. Проанализировав полученные данные, Облисполком определил, что в волостях Малмыжского уезда, Воткинской территории, отдельных селениях ТАССР и Омутнинском уезде проживали до 44 процентов удмуртов: культурные и национальные нужды их не выполнялись; количество удмуртских школ ограничива-

лось; обучение в большинстве школ велось на непонятном для удмуртов русском языке; из 937 выборных должностей только 213 (22,7 %) были заняты удмуртами; из 145 человек технического персонала удмуртов было лишь 7 (4,8 %) [152].

Основываясь на проведенный анализ и учитывая, что Центр не в достаточной степени изучил экономические связи УАО, Облисполком в адрес Комиссии при ВЦИК по районированию и Госплан РСФСР в конце 1925 г. направил ходатайство о расширении территории Удмуртской автономной области. В нем было представлено пять вариантов присоединения предлагаемых волостей с учетом процентного соотношения удмуртов [153]. При этом отмечалось среднее расстояние отдельных волостей от г. Малмыжа и отдельных уездов Удмуртской автономной области, о чем свидетельствует таблица [154]:

Таблица 1

**Расстояние отдельных волостей от г. Малмыжа
и отдельных уездов Удмуртской автономной области**

№ п/п	Волости	Расстояние от г. Малмыжа		Расстояние от уездного центра Удмуртской ав- тономной области	
		макси- мальное	минималь- ное	макси- мальное	минималь- ное
1.	Кильмезская	115 в.	40 в.	130 в.	40 в.
2.	Сюмсинская	153	85	135	65
3.	Волипель- гинская	86	50	55	35
4.	Старо- Трикская	100	50	50	30
5.	Вятско- Полянская	60	35	15	до Красно- го пос.
6.	Малмыжская	45	1	до линии ж.д.-1 40-20 в.	по ж.д. 90- 70 в.

Указанные данные подтверждают, что экономически отдельные волости Малмыжского уезда успешнее могли бы

развиваться в составе УАО. Тем более, что на работу и за покупкой предметов первой необходимости жители этих волостей ездили в Удмуртскую область.

Таким образом, присоединение левобережной части Малмыжского уезда полностью смогло бы разрешить вопрос о границах УАО на западе и юго-западе и установить экономические связи.

По определению южной границы предлагалось передать Удмуртской АО часть Елабужского кантона. Основанием являлось то, что Агрызская волость непосредственно прилегает и сильно вклинивается в территорию Удмуртии [155]. Село Агрыз находилось в 30 верстах от г. Ижевска. Между собой их связывала железнодорожная ветка: Агрыз – Ижевск – Воткинск. У населения с. Агрыз в УАО были торговые интересы и они мели в области дополнительные заработки. И наоборот, административная и экономическая связь с г. Елабугой была затруднительна из-за дальности расстояния – 80 верст, отсутствия железной дороги. Учитывалось, что большое количество удмуртских поселений: Омга, Варклет, Варклет-Бобья, Удьяды, Удьяды-Салья, Тады-Салья, Старая Салья, Нижняя Салья, Карамас-Пельга, Якшур, Варзи, Варзи-Омга, Варзи-Пелга и др. не принесет неблагоприятных изменений в национальный состав УАО, а с. Агрыз с 4370 чел. населения является, главным образом, торговым и транспортным центром [156].

Как видим, с присоединением с. Агрыз, Удмуртская АО получила бы выход на магистраль Казанской железной дороги, основы решения административных вопросов, связанных с развитием экономических отношений южного района области.

Кроме того, руководители УАО были заинтересованы в присоединении территории прилегающей с юга и востока к Алнашской волости, примерно до р. Камы. Основанием являлось значительное количество удмуртских селений: Старая Юмья, Монашево, Кузебаево, Енабердино и др., а р. Кама с ее многочисленными притоками и пристанями дала бы возможность всестороннего экономического развития области [157].

На Востоке ставился вопрос о присоединении Воткинского района, который находился в Сарапульском округе Уральской области. Основным мотивом являлось то, что Воткинский, Игринский, Сюгинский заводы составляли единую систему промышленных предприятий УАО. Исключение из числа Воткинского завода служило немалым препятствием для дальнейшего промышленного развития области. К тому же Воткинский завод являлся исконной и исторически неотъемлемой частью Удмуртской АО. Это подтверждалось самим названием г. Воткинск, р. Вотка и большим количеством удмуртского населения, проживающим на территории данного района. Близость г. Воткинска к областному центру, однородность его с г. Ижевском в производственном и торговом отношении, возможность использования на Воткинском заводе удмуртского пролетариата, обуславливало закономерность и обоснованность требований руководителей УАО. При этом ставился вопрос о присоединении только некоторых пунктов, простирающихся до р. Камы: Воткинская и Глазовская волости – полностью; Июльская, Перевозинская и Светлянская – частично (исходили из старых границ) [158].

Таким образом, УАО получала бы выход к рекам Каме и Сиве, радикально разрешалась основная проблема – транспорт; прилегающие леса, удобства для эксплуатации; завершенность, в основном, территориальной целостности.

К северной части УАО принималось решение присоединить Омутнинский район Вятской губернии. Решающим фактором служила однородность хозяйственной структуры: прилегающие лесные массивы, интенсивное производство льна, богатые сырьевые ресурсы, непосредственная связь с г. Глазовым – крупным торговым и заготовительным центром. Омутнинский район также являлся источником сырья, в частности, железняка, который был необходим для Ижевского и Воткинского заводов [159].

При таком подходе северная часть Удмуртской АО приобрела бы единую целостность, а Ижевский, Воткинский за-

воды – возможность доставки железняка непосредственно с территории области, а не с Урала, что существенно повышало экономический потенциал области. Однако, с присоединением Омутнинского района, где проживало, в основном, русское население, значительно бы понижалось процентное соотношение удмуртского народа к русскому.

Председатель Облисполкома УАО Т.К. Борисов в ходатайстве об образовании административной комиссии в целях объективной защиты интересов области отмечал: «Мы всецело стоим на втором решении – экономическом устройстве области – В.В.) и со своей стороны полагаем, что формальный признак (51 %) должен служить лишь общей ориентировочной нормой и отнюдь не может играть роль решающего фактора там, где сама жизнь выдвигает иные, бесспорные требования. Теперь, когда остается только завершить устройство УАО, а оно возможно лишь при полном и самом тщательном учете нашей экономики, настоящей и будущей – недостающие 1-1,5 процента способны затормозить экономические мероприятия, необходимость и плодотворность которых бесспорна во всех отношениях» [160].

В силу субъективных причин, касающихся Омутнинского района Уральской области (они указаны выше) и ТАССР, которой Советская власть дала возможность воссоединить разорванные административным делением царской России земли татарского народа в одно целое и образовать на базе этих земель их национальную социалистическую государственность [161], поэтому удовлетворить просьбу руководителей УАО о выделении их территории не представлялось возможным, так как уже в то время ТАССР занимала видное место в экономике Союза ССР, в производстве ряда важнейших видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Таким образом, несмотря на неоднократность и объективность просьб руководителей Удмуртской автономной области [162], Комиссия ВЦИК по районированию, выполняя решения XII Съезда партии, их удовлетворить не имела возможности.

18 октября 1924 г. состоялось очередное заседание Комиссии по районированию при ВЦИК. На основании выработанных предложений, Президиум ВЦИК 10 ноября утвердил оргбюро по созданию Вятско-Ветлужского края. Неизбежно сталкиваясь с вопросами строительства Удмуртской автономной области, Административная комиссия ВЦИК для осуществления общих принципов районирования, стала изыскивать возможность присоединения УАО к Вятско-Ветлужскому краю или Уральской области. Руководствуясь решениями XII съезда партии, Высшие органы власти РСФСР внимательно подходили к этому вопросу. В актах, определявших территорию УАО детально перечислялись все местности, отходившие к новому образованию, вплоть до волостей и даже отдельных деревень, обсуждалась экономическая целесообразность, национальный фактор [163]. Показательным является совещание, проведенное 23 декабря 1925 г. при Секции местного хозяйства Госплана РСФСР по вопросу «О вхождении УАО в Вятско-Ветлужский край или в Уральскую область» [164]. На нем присутствовали: от Секции местного хозяйства и районирования М.И. Семенов, И.Б. Месснер, Н.М. Тоцкий, П.Н. Степанов, И.Ф. Цызырев, И.И. Житницкий; от Комиссии по районированию ВЦИК С.А. Ильин; от Административной комиссии ВЦИК М. Лежнев, Председатель Вятского губисполкома Н.К. Груздев, член Президиума Вятско-Ветлужского крайплана Г. Ардашев; от Представительства Уральской области при Президиуме ВЦИК Л. Сеткин; представители УАО: Председатель Облисполкома Т. Борисов, член Президиума Удмуртского облплана Н. Скрипкин, представитель УАО при Президиуме ВЦИК И. Ширококов.

Вопрос о присоединении УАО к Вятско-Ветлужскому краю или Уральской области совещанием решался с точки зрения государственной целесообразности [165]. Так, за основу вхождения УАО в Вятско-Ветлужский край учитывалось: 1) однородность производительных сил промышленных и кооперативных предприятий (кроме Ижевского завода); 2)

единый лесной массив и направление сплава; 3) формирование бюджета и его объем; 4) единые водные артерии (реки).

Единственным серьезным препятствием являлось отсутствие прямой связи УАО с центром края – Вяткой, которое устранялось с постройкой железной дороги Ижевск – Глазов. Одновременно совещание брало во внимание отсутствие научно-экономического обоснования присоединения УАО к Уральской области. Признавалась однородность Урала с Ижевским, Воткинским заводами и Сарапульскими предприятиями. Учитывая это, Н. Тоцкий отметил: «...выделить территорию Ижевского района из УАО, тем более, что состав населения г. Ижевска русский, объединить ее с территорией Воткинского завода, и присоединить к Уралу. При таких условиях совершенно отпадает вопрос о частичной однородности УАО с Уралом» [166]. Ижевск являлся единственным крупным культурным и промышленным центром УАО, именно через него шло формирование удмуртского народа в нацию, промышленное развитие севера и юга, становление национального рабочего класса. Поэтому предложенный вариант был неприемлем.

Не решив вопрос окончательно, Совещание приняло постановление: 1) признать, что настоящим совещанием не было представлено никаких новых данных, доказывающих необходимость изменения существующей позиции Госплана в вопросе о тяготении УАО к Вятско-Ветлужскому краю; 2) принять к сведению заявление представителей УАО, что вопрос о вхождении ее будет решен в течение 2-х месяцев на Удмуртском областном съезде, после проведения которого вновь созвать участников настоящего Совещания в Госплане РСФСР для окончательного разрешения вопросов о вхождении УАО и о решении ее границ в части Малмыжского уезда; 3) принимая во внимание, что при такой задержке вопроса страдает дело – поддерживать прямую связь с Оргбюро Вятско-Ветлужского края; 4) признать чрезвычайно важной постройку железной дороги Ижевск – Глазов. Поручить Оргбюро Вятско-Ветлужского края представить подробное эконо-

мическое обоснование этой железной дороги. Такое же поручение возложить на Облплан УАО.

Указанные мотивы явились основой обсуждения делегатов XII областного съезда Советов Удмуртской АО проходившего 27 февраля - 9 марта 1926 г. Рассматривая присоединение УАО к Уральской области делегаты отметили, что 68 процентов промышленности охватывает горнозаводскую и добывающую. УАО представляет сельскохозяйственный район, где фабрично-заводская промышленность развита слабо. В лесе и хлебе Урал не нуждается. Присоединившись к Уралу, УАО будет являться лишь придатком, потеряет самостоятельность.

Съезд признал в принципе целесообразность присоединения УАО к Вятско-Ветлужскому краю, при условии постройки железной дороги Ижевск – Глазов и расширения границ за счет прилегающих территорий [167].

Однако, в связи с нехваткой денежных средств, железная дорога Ижевск – Глазов в рассматриваемый период не была построена, что явилось основным препятствием присоединения УАО к Вятско-Ветлужскому краю.

19 июня 1928 г. Президиум Госплана РСФСР под председательством А.М. Эссена заслушав доклад «О районировании неоформленных частей РСФСР» в своем решении указал, что проект образования Вятско-Ветлужского края в составе Вятской губернии, Вотской и Марийской АО, вызывает возражение по следующим основаниям: во-первых, хозяйственная и финансовая слабость Вятско-Ветлужского края, разрыв единого Унженско-Ветлужско-Вятского района; во-вторых, разобщение тяжелой индустрии Нижегородской, Вятской губерний и УАО с их железно-рудными залежами; в-третьих, разрыв кожевенной промышленности. Одновременно, Президиум рассмотрел вопрос об объединении Нижегородского и Вятского регионов. Целесообразность их объединения определялась однородностью сельскохозяйственного, лесного развития, ценовой промышленности, а также транспортных условий [168].

Переход к областному делению в РСФСР на основе экономического районирования закончился в связи с организацией Западной, Нижегородской, Центрально-промышленной, Ивановской промышленной областей и Северного края [169]. Подводя итоги этой работы, XIV Всероссийский съезд Советов (май 1929 г.) в Постановлении по докладу Правительства РСФСР отметил, что «...проведением районирования завершена важнейшая проблема государственного устройства РСФСР, при котором административное деление сочетается с экономическими и национальными особенностями данной территории» [170].

В результате районирования (учитывая решение Президиума Госплана РСФСР от 19 июня 1928 г.) Удмуртская автономная область совместно с Вятской губернией и Марийской автономной областью, постановлением Президиума ВЦИК от 14 января 1929 г. [171] вошла в состав Нижегородской области. Следует отметить, что 29 июня 1928 г. Облисполком УАО (одновременно Чувашская АССР, Марийская АО) внес протест против включения области в состав Нижегородского – Вятского края, одновременно ходатайствуя о присоединении УАО к Уральской области [172]. В протесте отмечалось, что организация Вятско-Ветлужского края в составе, в качестве основного его ядра – Вятской губернии, Удмуртской и Марийской АО, вполне отвечала жизненным интересам УАО, ввиду полной однородности природно-хозяйственной характеристики составных единиц края... В новом краевом объединении область неизбежно должна играть роль отдаленной и маломощной периферии, крайне слабо связанной с центром в производственном, торговом и транспортном отношении, не говоря уже о неудобствах администрирования... [173]. Рассматривая данную концепцию необходимо отметить, что руководящие работники Чувашской АССР, МАО в том числе и УАО недооценивали преимущества нового районирования, усматривали в нем умаление прав национальных автономий и возражали против объединения. Это побудило ВЦИК 28 июня 1928 г. издать По-

становление «Об условиях вхождения автономных советских социалистических республик в состав районированных краевых (областных) объединений» [174] и Постановление ВЦИК и СНК «О взаимоотношениях между автономными областями, вошедшими в состав краевых (областных) объединений, и органами краевой (областной) власти» от 29 октября 1928 г. [175], подтвердившие, что автономные республики, входя в краевые объединения, сохраняют свои конституционные полномочия. Таким образом, Правительство РСФСР подчеркивало, что новое административное районирование не только не ведет к поглощению автономных республик и областей, но, напротив, помогает им стать на путь более быстрого экономического и культурного развития. Постановления способствовали урегулированию взаимоотношений краев РСФСР с автономными республиками и областями.

В декабре 1928 г. вхождение УАО в Нижегородскую область на правах автономной национальной единицы было одобрено решением ОК ВКП (б) Удмуртской АО [176] и трудящимися Удмуртии [177]. Как показал ход исторического развития, новое районирование усилило хозяйственную и административную самостоятельность местных органов власти, которые получили возможность решать ряд вопросов, относившихся ранее к компетенции вышестоящих органов. Руководящим ядром вновь образованных административно-территориальных единиц стали главным образом крупные промышленные центры – очаги политического влияния пролетариата на крестьянство.

В 1929 г. на XIV съезде Советов РСФСР в Конституцию РСФСР был внесен ряд изменений, связанных с вступлением СССР в период развернутого наступления социализма. Значительно была расширена ст. 13 Конституции РСФСР, трактующая о правах наций, входящих в состав Российской Федерации. В тексте Конституции, принятой XII съездом Советов РСФСР в 1925 г., эта статья была посвящена охране прав национальных меньшинств. На XIV съезде Советов РСФСР в ст. 13 Консти-

туции было внесено дополнение, определявшее сущность Российской Федерации как государства, образовавшегося на основе добровольно и твердо выраженной воли наций [178].

Законодательное закрепление прав наций на местах имело исключительное значение для народа Удмуртии в установлении окончательного варианта границ УАО. Этому способствовало и широко развернувшееся колхозное движение, потребовавшее укрепления районов и расширения прав районных органов. «Поскольку узловым пунктом, где осуществляются директивы партии и Советской власти, является район, – указывалось в решениях XVI конференции ВКП (б), – сюда необходимо перенести центр тяжести работы по улучшению и исправлению государственного аппарата» [179].

Сотни заявлений колхозов и колхозников, проживающих в Уральской области, с просьбой о включении их в состав УАО, рассматривались Президиумом Облисполкома Удмуртской автономной республики. В заявлениях указывалось, во-первых, экономическая целесообразность; во-вторых, выражалась просьба о включении их колхозов в состав УАО [180], так как большинство проживающих являлись удмуртами. В Постановлении Президиума отмечалось: «Поддержать и просить Крайисполком санкционировать их решение» [181]. Это явилось основанием для ВЦИК в постановлении «О разделении Горьковского края» [182] от 7 декабря 1934 г. отнести к Кировскому краю, в состав которого вошла Удмуртской автономной область, Сарапульский и Воткинский районы Свердловской области. Таким образом, был восстановлен единый хозяйственный комплекс, разрушенный в 1920 г., удовлетворены обоснованные просьбы, которые на протяжении многих лет высказывались трудящимися этих селений.

28 декабря 1934 г., в составе Кировского края, УАО была преобразована в Удмуртскую АССР [183]. Принятие новой Конституции СССР 1936 г. позволило Удмуртии выйти из Кировского края и прекратить сложившиеся правоотношения с краевыми органами. 22 октября 1937 г. Президиумом ВЦИК

было вынесено Постановление об удовлетворении ходатайства ЦИК УАССР и Кировского облисполкома о передаче Воткинского, Сарапульского, Киясовского и Каракулинского районов из Кировской области в Удмуртскую АССР [184]. 10 декабря 1937 г. Президиум ВЦИК постановил: «Утвердить изменения границы УАССР и Кировской области в связи с передачей в Удмуртскую АССР Воткинского, Киясовского и Каракулинского районов Кировской области» [185]. 9 ноября 1938 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР были перечислены в состав Удмуртской АССР из Вятско-Полянского, Кильмезского и Малмыжского районов Кировской области 21 сельский Совет [186], из них в январе 1939 г. был образован Кизнерский район [187].

Таким образом, объединение ранее разорванных в административно-территориальном отношении удмуртских селений в составе Удмуртии означало удовлетворение одного из исконных желаний трудящихся Удмуртии и их стремлений к свободному национальному развитию. Это повышало авторитет Советской власти, активность трудящихся, содействовало приобщению новых их слоев к делу управления страной. Образование Удмуртской АССР и последующее улучшение очертаний ее границ способствовало консолидации удмуртского народа. Если в 1920 г. на территории УАО проживало 693540 человек, то в 1939 г. население увеличилось по данным переписи, до 1223000 человек, почти в два раза. Консолидируя трудящихся удмуртов в составе АССР, Советская власть ликвидировала остатки преград для национального развития, созданных прежней административно-территориальной разобщенностью, содействовала умножению народных сил. Присоединение к Удмуртской АССР перечисленных районов и селений имело важное хозяйственное значение. Удмуртия стала более компактной экономически. Населенные удмуртами волости, ранее входившие в состав Уральской области, располагали благоприятными возможностями для развития лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности

[188]. В результате большой работы, проделанной местными органами Советской власти при активном участии трудящихся и получившей узаконение во Всероссийском ЦИК, были созданы устойчивые очертания границ УАССР.

1.3. Борьба за территориальное оформление Удмуртской государственности

В начале XX века территория Удмуртии с центром в г. Сарапуле, охватывала все Прикамье с бассейнами Чепцы и Вятки и включающая все четыре уезда Вятской губернии (Глазовский, Елабужский, Сарапульский и Малмыжский), а также часть Бирского и Осинского уездов, где компактно проживали удмурты, была бы наиболее удобной и рационально организованной во всех отношениях [189]. Здесь особо выделялись такие факторы, как судоходность главной р. Камы с ее многочисленными портами и пристанями (Галево, Гольяны, Сарапул, Камбарка, Икское Устье, Тихие Горы, Бондюга и Елабуга). Уже в течение двух столетий р. Кама являлась своеобразной артерией, обеспечивающей сложившийся здесь единый многоотраслевой промышленно-экономический комплекс, включающий металлообрабатывающую, лесную, стекольную, кожевенную и химическую промышленность, а именно: Ижевский и Воткинский металлообрабатывающие заводы (при этом Ижевский был уже тогда одним из крупнейших в России), Сюгинский стекольный, Бондюжский и Кокшанский химические заводы, Сарапульские кожевенные и обувные фабрики на правом берегу Камы, Камбарский и Михайловский металлообрабатывающие заводы на левом берегу ее.

Весь этот комплекс имел экономическое тяготение к единому финансово-торговому центру – г. Сарапулу, где были расположены, как отмечено в последующем параграфе, банки, кредитные товарищества, торговые учреждения, связывающие все Прикамье с портами и промышленно-

экономическими центрами Поволжья на юге и Печорского бассейна, вплоть до Ледовитого океана, – на севере. Достаточно отметить, что только торгово-экономический оборот купцов Стахеевых, имеющих торговые базы, банки и промышленные объекты в г. Сарапуле и г. Елабуге, достигал до революции 70 млн. руб. золотом в год.

Наличие еще двух судоходных и сплавных рек Чепцы и Вятки, протекающих сквозь огромные лесные массивы, также играло бы немаловажную роль в общем хозяйственно-экономическом комплексе будущего государственно-территориального образования. Две линии железной дороги: Казань-Екатеринбургской – в центре и Пермской – на севере, возможность соединения их при строительстве новой ветки протяженностью 146 км позволяли связать все районы будущей Удмуртии со всеми экономическими центрами страны. Наконец, через Удмуртию проходили две линии Сибирского тракта, которые в то время, хотя и не имели большого экономического значения, но на общую инфраструктуру могли бы оказывать существенное влияние. И все эти пути были связаны с г. Сарапулом. Одним словом, более выгодной системы, более рациональной организации всего хозяйственного механизма в то время не могла бы иметь ни одна область, ни одна автономия страны.

Примечательно, что идея создания такой административно-территориальной единицы – Прикамской губернии – возникла еще в царское время, задолго до образования Уфимской губернии. В 1865 г. г. Сарапул стоял в списке городов, предназначенных в перспективе стать центрами губерний. В 1878 г. эта идея вновь обсуждалась на страницах печати. В 1911 г. представители г. Сарапула очередной раз попытались ходатайствовать о создании Прикамской губернии, но начавшаяся первая мировая война помешала претворению этой идеи в жизнь.

Проект создания Прикамской губернии обсуждался на I и II уездных конференциях Прикамских Советов в апреле и июле 1918 г. Конференции опирались на нормативные доку-

менты советского государства, принятые 19(6) февраля 1918 г. [190], в которых отмечалось, что «вопросы об изменении границ губерний, уездов и волостей разрешаются всецело местными Советами крестьянских, рабочих и армейских депутатов», что «области, губернии, уезды и волости могут разделяться также на части, образуя новые административные или экономические единицы». Таким образом, первоначально местным органам власти предусматривалось дать полномочия самостоятельно решать вопрос об административном (национальном) устройстве. Однако на местах стали принимать различные решения по созданию национальных и территориально-административных образований, включая и их наименования, что нарушало единство. Поэтому центром было отменено предыдущее решение и определено, что формирование территориальных образований является прерогативой ВЦИК, Госплана, Наркомата внутренних дел, Наркомнаца и Наркомзема. Это дало возможность осуществлять территориально-административное устройство России с учетом развития всех элементов общественного устройства: политических, экономических и социальных.

Рассматривая идею создания Прикамской губернии, на базе которой могла быть создана автономия удмуртов, необходимо отметить, что основным препятствием осуществления этого плана являлась концепция И.В. Сталина. Она выражалась в том, что только местное население должно иметь приоритет первых лиц в руководстве национальным образованием. Чтобы этого не допустить, члены Сарапульского уездного парткома и исполкома стали мотивировать свое мнение с опорой именно на концепцию Сталина. Этим и объясняется публикация статьи в газете «Беднота» – органе ЦК РКП (б), к которой писалось следующее: «...Вятка. Губ. Совет сообщает, что уезды Елабужский и Сарапульский хотят образовать самостоятельную Прикамскую республику, являются житницей Вятской губернии, и предполагаемая республика носит кулацкий контрреволюционный характер» [191].

Одновременно противодействие шло и со стороны Пермской губернии. Губернский Совет протестовал против решения Сарапульского Совета присоединить Ершовскую волость Осинского уезда ввиду того, что «свободная торговля хлебом Сарапулом дезорганизует планы снабжения» [192]. Такие «аргументы» не имели под собой никакой почвы, но импонировали Центру.

В итоге ни в 1918 г., ни в следующем организационное оформление Прикамской губернии не состоялось. В 1920 г., когда центральные органы дали добро на подготовку к образованию Удмуртской автономии, деятели национального движения, в том числе один из создателей удмуртской автономии Т.К. Борисов, планировали построить будущую государственность на базе идеи создания Прикамской губернии с центром в г. Сарапуле, Здесь был размещен Удмуртский комиссариат, созданы различные организации, связанные с будущей автономией, и общее мнение складывалось именно в пользу такого решения.

Выше изложенным объясняется и то, что партийное и советское руководство Сарапула прекрасно понимали, что будущее административно-территориальное образование будет связано с самоопределением удмуртского народа и многим руководителям Сарапульского уезда, а также представителям губернских органов, находящихся в г. Сарапуле придется уступить руководящие посты представителям удмуртской национальности. Поэтому начали категорически выступать против включения этого города и всего уезда в будущую автономию. Созданию такой ситуации в немалой степени способствовали личные мотивы, а именно угроза потери, прежде всего, служебного и общественного положения. Все это привело к внутриусобной борьбе, в которой проявились не только амбиции, но и нежелание понять объективные обстоятельства. В итоге были забыты и отмечены те положительные идеи и предложения, которые вынашивались на протяжении нескольких десятков лет.

В январе 1920 г. председатель Сарапульского уездного парткома М. Агапитов и председатель уездного исполкома Н. Туранов из г. Сарапула направили в Наркомнац и ЦК РКП (б) телеграмму следующего содержания: «...Съезд председателей райпарткомов и заседание уездкомпартии высказались против не только присоединения уезда к Вотской республике, но и против образования самостоятельной вотской единицы вообще, принимая во внимание, что вотское население слишком разбросано и в большинстве смешано с русскими крестьянами, также совершенно не интересуется своей нацией». Далее в телеграмме отмечалось, что руководителей-удмуртов «почти нет, имеющиеся далеко не соответствуют руководителям самостоятельного центра, и поэтому наша просьба воздержаться от создания самостоятельного центра Вотской республики. Подробный материал наших мотивов вышлем почтой» [193].

Такую же позицию занимали руководящие работники, находящиеся в г. Ижевске и г. Воткинске. Все это подготовило почву, чтобы г. Сарапул не только не стал столицей Удмуртии, но и вообще не вошел в нее. Вслед за этим отпали от проектируемой автономии Бирский и Осинский уезды, г. Воткинск, а далее началась борьба за отход еще двух уездов: Елабужского и Малмыжского. Здесь отрицательную роль сыграло еще одно обстоятельство. По настоянию Герда (Чайникова) состоялся перевод центра Вотской автономной области в г. Глазов, хотя этому решению категорически возражал И.А. Наговицин, при этом он предупреждал, что такое решение является поспешным и ошибочным, а главное приведет к серьезным экономическим последствиям. В данном случае необходимо учитывать и то, что г. Глазов совершенно не был связан ни в экономическом, ни в культурном отношении с тремя южными уездами, при этом не являлся источником социально-экономического развития Удмуртской автономной области. Более того, в этот город нельзя было доехать ни зимой ни летом. По железной дороге, например, до г. Глазова можно было добраться только через Москву или

Екатеринбург, затратив на это неделю и более. Все это помогло представителям Татарской республики в ведении агитационной работы в Елабужском уезде, куда были направлены телеграммы следующего содержания: «Срочно сообщите мнение уисполкомов о переходе уезда в Татарскую республику или Вотскую республику. Центр вместо Ижевска намечается г. Глазов. Ваши мотивы необходимы при определении границ. Ответ срочно телеграфируйте» [194]. В такой обстановке большинство волисполкомов высказалось за переход в Татарскую республику, хотя в этом уезде татар было намного меньше, чем удмуртов. Таким же образом отошла часть Малмыжского уезда в Татарию и Вятскую губернию.

Выделение территории нового национально-государственного образования разрушило сложившийся хозяйственный комплекс Прикамья и вместе с ним Удмуртии. В состав ВАО вошли Ижевский и Сюгинский заводы, а взаимосвязанные с ними Боткинский и Михайловский остались за границей области. Удмуртия лишилась судоходной р. Камы с ее пристанями. Также не вошли в ее территорию реки Вятка и Кильмезь – основные артерии для лесосплавных работ. Такое деление способствовало, наряду с другими причинами, развитию экономического кризиса. Притом страдали не только те предприятия, которые вошли в ВАО, но и оставшиеся за ее пределами: Сарапульские кожевенные фабрики, Боткинский металлообрабатывающий завод, который был вынужден полностью закрыться уже в 1922 г. и не действовать в течение четырех лет.

Отрицательные последствия такого решения для Удмуртии были неисчислимы. Тот принцип, которым руководствовались ЦК РКП (б) и ВЦИК, т.е. включение в национальную автономию только тех территорий, на которых должно проживать не менее 51 % коренного населения, привел к тому, что около 100 тыс. удмуртов, проживающих компактно на сопредельных с ВАО территориях, остались вне автономии. К этому необходимо добавить и то, что задержка с образованием ВАО, длительные переговоры об улаживании границ, которые происходили

по инициативе Т.К. Борисова с приграничными республиками и губерниями не приводили к положительным результатам.

1.4. Географическое положение. История возникновения и развития г. Сарапула

Как отмечалось выше, именно город Сарапул являлся колыбелью формирования Удмуртской автономии, а в последующем одним из административных центров с высокоразвитой кожевенно-обувной промышленностью, что выгодно отличало его от других городов Удмуртии, за исключением Ижевска.

Сарапул раскинулся на живописном правом берегу среднего течения Камы на юго-востоке Удмуртской АССР. Он является городом республиканского подчинения и административным центром. Сарапульский район граничит с Каракулинским, Камбарским, Завьяловским, Киясовским, Малопургинским районами Удмуртской АССР и Фокинским районом Пермской области.

Географическое положение Сарапула определяется, прежде всего, его близостью к мощной судоходной магистрали – реке Каме, при пересечении ее с железнодорожной линией Казань – Свердловск.

По отношению ко всей Удмуртии Сарапул занимает самую юго-восточную часть республики и оказывает большое влияние не только на свой административный район, но и на Камбарский, Каракулинский, отчасти Киясовский районы. Расстояние от столицы Удмуртии, Ижевска, до Сарапула по шоссейной дороге составляет 66 километров, по железной дороге через Агрыз значительно больше – 89 километров. Из других городов страны ближе всего к Сарапулу расположены Казань (360 километров по железной дороге), Пермь (465 километров через Ижевск по железной дороге, а по Каме – 418), Киров (494), Свердловск (612 километров). До столицы

нашей Родины Москвы по железной дороге 1143 километра. До Астрахани по водному пути 2160 километров.

Располагаясь в Западном Предуралье, Сарапул является транзитным городом между Центральным с одной стороны, и Поволжским и Волго-Вятским районами – с другой. Такое транзитное положение города, усилившее его экономико-географическое положение, привело к появлению здесь крупного перевалочного пункта и дальнейшему развитию города в целом. До строительства железнодорожной магистрали Казань – Свердловск, связи с внешним миром Сарапула опирались на сезонный водный путь по Каме и далее по Волге и отчасти на гужевой транспорт в летнее время. Это являлось определенным тормозом для экономического развития города, для связей с центральными районами России. Строительство железной дороги в 1912 году явилось важным событием для Сарапула. Оно оживило его экономическую и культурную жизнь и значительно улучшило в целом географическое положение города. Из всех городов Удмуртии Сарапул имеет самое выгодное экономико-географическое положение, однако в силу определенных исторических событий он не стал самым крупным городом республики. Свое первенство он уступил промышленному центру республики – Ижевску.

Сарапул как город сложился в долине реки Юрманки при ее впадении в Каму, на нижнем склоне Старцевой горы. Археологи установили, что на месте современного Сарапула люди обитали уже в древнейшие эпохи, относящиеся к V-XI векам. А могильники и городища, обнаруженные в пригороде Сарапула (около населенных пунктов Юшково, Непряха, Яромаска, Нечкино), относятся к еще более раннему периоду – IV-V векам нашей эры.

В VIII-XIII веках люди, спасаясь от притеснения волжских булгар, селились в притоках мелких рек, занимались, в основном, охотой, рыболовством. Первое упоминание о Сарапуле было отмечено в переписной книге 1596 года, в которой указывалось, что «в казанском уезде, вверх Камы реки в Сарапуле и

Сиве ловят рыбу из оброков и пермячьих...». Сарапулом в то время назывался участок реки, где на перекате в изобилии водилась «Сарапуль», что в переводе с болгарского означало желтая рыба, то есть стерлядь. Из Поместного приказа 1621 года видно, что здесь, в селе Вознесенском «... что на Сарапуле... всего в живущем сто тридцать два двора...». Жили в селе дворцовые крестьяне, которые вылавливаемую стерлядь доставляли в стольный град Москву в так называемых прорезных стругах. В XVI веке село стало одним из восточных опорных пунктов русского государства, дабы защищать местное население от набегов башкир и других кочующих народностей.

Кроме того, в 1621 году в Дозорной книге имеется упоминание о селе Вознесенском, расположенном на Сарапуле. Село находилось вблизи дороги, ведущей из Петербурга в Сибирь. Постепенно роль села возрастала. Оно становится одним из восточных опорных пунктов Русского государства, поэтому в нем появляются различные сооружения военного характера. С целью военного усиления правобережья реки Камы правители Русского государства построили на этом месте ряд опорных пунктов – крепостных сооружений, обращенных на реку. В XVII веке для освоения территории Прикамья началось массовое переселение сюда русских крестьян. С увеличением русского населения для его насильственной христианизации в районе Сарапула были основаны два монастыря – Успенский (ныне село Яромаска) и Спасский (Усть-Сарапулка). В XVII веке в Сарапуле появляются купеческие мануфактуры в виде нескольких мелких предприятий по выделке кож, производству мыла и других изделий, что послужило началом развития торгово-промышленного капитала. Это приводит к усилению роли Сарапула как административного и торгового центра.

В 1740 году село Вознесенское становится дворцовой слободой под названием Сарапуль. Прибрежная территория на 60-70 верст составляла Сарапульскую дворцовую волость Казанского уезда. Для освоения территории сюда переселялись русские крестьяне, занимавшиеся земледелием, рыбо-

ловством, лесным промыслом. Многие жители начали заниматься выделкой кож. Появились кустари – «кадушечники».

В 1773 году в Прикамье побывал академик Паллас. Вот что он писал о Сарапуле: «Дворцовое село, Сарапуль именуемое, строением обывательских домов и богатством жителей превосходит многие уездные города. В нем хороший рынок и всевозможные лавки, находящие прекрасный сбыт». Это говорит о том, что уже в то время в Сарапуле были хорошо развиты различные промыслы, ремесла и торговля.

24 сентября 1780 года указом Екатерины II утверждается Вятское наместничество из 13 округов (уездов). 24 сентября 1780 года было образовано Вятское наместничество из 13 округов, дворцовую слободу Сарапуль переименовали в город, он становится центром округа. В 1781 году городу был подарен герб, представлявший собою щит, верхнюю часть которого занимала эмблема Вятского наместничества. На золотом фоне была изображена протянутая из облака рука с натянутым луком, под ней красный крест. В нижней части щита размещалась Сарапульская эмблема, где был изображен в серебряном поле на высокой горе деревянный рубленый город-крепость.

В год провозглашения слободы городом (1780) в нем было 333 дома, 3 церкви. В числе 1226 жителей – 128 купцов, 51 мещанин, 1047 дворцовых крестьян. В городе тогда действовали мыловаренный и два кожевенных завода. Это позволяет сделать вывод о торгово-ремесленной специализации Сарапула. 13 августа 1784 года в Царском Селе императрица Екатерина II утвердила «План Вятского наместничества городу Сарапулу». Его площадь составляла 35000 квадратных сажен. От Юрманки до Сарапулки пролегли три улицы: Больше-Покровская (ныне улица Труда), Вятская (Раскольниковая), Троицкая (Красноармейская). Дальше проходил земляной вал, являвшийся границей.

В 1796 году с преобразованием Вятского наместничества в губернию город Сарапул стал уездным центром. В десяти волостях уезда проживало 24642 ревизские души, в городе – 1091.

После провозглашения слободы городом его развитие характеризуется очень медленным увеличением численности населения и слабым развитием ремесла и торговли. Тем не менее, роль Сарапула как административного и торгового центра росла довольно быстро. Еще до провозглашения его городом в 1770 году в нем было открыто первое малое народное училище для мальчиков, единственным учителем которого был А.И. Вештомов. Росла роль Сарапульской пристани.

В 1797 году революционный демократ и писатель А.Н. Радищев, возвращаясь по Каме из сибирской ссылки, записал в своем дневнике лестный отзыв о трудолюбии удмуртов, подчеркнув, что между удмуртами и русскими существует давно установившаяся дружба. Он сообщал краткие, но интересные сведения о занятиях жителей, о степени развития ремесел, о базарах и довольно значительной торговле хлебом. Конкретно о Сарапуле он записал в дневнике следующее: «До Сарапула в разных местах заводские пристани. В Сарапуле пристань хлебная, откуда попадались суда; идущие в Пермь, ибо со времени неурожая хлеба за Уралом довольствуются отсюда. Много хлеба с Камы идет в Россию. Ниже Сарапула пристань, где рубят лес дубовый на строение корабельное и мачты в Астрахань».

В 1795 году появляется еще одно предприятие – пущен в эксплуатацию винокуренный завод.

С 1805 года проживающие в городе крестьяне переводятся в звание государственных с правом перехода в купечество или мещанство. Это способствовало более энергичному развитию ремесленничества, предпринимательства и новых капиталистических отношений, росту промышленности и торговли. Развитие ремесленного производства, появление мануфактур оказали большое влияние на развитие города.

Огромное воздействие на экономическое развитие Сарапула оказывали Ижевский, Воткинский и Камбарский заводы, находившиеся на территории Сарапульского уезда. В этот период Сарапул становится одним из крупных центров всего Прикамья по торговле сельскохозяйственными продуктами и

сырьем. Хлеб и кожи, мед и воск, лес и мясо поступают сюда не только из Вятской, но и из Пермской и Уфимской губерний. Благодаря этому в Сарапуле возникает ряд предприятий обрабатывающей промышленности: пивоваренный завод (1837), канатный (1843), два консервных завода (1855), а также свечное, лесопильное и молочно-маслодельное производства.

В 1817 году открылось двухклассное уездное училище, которое просуществовало 85 лет. В 1831 году открылась почтовая контора и выпущена марка Сарапульского уезда.

В 1846 году было создано Пермское пароходное общество, что положило начало регулярному пассажирскому сообщению по Каме. Быстро развивающийся водный транспорт оказывал большое влияние на дальнейшее развитие Сарапула. В 1890 году по Каме курсировало уже 275 пароходов.

Значительным событием явилось открытие в Сарапуле типографии (1866) купчихой П.И. Старковой, в типографии тогда было занято 8 рабочих, имелась скоропечатная машина и 3 станка.

Не смотря на тяжелый труд в промышленных предприятиях, Сарапул продолжал расти и развиваться. Если в 1897 году в нем проживало 21398 человек, то в 1907 году его население составляло по сведениям выпущенной в то время в Петербурге трехтомной книги под названием «Настольная иллюстрированная энциклопедия» (редактор В.В. Гитнер), в Сарапуле проживало 22 000 человек. К 1914 году количество жителей города увеличилось уже до 28 500 человек. Среди других городов и крупных населенных пунктов современной Удмуртии он уступал по количеству жителей только поселку Ижевского завода.

Сарапул выделялся и высоким уровнем грамотности по сравнению со всей Удмуртией и Вятской губернией. В начале XX века грамотность населения города составляла 42,2 процента, тогда как по всей остальной территории современной Удмуртии она составляла всего 14,7 процента, а среди женщин и того меньше – 0,4 процента. Высокий процент грамотности население Сарапула объяснялся, прежде всего, значи-

тельным удельным весом среди населения дворянства, духовенства, купцов, мещан, а также ввиду наличия в городе гимназии, духовного и реального училищ, церковноприходских и воскресной школ.

Раскрывая становление и развитие города Сарапула необходимо также отметить какую роль он играл в формировании Удмуртской автономии. До Октябрьской революции современная Удмуртия входила в состав Вятской, Казанской, Пермской и Уфимской губерний. Административно-территориальной единицы под названием «Удмуртия» не было. Не было и главного города-столицы.

Сарапул, как уездный центр, стал тем городом, где решались основные вопросы по созданию автономии. В нем происходили совещания, конференции, съезды, направленные на создание организаций и учреждений по управлению будущей Удмуртией, на подготовку кадров из представителей коренной национальности.

Как отмечалось выше, в августе 1919 года в Сарапуле состоялся уездный съезд. Советов рабочих и крестьянских депутатов, на котором был выдвинут проект образования Прикамской губернии с центром в Сарапуле. В нее предполагалось включить Сарапульский, Елабужский, Малмыжский, Мензелинский, частично Бирский и Осинский уезды. Впредь до решения вопроса об образовании губернии было решено: «Выделить для более продуктивной работы с волостями районные отделы уездного исполкома в Ижевске и Воткинске». Однако Прикамская губерния так и не была образована. Но встал другой вопрос – о необходимости создания административной, единицы по национальному признаку. На основе осуществления принципов ленинской национальной политики появилась настоятельная необходимость в создании автономии Удмуртии. Нужно было объединить основную массу удмуртского населения в одну административно-политическую единицу.

Поэтому в сентябре 1919 года в Сарапуле проходил Всероссийский съезд удмуртов, который признал необходимым

образовать Центральный комиссариат по делам удмуртов для руководства всей деятельностью удмуртского населения. Председателем образованного съездом Центрального комиссариата назначен профессиональный революционер Иосиф Алексеевич Наговицын. Комиссариат открыл в Сарапуле партийную школу по подготовке национальных партийных и советских работников, которая стала первой кузницей кадров для вновь создаваемой автономии.

Огромное значение имела проходившая в Сарапуле в июне 1920 года первая Всероссийская конференция коммунистов-удмуртов, на которой было решено создать при губернских, уездных и районных комитетах партии удмуртские партийные секции, а при партичейках волостей, политотделах Красной Армии и железных дорог – Институт ответственных организаторов и агитаторов. Съезд поставил перед ЦК партии вопрос о создании Удмуртской автономии. Вскоре вопрос был решен положительно, и как уже отражено в предыдущей главе, 4 ноября 1920 года В.И. Ленин и М.И. Калинин подписали декрет ВЦИК и СНК об образовании в составе РСФСР Удмуртской автономной области, впоследствии преобразованной в автономную республику.

Таким образом, не являясь каким-либо административным центром, кроме уездного, Сарапул фактически выступил организатором по созданию Удмуртской автономии и был ее неофициальным центром до объявления Глазова центральным городом Удмуртии.

В советские годы часто менялась административная подчиненность Сарапула. До 1924 года он был центром Сарапульского уезда Вятской губернии, с 1924 по 1930 год – окружным центром Сарапульского округ Уральской области, с 1930 по 1939 год – центром Сарапульского района Кировской области. И только с 1939 года Сарапул является городом республиканского подчинения и центром Сарапульского района Удмуртской Республики.

ГЛАВА 2. СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ КОЖЕВЕННО-ОБУВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УДМУРТИИ

2.1. Кожевенно-обувная промышленность Удмуртии в экономике России

В первый же день победы Великой Октябрьской социалистической революции В.И. Ленин, выступая на заседании Петроградского Совета рабочих и Солдатских депутатов, заявил: «Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма» [195].

В.И. Ленин был уверен, что новый общественный строй даст возможность в исторически короткий срок преодолеть трудности, лежащие именно в экономической области, и осуществить коренную реорганизацию экономического строя России. Наша цель, провозглашал В.И. Ленин, «добиться, во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной» [196].

Решения этой задачи были всесторонне обоснованы В.И. Лениным в его концептуальном плане социалистической индустриализации СССР, который призван был обеспечить коренную реорганизацию все экономической жизни страны. Обеспечить ее экономическую независимость от враждебного капиталистического окружения, создание прочного материально-технического фундамента для социалистической организации общества.

Важнейшей составной частью индустриализации СССР партия считала всемерное развитие легкой промышленности. В директивах XV съезда ВКП (б) по состоянию пятилетнего плана народного хозяйства говорилось, что «более быстрый оборот в легкой индустрии (производство предметов первой необходимости) позволяет использовать ее капиталы и для строительства в тяжелой индустрии при условии развития

легкой индустрии» [197]. В.В. Куйбышев в докладе о втором пятилетнем плане говорил: «Нужно понимать, товарищи, что сейчас драться за хорошую ткань, хорошую обувь, хороший костюм, хорошее масло – не менее почетная задача, чем участвовать в строительстве Днепростроев, тяжелой промышленности» [198].

Выполняя ленинские указания о подъеме материального положения трудящихся, партия из года в год, от пятилетки к пятилетке наращивала мощности промышленности группы «Б».

Легкая промышленность представляет собой подразделение общественного производства, занятое производством предметов личного потребления и основных материалов, идущих на их изготовление. В ее состав, по классификации ЦСУ СССР, входят: 1) текстильная промышленность; 2) швейная; 3) кожевенная, меховая и обувная промышленность [199].

В состав кожевенной и обувной промышленности включались: 1) производство кожи; 2) производство искусственных кож и пленочных материалов; 3) производство дорожных и галантерейных изделий из натуральной и искусственной кожи; 4) обувная промышленность с подразделениями: а) производство новой обуви; б) ремонт и реставрация обуви [200].

Основное место в продукции легкой промышленности принадлежало товарам широкого потребления: ткани, нитки, одежда (пальто, костюмы, платья, сорочки и др.), обувь кожаная и валяная.

Производство текстильных изделий и обуви в 1913 г. определяло нищенские душевые нормы потребления. В среднем на одного человека всех видов производилось тканей лишь 13,8 кв. м., а кожаной обуви – две пары на пять человек [201]. После гражданской войны, в результате разорения народного хозяйства, в Советской России не производилось и того. Дореволюционный уровень был достигнут легкой промышленностью примерно в 1926 г., а в 1940 г. превзойден в 4,6 раза [202]. Об этом убедительно свидетельствует следующая таблица [203]:

Таблица 2

**Рост материальной базы народного благосостояния
(в сопоставимых ценах, в % к 1913 г.)**

	1926 г.	1928 г.	1932 г.	1937 г.	1940 г.
Производство товаров народного потребления	90	120	187	373	460

Из приведенной таблицы видно, что за тринадцать лет производство товаров народного потребления увеличилось более чем в пять раз.

Рост легкой промышленности обеспечивался внедрением новой техники. В первые годы Советской власти оборудование для легкой промышленности, как правило, завозили из-за границы. В годы первых пятилеток стали повсеместно производить отечественные. Импорт оборудования для легкой промышленности в 1939 г. уменьшился по сравнению с началом первой пятилетки в 5 раз [204]. В довоенный период советское машиностроение освоило производство всех основных видов оборудования для легкой индустрии, в том числе автоматов и полуавтоматов.

Эта отрасль промышленности в результате социалистической реконструкции сельского хозяйства получила надежную сырьевую базу. Уже в начале первой пятилетки объем выпуска крупных кож составлял около 140 %, мелких кож – около 650 % выпуска 1912 г. [205].

За годы первой и второй пятилеток была создана промышленность дубильных экстрактов на собственном сырье, которая смогла полностью удовлетворить потребность кожевенной промышленности в концентрированных дубильных материалах и освободить ее от иностранной зависимости.

В реконструктивный период кожевенное производство СССР представляло крупнейшую механизированную отрасль легкой промышленности. Приведенные ниже цифры роста объема производства и производительности труда в 1940 г. (в процентах) по отношению к данным 1912 г. являются ярким

свидетельством быстрого развития кожевенной промышленности при Советской власти [206].

Таблица 3

**Объем производства и производительности труда в 1940 г.
по отношению к данным 1912 г.**

	Объем производства кож (1940 г. в % к 1912 г.)	
Крупных	-	196
Мелких	-	1667
Производительность труда при выделке жестких кож	-	500

В 1940 г. кожевенной промышленностью СССР было выпущено 1925 млн. дм² хромовых и юфтевых кожтоваров. Это позволило увеличить производство обуви с 59 млн. пар до 211 млн. пар, т.е. в 3,6 раза [207].

Рост промышленности Удмуртии начался с победой Великой Октябрьской социалистической революции, которая дала Удмуртскому народу свободу и равноправие в экономическом, политическом и культурном строительстве [208].

За годы Советской власти Удмуртия из отсталой аграрной области превратилась в республику с развитой промышленностью, крупным механизированным сельским хозяйством, передовой культурой.

Наряду с предприятиями тяжелой индустрии в Удмуртии создавалась и развивалась легкая промышленность. В период первой пятилетки здесь возникла льноперерабатывающая промышленность. За годы второй и третьей пятилеток большие успехи были достигнуты в создании швейной и кожевенно-обувной промышленности. Швейные предприятия расширили выпуск изделий почти в 6 раз, производство кожаной обуви выросло в два раза [209].

В 1940 г. было выпущено изделий легкой промышленности: льна-волокна – 4519 тонн; бельевого трикотажа – 49 тыс. шт.; верхнего трикотажа – 87 тыс. шт.; жестких кожтоваров –

342 тонны; юфти и мостовья – 32198 тыс. дм²; хромовых и мелкокрасных дубных товаров – 1166 тыс. дм²; кожаной обуви – 993 тыс. пар [210].

По сравнению с рядом других отраслей промышленности, кожевенно-обувное производство в Удмуртии в годы становления народного хозяйства и первых предвоенных пятилеток находилось на более высоком уровне [211].

По данным Сарапульского округа, где больше всего было развернуто кожевенно-обувное производство, в 1926 г. выпуск кож составлял 30 % всей продукции промышленности. На долю изделий машиностроения приходилось 22 % [212]. Соотношение отраслей промышленности Сарапульского округа видно из следующей таблицы [213]:

Таблица 4

**Соотношение отраслей промышленности
Сарапульского округа**

Виды продукции	Продукция (в руб.)	В % к общему количеству
Кожевенная	1095251	30
Деревообделочная	318212	8,9
Пищевая и винокуренная	543021	15,1
Машиностроительная	789509	22
Прочие производства	848067	24

Из данных таблицы видно, что в округе основной отраслью промышленности являлась кожевенная. При этом преобладающей была легкая промышленность. На ее долю приходилось 45,1 %.

Большая Советская энциклопедия, т. 12, характеризуя развитие кожевенно-обувной промышленности СССР, по-видимому, не учла развитие ее в Удмуртии. Здесь были даны такие показатели:

Таблица 5

Развитие кожевенно-обувной промышленности СССР

Годы	Выпуск		
	жестких кожтоваров, млн. дм ²	хромовых и юфтовых кожтоваров, млн. дм ²	кожаной обу- ви, млн. пар
1913	-	-	68
1928	-	-	58,0
1940	1925	4925	211,0

В таблице, как видим, отсутствуют показатели производства кож в 1913 и 1928 годах. В то время как предприятия Сарапула выпускали в 1913 г. жестких и юфтовых кожтоваров 122 млн. дм² [214] а в 1928 г. – 36 млн. дм² [215].

Особенно быстро развивалось производство обуви. В 1913 г. было произведено 134 тыс., а в 1932 г. – 574 тыс. пар обуви [216].

Для лучшего использования местного сырья и снабжения кожевенной промышленности страны дубителями в 1929 г. в г. Можге началось строительство завода по выпуску дубильного экстракта.

Через три года Можгинский завод вступил в строй. Он впервые в СССР стал производить дубильный экстракт из ивовой коры. В 1934 году завод дал стране 129 т. ивовых таннидов, а в 1935 г. – 415 т. Производство ивовых таннидов в Можге дало возможность освободиться от импорта дубителей из зарубежных стран [217].

Таким образом, в результате героического труда масс и благодаря огромной помощи государства в годы трех предвоенных пятилеток были достигнуты значительные успехи в развитии легкой промышленности, в том числе кожевенно-обувной и повышения материального уровня рабочих и крестьян Удмуртии.

2.2. История развития кожевенно-обувной промышленности в Удмуртии

Рассматривая данную проблему, автор считает необходимым отразить в начале историю развития кожевенно-обувной промышленности Удмуртии. Так, первые кожевенные предприятия на территории Удмуртии появились в начале XIX столетия, что наглядно демонстрирует приведенной ниже таблица [218]:

Таблица 6

Количество кожевенных предприятий на территории Удмуртии

Населенные пункты	Число заведений по десятилетиям								
	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	Всего
п. Воткинский завод	-	-	1	1	-	-	-	1	3
г. Глазов	-	-	-	-	-	-	-	1	1
п. Ижевский завод	-	-	-	1	-	1	1	4	7
г. Сарапул	-	1	3	3	3	1	2	4	17
Итого	-	1	4	5	3	2	3	10	28

Из приведенной таблицы видно, что кожевенные заводы, обычно небольшие (на 5-10 рабочих), имелись в Сарапуле, Воткинске, Ижевске, Глазове, а также других пунктах. Больше всего их было в Сарапуле, который играл основную роль в развитии данной отрасли.

Первым основал кожевенный завод в г. Сарапуле помещик Мельников в 20-е гг. XIX века. Первоначально закладывались и строились небольшие помещения кожевенных заводов (мастерские). Потом они расширялись или возводились новые корпуса, образуя уже более крупные предприятия. С ростом ремесленного производства, особенно связанного с изготовлением кожи, роль села значительно возрастала, так как оно было основным поставщиком сырья. Выделка кож позволила производить сыромятные бурлацкие лямки, баш-

маки, рукавицы. Товар находил большой сбыт по мере увеличения численности проплывавших по Каме барок, соляных межунок, коломенок. Со строительством железоделательных заводов на реках Вотке и Иже, сарапульцы стали сбывать свой товар и в заводских поселках.

Новый толчок росту города, развитию ремесла, особенно кожевенного и торговли дало правительственное постановление о переводе с 1805 года дворцовых крестьян в звание государственных с правом свободного перехода в купечество или мещанство.

В 1823 г. купец Барабанщиков построил каменный корпус кожевенного завода. В 1868 г. он расширил его, выстроив дополнительные здания. Сыновья Барабанщикова продолжали расширять завод, который к началу XX столетия занимал почти весь квартал по ул. Пролетарской, на заводе были кожевенные цеха с мастерскими: раскройный, заготовочный, шагрене-посадочный; склады сырья и готовой продукции с приемкой обуви от сапожников-надомников [219].

В 1848 г. основал кожзавод купец Смагин. Основные здания и сооружения завода сохранились до настоящего времени. Судя по расположению зданий видно, что завод развивался и строился без всякого плана. К построенному вначале одному помещению были пристроены другие. Завод разместился среди озер, которые впоследствии были засыпаны отходами производства. Значительная часть помещений низкие, темные, мрачные и неудобные. Все производство было основано на ручном труде [220].

В 1855 году купец Пешехонов заложил кожевенный завод, которые его сын Федор в 1885 году значительно расширил [221]. Завод расположился рядом с заводом купца Смагина, на южной стороне улицы Труда (на базе этих двух заводов был основан современный кожкомбинат).

В 1855 г. получили разрешение на открытие своих заводов Мощевитин, Чухланцев, Кожевников, Черкасов, всего 13 хозяев [222]. В последующие годы были открыты кожевенно-

обувные предприятия (мастерские) Михеевым, Злыгостевым. В 1868 г. насчитывалось 40 кожевенных предприятий и мастерских. Они вырабатывали разных кож до 80-90 тыс. шт., на сумму около 266400 руб. [223]. В связи с большим спросом на «крестьянские» яловые сапоги, на бурлатские «лямки», женские ботинки и «козловые» сапоги на кожзаводе открывались мастерские по изготовлению полуфабриката обуви.

Пошив обуви производился на дому ремесленниками-сапожниками. Так продолжалось до Великой Октябрьской социалистической революции.

В 1900 г. на заводах Смагина и Пешехонова впервые были установлены небольшие паровые машины заграничного производства. В 1904 г. открылась одна из первых и немногих в России механическая фабрика по пошиву сапог и ботинок. На ней установили 26 станков, которые обслуживали 36 рабочих [224].

Кожевенные товары, главным образом обувь, сарапульскими купцами частично сбывались в городе, на сельских базарах, ярмарках. Продукцию доставляли также в Оренбург, Новгород, Мензелинск и в районы Дальнего Востока [225].

«... По Сибирскому тракту, вплоть до Благовещенска, создаются сбытовые торговые конторы. Вереницы почтовых лошадей тянут по нему телеги, груженные ботинками, башмаками, сапогами: шахтерскими, приисковыми, болотными. Сарапул славится своими кожевенными товарами» – отмечал в путевых заметках «От Урала до Москвы» Д.Н. Мамин-Сибиряк, побывавший в Сарапуле в августе 1881 года [226]. «Сарапульские чеботари («мосольники» или «мослоглоды», как их называли) обувают всю Западную Сибирь...» – констатировалось в те годы в «Путеводителе по Каме и Вятке» [227].

Самым крупным являлся завод Пешехонова. Здесь вырабатывали до 65 тыс. крупных кож. При заводе имелись мастерские: посадская с количеством рабочих 40 человек, шагреневая – 28 человек, тегальная – 25 человек, заготовительная – 90 человек, кожевенная – 60 человек [228]. Кожи вырабаты-

вались разные: жесткие, мягкие, мостовые, конская юфть, сафьяновые, шагреньевые.

Шла концентрация промышленности, которая была представлена кожевенными, кирпичными, салотопными, канатными, пряничными, винно-водочными, пивоваренными и другими предприятиями. В городе изготовлялось до 300 000 пар сапог и до 100 000 пар женской обуви. Большая часть этой продукции сбывалась на Нижегородской, Ирбитской и Мензелинской ярмарках. В неурожайные годы и в годы промышленных кризисов кожевенно-обувное производство претерпевало спад, подчиняясь общим закономерностям развития капитализма.

В 1899 году в работе «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин ссылался на журнал «Перечень», в котором отмечалось, что в Сарапуле 6 кожевенных заводов, которые вместе с тем изготовляют обувь, занимая кроме 214 рабочих в заведениях еще 1080 рабочих на стороне.

Условия труда и быта рабочих были чрезвычайно тяжелыми. Особенно тяжелой была работа в мокрых цехах (зольном и дубильном), где полуфабрикаты рабочим приходилось переносить на плечах, или в лучшем случае перевозить на деревянных тачках по земляному полу на значительное расстояние. Рабочий день длился более 12 часов. Заработная плата оставалась низкой. За малейшие провинности рабочих сурово наказывали.

Об условиях труда на кожевенных заводах Сарапула неоднократно писала «Искра» [229]. Так в 1902 году в № 14 газеты «Искра» была напечатана корреспонденция из Сарапула, в которой давалась характеристика кожевенно-обувной промышленности, отмечались тяжелые условия труда рабочих и рассказывалось о начале революционного движения в Сарапуле. В статье говорилось: «Три четверти населения нашего города занято в производстве обуви... На заводах происходит главным образом заготовка обуви, т.е. кройка, строчка и т.п.; большая же часть работы производится на дому мелкими ремесленниками. Эта домашняя работа имеет все темные стороны кустарного производства: бесконечный рабочий день,

низкая (поштучная) плата. Бедные жилища, которые служат и мастерскими, недостаток воздуха, света и одежды, худые бледные лица членов семьи – вот обстановка нашего ремесленника-сапожника. Обстановка труда на заводах немногим лучше домашней работы: грязные, тесные, без света и воздуха мастерские, господство всех видов эксплуатации ... заработная плата низкая, рабочий день – 12 и 13 часов».

Бывший рабочий кожевенного завода Кульков И.С. в своих воспоминаниях рассказывал: «Моя рабочая деятельность на Сарапульских кожевенных заводах началась с 13 летнего возраста, т.е. с 1900 года. Работали в то время в неблагоустроенных, удушливых цехах и мастерских, в дыму, копоти, при свете керосиновых ламп по 14 и более часов в сутки. Тут же с потолка на головы лил дождь из мазута, жира и дегтя. Отдельных помещений для сушки рабочей одежды не было. Зарботки имели самые скудные: от 12 до 20 руб. в месяц. Те, кто работал на готовых хозяйских харчах, получали от 5 до 7 рублей в месяц.

Многие рабочие-одиночки не имели квартир. Жили тут же в цехах. Спали на грязных засаленных верстаках, на грязных рогожах. Питались плохо: картофель, капуста, горох, вяленая рыба, чай, готовили борщ, щи или суп из мясных отходов. Нередко продукты оказывались прогнившими.

Работали без применения машинной техники. Все работы производились вручную, своими инструментами. Никакой охраны труда не существовало. За болезнь, увечье не платили. Никаких отпусков, домов отдыха и санаториев не полагалось. Редко кто пользовался этими «благами». Да и на это требовалось разрешение хозяина завода» [230].

В начале XX века происходит концентрация производства в кожевенно-обувной промышленности. Более богатые и сильные предприниматели присоединяли к своим предприятиям мелкие мастерские. Если в 1887 году в Сарапуле насчитывалось 23 предприятия, то в 1910 году – 20, в 1913 году – 16, в 1917 году – 14. Подавляющее количество кожевенных товаров изготовлялось на 5 заводах, принадлежащих Смагину, Михее-

ву, Пешехонову, Дедюхину, Барабанщикову. С 1910 года в Сарапуле стали создаваться акционерные общества.

Метод выработки кож на всех предприятиях применялся исключительно сыпочный [231]. Выдубленные кожи раскраивались на обувные детали, которые потом отделялись в посадочных мастерских. Готовый отделочный крой, а иногда и с полной заготовкой, отправлялся кустарям ремесленникам-сапожникам для пошива. Таких работников в 1908 г. насчитывалось до 1000 человек. И, кроме того, временных рабочих было до 1500 человек [232]. В 1910 г. изготовителей обуви на дому в городе и округе насчитывалось уже до 2500 человек [233].

Заводы, принадлежащие Дедюхиным, Михеевым, Пешехоновым, Смагиным к началу первой империалистической войны приходили в упадок. К этому времени осталось всего 16 кожевенных заводов, на которых работало до полутора тысяч человек, и шесть тысяч сапожников шили обувь на дому, работая на владельцев тех же заводов. Это был тяжелый, изнурительный труд. И мало что делалось для его облегчения. Лишь на одном из заводов была установлена паровая машина, и только Пешехонов в 1904 году построил так называемую «механическую фабрику работы сапог и ботинок», где было установлено 26 станков, но на них работало всего 36 человек. Даже с пуском в 1910 году городской электростанции, которая обеспечивала электроэнергией лишь водокачку и частично освещала дома, расположенные в центральной части города (разумеется, городской знати), сапожных дел мастера не получили облегчения.

По мере концентрации кожевенной промышленности усиливалась эксплуатация рабочих кожевников и обувщиков. Это было наглядно отражено в ленинской «Искре» № 15 на основании письма рабочих из Сарапула:

«Три четверти населения нашего города занято в производстве обуви. Во главе производства стоят заводы: Барабанщикова, Михеева, Дедюхина и Пешехонова... На заводах происходит, главным образом, заготовка обуви, то есть кройка, строчка и т.п., большая же часть работы производится

ручным трудом, на дому, мелкими ремесленниками-сапожниками. Эта домашняя работа имеет все темные стороны кустарного производства: бесконечный рабочий день, который перед сдачей обуви хозяевам захватывает нередко несколько ночей подряд, низкая (поштучная) плата.

Бедные жилища, которые служат и мастерскими, недостаток воздуха, света и одежды, скудное питание, худые, бледные лица членов семьи – вот обстановка нашего ремесленника-сапожника. Дети его в большинстве случаев не оканчивают школу и рано засаживаются за работу, приобретая всевозможные болезни, до чахотки включительно, которая находит себе благоприятную почву...

Обстановка труда на заводах немногим лучше домашней работы, грязные, тесные, без света и воздуха мастерские, господство всех видов незаконной эксплуатации рабочих, царство мастеров и приказчиков, грубость в обращении являются характерными ее признаками. Женский и детский труд применяется в изобилии, причем, сплошь и рядом встречается обход закона о предельном возрасте занятых на работе детей, так это нередко 10-11-летние дети значатся в конторских книгах 13-14-летними.

Фабричный инспектор этого, конечно, не видит.

В хозяйских казармах господствует невылазная грязь; харчи – постная пища с преобладанием воды и хлеба, так как благочестивые хозяева больше всего заботятся о спасении души «нечестивых» рабочих... Заработная плата низкая, рабочий день на одних заводах согласно закону 11 с половиной часов, а на других, где хозяева побойчее и рабочие посмирнее, – 12 и 13 часов. Тяжесть положения чувствуется заводскими и ремесленниками давно. Они вздыхают, жалуются на свое положение, придумывают разные паллиативные средства, но радикального выхода из него не видят. Ремесленники мечтают об открытии общих мастерских для них, о потребительских и производственных товариществах, но дальше не идут. Только изредка, то на одном, то на другом заводах являются попытки рабочих улучшить свое положение.

В январе 1900 года все живущие на хозяйских харчах рабочие завода Дедюхина забастовали. Они, поставив следующие требования: очистка казарм и содержание их в чистоте, еженедельная баня для рабочих, вместо чугунов для чая – самовары, вместо голых досок для спанья – войлоки с подушками, ежедневные мясные щи с $\frac{1}{4}$ фунта мяса на человека и т.п. Началась чистка казарм, из кухни понесся запах мясных щей, потянулись возы с войлоками и самоварами... Это был настоящий светлый праздник для рабочих... Ровно через две недели забастовал вторично уже весь завод, выставив требование о сокращении рабочего времени на полчаса, а в субботу на один час, о расширении помещения мастерской, вентиляции, освещения и т.п.».

В марте 1900 года рабочие предъявили Дедюхину новое требование: пересмотреть условие договора, повысить заработную плату. Год от года движение за отстаивание своих прав рабочих ширилось. Начиная с 20 марта 1907 года прошло повторные 3-15-дневные забастовки рабочих всех кожевенных заводов города. Они явились ответом на снижение владельцами заводов заработной платы. Уполномоченные от рабочих вступали в переговоры с каждым предпринимателем в отдельности, требуя восстановления прежнего уровня оплаты труда.

Воспользовавшись спадом революционного движения, в декабре 1909 года владельцы заводов удлиннили рабочий день на час, доведя его до 10 часов, а на заводе Пешехонова одновременно снизились расценки на 20 процентов. Рабочие вновь забастовали. Волнения продолжались неделю. Рабочие обратились с жалобой к фабричному инспектору, но это не имело никакой реакции в пользу улучшения труда рабочих.

В связи с увеличением выработки кож и пошива обуви, владельцы многих мелких мастерских не выдерживали конкуренции и разорялись.

В 1908 году в Сарапуле, как указывалось выше, насчитывалось 24 кожевенных завода с мастерскими при них. Более половины из них были мелкими [234], которые постепенно разорялись. Поэтому в 1913 г. уже действовало 16 кожевенно-

обувных заводов, на которых работало до 1,5 тыс. человек. Имелось также до 6000 человек надомников. Заводы ежегодно давали до 2 млн. пар обуви, до 350000 шт. кож в год [235].

По массовой выработке кож и обуви Сарапульский округ стоял на втором месте в России, после Тверской губернии. Сапоги, изготавливаемые на обувных заводах Сарапула, по прочности и аккуратности славились на рынках России. Сарапульская обувь завоевала высокую репутацию также на рынках Восточной и Западной Сибири. Перед первой мировой войной по качеству вырабатываемого товара Сарапул не имел конкурентов, а козловые цельнотянутые сапоги вытеснили с мирового рынка производителей Польши [236].

Во время империалистической войны кожевенное производство мобилизовали на изготовление обуви для армии [237]. Война раскрыла широкие возможности для наживы. Началась бешеная погоня за прибылью. Заводы работали с перегрузкой, ремонта не производилось, основной капитал (машины и здания) изнашивался, паровое хозяйство истощалось. Но это меньше всего беспокоило предпринимателей. Заводчики и фабриканты в первую очередь освобождались от наиболее активных представителей рабочих, способствовали отправке их на фронт и, воспользовавшись моментом, еще больше ужесточили эксплуатацию. Для женщин и детей установили 10-11 часовой рабочий день. Прибыль заводчиков резко увеличилась. Так, например, заводчик Пешехонов в 1914 году получил доходов в 2,1 раза больше, чем в 1913 году. Чтобы усилить свое влияние на рабочих, представить империалистическую войну как всенародную, заводчики создали военно-промышленный комитет, в который вводили рабочих, но большевики объявили бойкот этим комитетам. Одними из первых, сарапульские сапожники, поддержали призыв большевиков, стали срывать выполнение военных заказов. Так, в 1915 году из 11 тысяч пар валенок, которые комитет подрядился подшить кожей, подшито было только лишь 8 тысяч пар.

К моменту победы Великой Октябрьской социалистической революции заводы пришли в ветхое, расшатанное состояние.

Положение осложнилось тем, что владельцы кожевенно-обувного производства убегая от революции, расхищали заводы, приводили их в полную негодность. В годы гражданской войны белогвардейцы практически полностью разорили заводы. Из имевшихся перед началом мировой войны 16 кожевенных заводов 7 были разрушены, 5 оснащены примитивно, 1 ветхий сдали в аренду частным предпринимателям и лишь на 3-х представилась возможность развивать производство.

В Москве, выступая на Всероссийском съезде рабочих и служащих кожевенного производства, В.И. Ленин сказал: «Я обращаюсь к Вам с призывом: подражать примеру наших петроградских рабочих, которые ... развили снова гигантскую энергию, чтобы помочь делу, опять начать со снабжения и обеспечения красноармейцев, с подъема сил нашей Красной Армии. Вы знаете, что всякий шаг помощи, которая оказывается Красной Армии в тылу, сейчас же скажется на настроении красноармейцев... Нужно, чтобы каждый рабочий в каждом собрании, в каждой мастерской сделал теперь главным предметом своих бесед, докладов и собраний: все на помощь Красной Армии» (Реш., с. 38).

Присутствовавший на этом съезде представитель сарапульских кожевников и обувщиков Ф.Д. Созыкин, вернувшись со съезда, возбужденно рассказал о выступлении вождя. Призыв В.И. Ленина подражать примеру петроградских рабочих был горячо поддержан сарапульскими сапожниками. Под руководством городской партийной организации началась реконструкция кожевенных производств: сапожников-надомников перевели на заводы, в общие цехи, где началось разделение процесса труда по операциям. Производительность росла, а с ней выпуск обуви, так необходимой красноармейцам.

После разгрома армий Колчака трудящиеся Сарапула приступили к восстановлению разрушенного гражданской войной хозяйства. Под руководством партийных и советских органи-

заций осуществлялась реконструкция кожевенно-обувных производств. Сапожники-надомники переводились в цехи, началось разделение труда по операциям, что сразу отразилось на росте производительности труда. Создается «Кожтрест», объединивший 4 завода. Однако первоочередной задачей было восстановление железнодорожного моста через Каму, взорванного белогвардейцами при отступлении. На это указывал В.И. Ленин. Рабочие Сарапула и воины Красной Армии в марте 1920 года, раньше намеченного срока, восстановили мост, тем самым был открыт путь на Средний Урал, кроме того увеличилась возможность сбыта кожевенно-обувной продукции. После восстановления разрушенного гражданской войной хозяйства труженики Сарапула приступают к созданию по существу новой промышленности. Происходит концентрация и механизация кожевенного производства, оживилась торговля.

Уездный комитет партии, мобилизуя коммунистов на восстановление хозяйства, одновременно изыскивал возможности для улучшения жизни людей [238]. В зданиях купеческих дач, расположенных на западной окраине города, в 1922 году открыли дом отдыха сезонного типа на 50 мест для рабочих кожевенно-обувных предприятий.

С образованием в 1923 году Уральской области город стал центром одного из округов, в который вошли Сарапульский уезд, почти весь Осинский и частично Сунский уезды. 19-23 ноября первый окружной съезд Советов закрепил образование округов из 15 районов. 4-5 января 1924 года состоялся 1 съезд Советов Сарапульского района. С этого времени начала исчисляться история района.

Производство кож в 1927 году увеличилось до 75 тысяч штук против 42 тысяч в 1922 году, обуви в переводе на крупный сапог со 100000 до 167000 пар.

В апреле 1929 года XVI Всесоюзная партийная конференция приняла первый пятилетний план и обратилась с призывом организовать социалистическое соревнование за его досрочное выполнение [239]. В ответ на призыв партии стро-

ители первого крупного производственного корпуса обувной фабрики (те, кто на время сменил сапожный молоток на штукатурный мастерок) дали слово сдать объект к осени. В воскресные дни, в будни после смены им помогали кожевники, рабочие сапожных мастерских, члены их семей. Десятого сентября, через год после начала строительства, фабрика вошла в строй. Жемчужиной обувной промышленности Урала – так по праву называли ее: большие, светлые цехи, новенькие станки. Разбросанные по городу мелкие сапожные мастерские и цехи закрыли. Рабочих перевели на фабрику. Каждый месяц вводили новые станки, а в середине 30-х годов фабрику реконструировали, смонтировали конвейером. Одновременно был реконструирован старый кожевенный завод, который стал обеспечивать обувную фабрику сырьем.

Ранее, в 1928 году создается промкомбинат, в который вошли канатная фабрика «Гудок», маслобойный, пивоваренный и чугунолитейный заводы, 2 мельницы. Построены механический кирпичный завод, лесозавод, новый корпус швейной фабрики. На начало 1936 года в городе насчитывалось 35 промышленных предприятий, численность населения составила почти 46 000 человек.

2.3. Возрождение кожевенно-обувной промышленности Удмуртии 1923-1927 гг.

На основании декрета СНК СССР от 17 июля 1923 г. «О местных трестах» [240], Областным Советом Народного хозяйства при Сарапульском окружном Исполкоме был образован «Кожтрест». Он объединил все кожевенные заводы принадлежащие ранее Смагину, Барабанщикову, Пешехонову, а также механическую обувную фабрику. Уставной капитал треста составил 773566 руб. [241].

Его финансирование предусматривалось как за счет общегосударственных и местных средств, а также путем при-

влечения кооперативного и частного капитала [242]. Главная задача «Кожтреста» состояла в скорейшем восстановлении разрушенного кожевенного производства г. Сарапула, поднятии производительности труда.

Восстановительные работы на кожевенном производстве велись высокими темпами. Это наглядно свидетельствуют следующие показатели. Так, в короткие сроки были построены аппарат для разварки сухого экстракта, новые соковарные чаны. Приобретено оборудование для дубильных чанов и скородубных барабанов, отремонтированы и восстановлены мастерские бывшего завода Пешехонова, куда перевели на работу 250 надомников [243]. Одновременно велись работы по улучшению быта рабочих и служащих. На ремонт квартир принадлежащих рабочим комбината «Кожтрест» выделил 7000 руб., а для строительства им домов на льготных условиях выделялись лесосеки и стройматериалы [244].

Совершенствовалась организация производства. Вводился принцип материальной заинтересованности. Под руководством партийной и профсоюзной организации почти все производства «Кожтреста» были переведены на сдельную работу. Это позволило увеличить нормы выработки в среднем на 20-30 % и освободить подсобную рабочую силу для других операций [245], при этом снизить себестоимость продукции на 20-25 %. Например, если пошив сапог до введения сдельной организации труда стоил 1 руб. 99 коп., то при введении новой формы организации труда – 1 руб. 43 коп. [246].

Работу «Кожтреста» направляли партийные и советские органы. Третья окружная партконференция (конец 1924 г.) указывала, что «если мы в ближайшие месяцы не направим положение заводов, то их, как явно убыточных, нам придется закрыть. Поэтому необходимо в кратчайший срок увеличить производительность труда, поднять трудовую дисциплину, построить работу заводов по своим оборотным средствам» [247].

Выполняя решение Окружной партконференции бюро партийной ячейки «Кожтреста» совместно с заводским комитетом

проводили производственные совещания, на которых были рассмотрены вопросы о выявлении недостатков в работе заводов, поднятии производительности труда, улучшении качества продукции [248]. Большую помощь партийной организации и руководству «Кожтреста» в укреплении производственной дисциплины и повышении производительности труда оказывали комсомольцы. Например, в праздник рождества некоторые рабочие не вышли на работу. Комсомольцы пришли все как один на рабочие места и работали ударно, не считаясь со старорежимными религиозными предрассудками [249].

Благодаря принятым со стороны партийных, советских и хозяйственных органов мерам, положение в кожевенной промышленности стало улучшаться. Это можно проследить по данным таблицы [250].

Таблица 7

Число рабочих и производительность труда рабочих и служащих кожевенной промышленности

Годы	Рабочих и служащих			Выпуск на 1 рабочего в месяц			
	кожцех	Рабоч. на пошиве	всего	Кожцех (пудов)		Пошивочный цех (пар)	
				Общ. в месяц	На 1 раб. в месяц	Общ. в месяц	На 1 раб. в месяц
На 1 октября 1924 г.	57	666	1178	727	14,4	3382	10,7
1 апреля 1925 г.	60	867	1259	869	14,5	3124	14,3
1 июня	69	975	1312	1382	20,5	5205	18,2
1 августа	61	532	738	1936	31,4	6152	29,4
1 сентября	39	539	724	1787	45,8	5305	41,1
1 октября	54	590	730	1930	35,7	7554	47,8

Из данных таблицы видно, что с 1925 г. число рабочих несколько уменьшилось. Производительность труда и

нагрузка оборудования существенно выросли. Так выпуск продукции пошивочным цехом увеличился в 2 с лишним раза, производительность одного рабочего – в 4 раза. Такие же изменения произошли в другом цехе, где производительность увеличилась в 2,5 раза, а выпуск продукции на одного рабочего – в три с лишним раза. Некоторое понижение производства продукции произошло в октябре, что было связано с организационными мероприятиями.

Интересны показатели в суммарном выражении. В октябре 1924 г. в кожевенном цехе на одного рабочего было произведено продукции на 651 руб., а в августе 1925 г. – на 1128 руб. В пошивочном цехе, соответственно, на 166 руб., то в августе – на 437 руб. [251].

С ростом производительности труда росла и заработная плата. Это видно из таких показателей [252]:

Таблица 8

Среднемесячная зарплата одного рабочего (руб.)

Время	Кожцех		Пошивочный цех	
На 1 октября 1924 г.	20 руб. 60 коп.		20 руб. 60 коп.	
1 апреля 1925 г.	33	30	31	60
1 июня	36	34	38	85
1 августа	45	70	39	35
1 сентября	42	48	41	76
1 октября	42	20	46	56

Из приведенных данных видно, что средний заработок одного рабочего в кожевенном цехе за год, с октября 1924 г. по октябрь 1925 г., увеличился на 210 %, в пошивочном цехе на 230 %.

В то же время понизилась себестоимость кожевенно-обувной продукции. Это можно проследить по данным таблицы [253]:

Таблица 9

Себестоимость кожевенно-обувной продукции (руб.)

Наименование изделий	Ед. измер.	Октябрь-декабрь 1924 г.		Январь-март 1925 г.		Апрель-июнь 1925 г.	
Подошва	Пуд	51 руб. 47 коп.		37 руб. 82 коп.		30 руб. 48 коп.	
Полувал	Пуд	48	39	34	89	25	97
Мостовье	Пуд	49	45	37	82	34	18
Сапоги обшк.	пара	14	09	14	09	12	85

Из приведенной таблицы видно, что себестоимость одного пуда подошвы в третьем квартале 1924-1925 гг. по сравнению с первым кварталом уменьшилась с 51 руб. 47 коп. до 30 руб. 48 коп. Соответственно себестоимость одного пуда полувала – с 48 руб. 39 коп. до 25 руб. 97 коп., одного пуда мостовья с 49 руб. 45 коп. до 34 руб. 18 коп.

Если себестоимость одной пары обыкновенных сапог в первом квартале 1924-1925 гг. составляла 14 руб. 09 коп., то в третьем квартале она выразилась в 12 руб. 85 коп.

Все выше приведенные цифры свидетельствуют о том, что кожевенные заводы восстанавливались ускоренными темпами. Этому в значительной мере способствовал как широкий спрос на изделия этой отрасли промышленности, так и новый промышленный подъем, который начался после XIV съезда Коммунистической партии, провозгласившего курс на индустриализацию страны [254]. Решение партии в значительной степени повлияли на дальнейшее развитие кожевенно-обувной промышленности Сарапула.

С 1925 г. на кожевенно-обувных предприятиях стало внедряться механизированное производство, которое в основном завершилось к концу 1926 г. [255], однако ручной труд еще широко применялся на всех процессах по изготовлению обуви. Дубление кож оставалось сыпчным. Но уже в конце 1926 г. в кожевенное производство стали внедрять более совершенные методы дубления, а с 1927 г. стал приме-

няться соко-барабанный метод, позволивший сократить продолжительность дубления кож со 150-180 до 40-50 суток [256]. Также в производство стал внедряться химико-аналитический контроль.

В годы индустриализации оживилась деятельность изобретателей и рационализаторов. Этому способствовали консультации рабочих по техническим вопросам, а также работа кружков изобретателей. Например, рабочий И.С. Кульков внес предложение об организации в цехах раздельного труда по разрядам. Он рекомендовал рабочих высокой квалификации (5-7 разрядов) поставить на ответственные операции, а менее квалифицированных – на несложные. Это дало положительные результаты. Выросла заработная плата, улучшилось качество продукции, повысилась производительность труда. Стал выполняться план не только по цехам, но и в целом по «Кожтресту». Эти успехи подтверждаются и статьей, которая была напечатана в марте 1927 г. в газете «Красное Прикамье»: «С организацией цехов и введения разрядной системы, поднялась производительность труда с 9-10 пар до 24-25 пар обуви в месяц. Высококвалифицированные рабочие стали получать в месяц 50-55 руб. На квартирах зарабатывали вдвое меньше, эксплуатируя себя и семью, работая не 8 часов, а 15-16 часов» [257].

Важной задачей в период перехода к реконструкции народного хозяйства, тесно связанной с рационализацией и режимом экономии, была борьба за снижение себестоимости продукции. Окружной Исполнительный комитет рабочих и крестьянских депутатов, анализируя работу «Кожтреста» за 1926 г. отметил, что значительно в нем активизировалась работа рационализаторов, проведена механизация производства, успешно выполняются технические нормы, экономное расходование материалов. Это позволило снизить себестоимость обуви на 6,8 %, повысить производительность труда, улучшить качество продукции [258].

Постепенная техническая реконструкция кожевенно-обувного производства, активная деятельность рационализаторов и трудовой энтузиазм, позволили к 1926-1927 гг. значительно увеличить производственные мощности «Кожтреста». Если в 1922-1923 гг. кожевенные заводы вырабатывали до 45 тыс. шт. кож (в переводе на крупные) в год, то в 1926-1927 гг. было выпущено 75 тыс. шт. Обувное производство за этот же период выросло на 67 %. В 1922-1923 гг. выпускалось сапог до 100 тыс. пар, а в 1926-1927 г. – 167 тыс. пар. Значительно выросла производительность труда. Если в 1922-1923 гг. рабочий вырабатывал в среднем в месяц 35 кож, то в 1926-1927 г. – 96, а обуви соответственно 16 и 50 пар [259].

В 1926-1927 гг. капитал кожевенно-обувной промышленности вырос на 12,6 % [260].

Завершив начальный этап индустриализации, кожевенно-обувная промышленность Сарапула вступила на путь дальнейшего технического совершенствования.

2.4. Кожевенно-обувная промышленность Удмуртии 1928-1932 гг.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР приняла XVI Всесоюзная партийная конференция ВКП (б) (апрель 1929 г.) [261]. Разрабатывая его, Коммунистическая партия и Советское правительство исходили из необходимости усиления позиций социализма в нашей стране, преодоления в кратчайший срок ее технико-экономической отсталости. При этом особенно было подчеркнуто, что осуществление плана возможно лишь на основе величайшего роста активности трудящихся масс вообще и рабочего класса в особенности, что «соревнование и пятилетка неразрывно связаны между собой» [262].

Важную роль в выполнении пятилетки должно было сыграть социалистическое соревнование. «Социализм не только

не угашает соревнование, – писал В.И. Ленин в статье «Как организовать соревнование?», а напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере... Наша задача теперь, когда социалистическое правительство у власти, – организовать соревнование» [263].

Сразу после опубликования этой статьи на кожевенно-обувном предприятии Сарапула, как и на фабриках и заводах страны, с новой силой развернулась широкая кампания за укрепление трудовой дисциплины, подъем производительности труда, снижение себестоимости продукции [264].

Вот что писала газета «Красное Прикамье» в 1929 г.: «Во всех цехах кожевенно-обувного предприятия ширится социалистическое соревнование, соревнуются цех с цехом, бригада с бригадой и каждый рабочий в отдельности. Ведущие бригады коммунистов Т. Крестьянниковой и Н. Меньшиковой показывают пример всем» [265].

В апреле 1929 г. все цехи кожевенно-обувного предприятия приняли обязательства до 1 августа поднять производительность труда не менее чем на 10 %; ликвидировать прогулы по неуважительным причинам; снизить себестоимость продукции на 5 % и сэкономить материалов на 2 %; вовлечь в работу цеховых производственных бригад не менее 50 % работающих [266].

В августе этого же года партийная организация кожевенно-обувного комбината подвела итоги по выполнению принятых обязательств. Было отмечено, что во втором полугодии, по сравнению с первым, себестоимость продукции кожевенного производства снизилась на 4,6 %, а обувного производства – на 2,68 %. Выросла дисциплина, что позволило снизиться прогулы по неуважительным причинам с 0,55 % до 0,46 % [267].

В апреле 1929 г. в кожевенно-обувной промышленности Сарапула было создано 6 первых ударных бригад. В них насчитывалось 67 рабочих. Лучшие результаты показывала первая ударная бригада, которую возглавляла член ВКП (б)

Н. Крестьянникова. На раскрое подклеек (обувное производство) эта бригада увеличила производительность труда до 117 % [268]. К концу 1929 г. стало уже 39 ударных бригад, которые объединяли 880 человек, или 79 % всех работающих в кожевенном производстве Сарапула.

Партия требовала, чтобы коммунисты-производственники находились в авангарде соревнования. В постановлении ЦК ВКП (б) от 6 марта 1931 г. указывалось, что коммунист, не принимающий активного участия в соревновании и ударничестве и не являющийся образцовым производственником, не оправдывает звания большевика – члена ленинской партии [269].

Руководствуясь этим постановлением, партийные, комсомольские организации кожевенного завода и обувной фабрики возглавили создание ударных бригад. К концу 1931 г. на обувной фабрике работало 49 ударных бригад. В них входило 885 человек, или 66,7 % работающих [270]. На кожзаводе успешно трудились 74 ударных бригады. Они насчитывали 398 человек, или 54 % работающих [271]. В авангарде соревнования шли коммунисты и комсомольцы. Среди членов ударных бригад обувной фабрики было 100 членов ВКП (б) и 76 комсомольцев [272], на кожевенном заводе среди членов ударных бригад было 89 членов ВКП (б) и 54 комсомольца [273].

В 1931 г. в кожевенно-обувном производстве Сарапула возникли 3 сквозные бригады им. Большого Урала. Они объединили 180 человек [274]. Лучшей была бригада обувной фабрики, в состав которой входили комсомольцы. Вот что о ней в феврале писала газета «Красное Прикамье»: «Их 18. Все они молоды и жизнерадостны. В каждом из них много энергии, энтузиазма, среди них есть отдельные герои, а в целом один герой – ударный коллектив – сквозная комсомольская штамповочного цеха. Организатор сквозной – комсомолец тов. М. Бобылев. Сквозная комсомольская бригада показывает лучшие результаты работы, высокую производительность, лучшее качество» [275].

Активно внедрялся и хозрасчет. На 29 апреля 1932 г. в кожевенно-обувном производстве Сарапула насчитывалось 12 хозрасчетных бригад. Они объединили свыше 100 человек [276]. Высокая социалистическая сознательность ударников проявилась, прежде всего, в уплотнении рабочего дня, укреплении трудовой дисциплины, товарищеской взаимопомощи.

В докладе на IX Всесоюзном съезде профсоюзов (апрель 1932 г.) секретарь ВЦСПС Н.Ш. Шверник говорил, что нет ни одной отрасли промышленности, где бы не отмечался быстрый рост хозрасчетных бригад, как более совершенной формы организации труда на предприятиях. «Хозрасчетные бригады, – выступал докладчик, – помогают рабочему превратиться в действительного хозяина производства, который заботится о том, чтобы сделать работу лучше, скорее и дешевле» [277].

Социалистическое соревнование явилось массовой школой воспитания нового человека, активного строителя социалистического общества, хозяина страны. Оно послужило могучим рычагом утверждения новой социалистической дисциплины труда [278].

На основании постановления ЦК ВКП (б) «О положении массового изобретательства под углом его влияния на рационализацию производства» (октябрь 1930 г.) [279] в 1931 г. в кожевенно-обувной промышленности Сарапула было организовано «Общество изобретателей». Оно состояло из 50 человек: 26 рабочих и 24 инженерно-технических работника [280]. «Общество изобретателей» осуществляло контроль за поступлением рационализаторских предложений, их разработкой и внедрением.

Деятельность рационализаторов заняла авангардную роль в техническом прогрессе. Увеличилось количество внедряемых предложений и их экономическая эффективность. Если в 1930 г. на кожевенно-обувном производстве города было внедрено 14 рацпредложений с экономическим эффектом 118690 руб. [281], то уже в 1932 г. – 28 рацпредложений с годовым экономическим эффектом в 544608 руб., себестои-

мость изделий снизилась на 4,36 % [282]. Движение рационализаторов способствовало преодолению узких мест в производстве, ускоренному внедрению новой техники, совершенствованию организации труда.

Вопросы экономии кожевенного сырья, снижения себестоимости продукции и повышения производительности труда постоянно были в центре внимания партийной организации предприятий «Кожтрест». Еще в начале 1928 г. по ее инициативе с целью выявления причин, мешающих повышению производительности труда, был организован смотр кожевенных заводов Сарапула, в проведение которого было вовлечено значительное число рабочих.

В ходе смотра рабочие в письменном виде через газету «Красное Прикамье» указывали на причины, мешающие им производительно работать, предлагали методы устранения недостатков. Например, в статье «Тысячи рублей на ветер» одна из работниц писала: «Подошва для сандалий режется велика. На каждую пару сандалий лишней кожи тратится примерно 2-3 сантиметра в среднем. Таким образом, улетают на ветер тысячи рублей, на которые можно приобрести лишний станок. Мое мнение: «Сандальные подошвы надо кроить строго в обрез, а не на глаз, как это делается до сих пор» [283].

Предложения рабочих вывешивались на видных местах и доводились до каждого работающего. Выполнение этих предложений контролировала комиссия, созданная парткомом предприятия.

Творческие поиски рабочих-новаторов производства были направлены на более рациональное использование сырья, материалов, рост производительности труда, лучшую организацию производства. В этом ярко проявлялась роль рабочего как хозяина производства, непосредственного его организатора.

В соответствии с решениями XVI съезда партии и декабрьского Пленума ЦК ВКП (б) «О народнохозяйственном плане на 1931 г.» [284] значительно расширились масштабы кожевенно-обувных предприятий.

К 1931 г. все цеха обувного гиганта, построенного в г. Сарапуле в сентябре 1929 г., вступили в строй. Производственная мощность новой обувной фабрики возросла до 1,1 млн. пар обуви в год [285].

Подвергся капитальному ремонту кожевенный завод. На реконструкцию которого было израсходовано 84000 руб. [286]. Полностью было отремонтировано и расширено дубильное отделение. Отремонтировано и сдано в эксплуатацию зольное помещение, пустующее с 1918 г. В 1931 г. построено каменное здание сушильного отделения и помещение для сушки спецодежды. Введена в строй котельная. Приобрели и установили барабаны в соковарном цехе, шесть строгальных машин, одну нарезную машину, отжимной пресс для кроя, во всех раскройных цехах установили подъемники.

Укрепление материально-технической базы кожевенно-обувных предприятий, рост социалистического соревнования, творческие поиски рабочих-новаторов – все это способствовало значительному увеличению выпуска продукции. Так, валовая продукция за годы первой пятилетки выросла в 3,5 раза. Если в 1929 г. она составляла 5902 тыс. руб., то уже в 1932 г. – 20918 тыс. руб. Месячная выработка одного рабочего в первом году пятилетки составила 841 руб. 66 коп., а в последнем (1932 г.) – 1084 руб. [287].

Производство жестких кож и юфти увеличилась с 18343,4 тыс. дм² до 28210,2 тыс. дм² [288]. Выпуск обуви в 1932 г. вырос до 549 тыс. пар против 394 тыс. в 1928 г. [289].

В то же время значительно понизилась себестоимость обуви. Это можно проследить по данным таблицы [290]:

Таблица 10

Показатели снижения себестоимости за первую пятилетку

Наименование отрасли и изделий	1928/29 г.	1929-30 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Обувь (усл. пара – руб.)	14,25	12,01	11,78	8,31	5,41

Из таблицы видно, что себестоимость условной пары обуви понизилась на 260 %.

Рост производства способствовал увеличению численности рабочих, которых увеличилась на 208,5 % (с 584 до 1218 чел.) [291].

Итоги первой пятилетки явились живым свидетельством того, что рабочие кожевенно-обувных предприятий Сарапула сумели в короткий срок укрепить индустриальную базу отрасли, развить производство высокими темпами.

Успешное выполнение первой пятилетки явилось ярким доказательством превосходства социалистической системы хозяйства над капиталистической и стало основой дальнейшего развития экономики страны на новом этапе.

2.5. Рост экономических показателей кожевенно-обувной промышленности Удмуртии 1933-1937 гг.

Второй пятилетний план утвердил XVII съезд ВКП(б) (январь 1934 г.). Как и по всей стране, пятилетний план все-сторонне обсуждался на кожевенно-обувных предприятиях Удмуртии.

Партийные организации кожевенного завода и обувной фабрики совместно с администрацией предприятий развернули широкое ознакомление всего коллектива рабочих с контрольными цифрами второй пятилетки. К 1937 г. – конец второй пятилетки, намечалась производительность труда по обувному производству поднять на 85 %, а по кожевенному на 67,5 %. По жестким кожевенным товарам значительно повысить сортность сырья. Планировалось снизить цеховые расходы за счет увеличения объема производства и внедрения механизации. На этой основе достичь снижения общезаводских расходов [292].

Себестоимость товарной продукции за вторую пятилетку намечалось снизить на 19,4 %. При этом среднемесячную

зарплату на одного рабочего по обувному производству увеличить до 135 руб., а по кожевенному – до 121 руб. [293].

С целью сокращения административно-управленческих расходов, распоряжением Главного Управления государственной кожевенной промышленности (11 октября 1932 г.) и Ураллегпрома (19 октября 1932 г.), 1 января 1933 г. была организована «Сарапульская группа кожевенно-обувного производства» [294]. Она объединила обувную фабрику и кожевенный завод в один комплекс.

В борьбе за осуществление второго пятилетнего плана Коммунистической партией и Советским правительством была поставлена задача скорейшего овладения новой техникой и повышения производительность труда. Этому служило указание XVI съезда ВКП (б) на котором отмечалось, что «основным и решающим условием завершения технической реконструкции народного хозяйства должно явиться освоение новой техники...» [295]. На повестке дня стоял вопрос о необходимости замены старого лозунга: «Техника в период реконструкции решает все» – новым лозунгом: «Кадры, овладевшие техникой, решают все» [296].

В связи с этим во второй пятилетке на кожевенно-обувных предприятиях намечалась осуществить коренную реконструкцию. Главной, как и по всей стране, являлась задача успешного овладения новой техникой [297].

По решению Народного комиссариата легкой промышленности подверглись коренной реконструкции пять кожевенно-обувных предприятий страны. В том числе кожевенно-обувные предприятия Удмуртии. После реконструкции обувной фабрики, производственную мощность намечалось увеличить с 1100 тыс. до 3 млн. пар обуви в год.

По утвержденной смете реконструкция кожевенно-обувных предприятий Удмуртии определялась в 3300 тыс. руб. Из них на реконструкцию обувной фабрики – 3 млн. руб., кожевенного завода – 300 тыс. рублей [298].

В ходе реконструкции кожевенно-обувные предприятия получили первоклассную технику того времени. Так в 1933 г. на кожевнном заводе г. Сарапула установили более мощные дубильные барабаны типа «Гигант». В 1933-1934 гг. освоены мездрильная, волососгонная, нарезная, двоильная и другие машины. С этого же времени были постепенно ликвидированы соковарки. Завод перешел на дубление кож только дубовым экстрактом [299]. В 1932-1936 гг. кожевенный завод прекратил посадочное производство и стал выпускать кожи в цельном виде.

В 1933-1936 гг. на обувной фабрике устанавливали штампы; затяжные, обтяжные, прошивные машины; гвоздепробивные и каблучные прессы. В июле 1936 г. на ней была введена поточная система, что позволило освободить рабочих от громоздких вагонеток, на которых прежде подвозили полуфабрикаты и увозили готовую обувь [300].

Овладение техникой в кожевенно-обувной промышленности Удмуртии, как и во всей стране, начался с первых дней пятилетки. В этот период кожевенно-обувное предприятие стало напоминать своеобразный учебный комбинат. Партийная организация, руководство промышленностью добивались, чтобы рост квалификации рабочих и инженерно-технических работников был непрерывным. Самой распространенной формой массового овладения знаниями стал общественно-технический экзамен по сдаче техминимума. В 1935 г. в кожевенно-обувной промышленности такие экзамены сдали свыше 300 человек [301].

В тоже время обилие техники, возрастающий к ней интерес широких рабочих масс, технические кружки и курсы увеличили размах движения ударников. К концу 1933 г. их насчитывалось 1009 человек, или 61,5 % работающих в кожевенно-обувном производстве. Число хозрасчетных бригад было доведено до 28, с охватом 760 рабочих, или на 26,5 % больше, чем в 1932 г. [302].

На предприятиях кожевенно-обувной промышленности особое внимание уделялось поощрению лучших производ-

ственников. По решению администрации, партийной организации ударникам за счет средств кожевенно-обувного предприятия производили отпуск двух блюд: мясное или рыбное; сладкое или молочное. Также давали дополнительную порцию хлеба: для ударников отпускали 250 гр., для не ударников – 150 гр. Лучших рабочих-ударников направляли в санатории, курорты, дома отдыха. Так, только в 1934 г. в санаториях и курортах, в домах отдыха укрепили свое здоровье 118 рабочих-ударников [303].

Наиболее значительным выражением нового этапа в развитии социалистического соревнования стало стахановское движение, которое зародилось среди шахтеров Донбасса и молниеносно охватило десятки тысяч рабочих и колхозников страны. Оно способствовало крупным экономическим и социальным сдвигам в жизни общества, росту технического уровня рабочего класса, повышению его политической активности. Горячий отклик оно находило и среди трудящихся Удмуртии. Одними из первых стахановцев в кожевенно-обувной промышленности Сарапула были К.Т. Ляпкусов и М.Н. Макшакова [304]. К.Т. Ляпкусов, фрезеровщик второго пошива обувной фабрики, давал 217 % выработки, т.е. вместо 330 пар по норме обрабатывал 850-900 пар обуви. Достижение таких показателей он добивался благодаря рационализации рабочего времени: уплотнял рабочий день, до начала смены готовил рабочее место. М.Н. Макшакова, рабочая третьего пошивочного цеха обувной фабрики, выполняла норму выработки на 225 %. На пошивочной машине вместо 270 пар, прострачивала 675 пар обуви [305]. Не отставали от них рабочие М. Шилова, И. Якимов, А. Санникова, П. Нестеров. Они выполняли норму на 170-210 % [306].

Стахановское движение способствовало более высокой производительности труда, оно выдвинуло новые задачи в области организации производства и рационализации технологических процессов.

Вопросы работы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением стали предметом специального обсуждения на Пленуме ЦК ВКП (б) (декабрь 1935 г.). В материалах пленума отмечалось, что «стахановское движение есть результат всего нашего развития на путях к социализму. Оно способствует быстрому освоению новой техники. Поднимает культурно-технический уровень рабочего класса, ломает старые технические нормы, перекрывает в ряде случаев производительность труда передовых капиталистических стран, обеспечивает быстрый рост производства предметов потребления и их удешевление, обеспечивает превращение нашей страны в наиболее зажиточную и укрепление, таким образом, позиции социализма во всемирном масштабе» [307].

После пленума стахановское движение приобрело особенно массовый характер. Если в октябре 1935 г. на кожевенно-обувных предприятиях насчитывалось 38 стахановцев, или 3,5 % работающих, то уже в январе 1936 г. их стало 116, или 10,9 % работающих [308].

В стахановцы переводили ударников, которые выполняли нормы выработки не ниже 150 %, участвовали в рационализации своего рабочего места [309].

Стахановское движение от одиночек переходило к коллективам. В 1936 г. на кожевенно-обувном комбинате организовали три стахановских бригады. Одновременно распространяли передовой опыт среди всех рабочих комбината. Этим поднимался общий трудовой настрой. Например, стахановская бригада второго пошивочного цеха обувной фабрики уже в первые дни 1936 г. выполняла план на 130 %, против 95-100 % до этого [310]. В цехах создавались также сквозные стахановские бригады, которые объединяли все переходы. Это позволило улучшить работу цехов. Например, в юфтевом цехе кожевенного завода сквозная бригада, объединяющая 42 человека, выполняла нормы в среднем на 133 %, также высоких показателей добивались и другие бригады цеха. В результате в октябре 1936 г. выполнение норм в среднем по цеху

составило 107 %, а в ноябре 121 %. Число не выполняющих норм выработки сократилось с 30 до 13 человек [311].

Стахановское движение явилось основой, против устаревшей технологии производства, способствовало высокой производительности труда, овладению новой техникой. 17 июля 1936 года газета «Красное Прикамье» поместила статью катателя кожзавода П.И. Макарова, озаглавленную «Перед годовщиной стахановского движения». Он писал: «Как я стал стахановцем? Этому прежде всего содействовало овладение новейшей техникой, улучшение организации рабочего места и уплотнение рабочего дня... С июля 1936 г. мы перешли на новые нормы выработки. Требования предъявлены к каждому рабочему значительные. Например, мы, кататели, имели норму 29 кож. Новая – 45, а я даю 60-70 кож ежедневно...

Увеличив выпуск продукции, мы больше средств стали отчислять на развитие городского хозяйства. К годовщине стахановского движения стахановцы кожевенного комбината получают новые прекрасные квартиры. Строительство трех домов комбината продвигается быстро, согласно календарному плану, первый из них будет сдан к 1-му сентября, второй – к Октябрьским торжествам и третий – 1-му декабря 1936 г. В каждом из этих домов будет по 8 трехкомнатных квартир. Квартиры эти будут выделяться своим благоустройством. Много света и воздуха, в каждой квартире ванная...».

Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) «обратил особое внимание на повышение технической подготовки рабочих, распространение опыта работы новаторов производства» [312]. Партийное бюро и администрация кожевенно-обувного комбината стали вести индивидуальный учет рабочих, не справляющихся с нормами выработки, организовывали изучение лучших методов труда. Для передачи опыта стахановцев создали кружки по его изучению. При этом все вновь поступающие на производство тщательно инструктировались [313]. Все это позволило увеличить число стахановцев на комбинате [314]:

Число стахановцев на комбинате

	1936 г.				1 января 1937 г.
	1 января	1 апреля	1 июня	1 октября	
Среднесписочное число персонала: в т.ч.	1289	1308	1261	1389	1522
рабочих-сдельщиков	931	943	918	990	1075
Из них стахановцев	144	240	305	336	399
в % к числу сдельщиков	15,5	25,4	33,2	37,0	37,1
ударников	292	290	295	365	396
в % к числу сдельщиков	31,3	30,0	32,1	36,8	36,6
% стахановцев и ударников к общему числу рабочих	33,9	40,5	47,7	52,7	52,2

Из приведенных данных видно, что на 1 января 1936 г. от сдельщиков стахановцы составляли 15,5 %, за год этот показатель возрос до 37,1 %. Число ударников увеличилось соответственно с 31,3 % до 36,6 %, а стахановцев и ударников от общего числа рабочих комбината на 1 января 1937 г. составило 52,2 %, против 33,9 % на 1 января 1936 г.

Социалистическое соревнование также способствовало увеличению рационализаторов. Только в 1936 г. рабочие кожевенно-обувного предприятия подали 225 рацпредложений. Из них приняли – 58, отклонили – 167, внедрили 43 рационализаторских предложения. Условно-годовая экономия от внедрения рацпредложений к 1937 г. составила – 65219 руб. [315].

Творческая инициатива масс, рекорды стахановцев вскрыли огромные резервы производства.

Кожевенно-обувной комбинат г. Сарапула, не выполнивший годовой план 1933 г. (из-за систематического отсутствия

сырья, слабой организации и технических неполадок в работе), в 1935 г. вышел из прорыва. Программу 1935 г. кожевенно-обувной комбинат выполнил досрочно, к 4 декабря [316]. По кожевенному производству годовой план выполнили к IV кварталу. Сверх плана выработали продукции на 726 тыс. руб., или на 9,2 % [317].

Шел рост производительности труда. Так, за 1935 г. по кожевенно-обувному комбинату производительность труда увеличилась на 2 %, а в 1936 г. – на 13,7 % [318]. В 1936 г. валовая продукция кожевенно-обувных предприятий в сравнении с 1935 г. выросла на 22,9 % [319].

Мостовья дополнительно к плану выпустили 47,15 %, юфти – 3,13 %. Успехи комбината в 1935 г. можно проследить по данным таблицы [320]:

Таблица 12

Производительность труда по кожевенно-обувному комбинату в 1935 г.

Производство	Единица измерения	1935 г.		Отчет 1935 г. в % к плану
		план	отчет	
Произведено: мостовья и полувала	кв. м.	157740	232119	147,15
юфти и полувала	кв. м.	273280	281835	103,13

Из данных таблицы видно, что мостовья и полувала в 1935 г. выпустили сверх плана 74379 кв. м., план перевыполнили на 47,15 %. Юфти и полувала на 8555 кв. м.

За указанный период по обувному производству план выполнили на 112,23 %. Сверх плана в 1935 г. выпустили 78,3 тыс. пар обуви. Это видно из данных таблицы [321]:

Таблица 13

Производство обуви в 1935 г.

Производство	1935 г.		В % к основному плану
	План	Фактически выполнено	
Обуви (пар)	640000	718296	112,23

Из приведенных данных видно, что в 1935 г. фактически выпустили 718296 пар обуви, или на 78,3 тыс. пар сверх плана. При этом значительно улучшилось качество выпускаемой обуви. Не сортовая обувь составила 7 % против 9,74 % 1934 г., а выпуск бракованной обуви снизился с 0,55 % до 0,33 % [322].

Успешное овладение новейшей техникой, развернувшееся стахановское движение, творчество новаторов производства, способствовали досрочному выполнению плана по основным изделиям в завершающем году второй пятилетки. Мощность кожевенно-обувного комбината особенно в последние годы пятилетки значительно поднялась. Это видно из следующих данных таблицы:

Таблица 14

Мощность кожевенно-обувного комбината

Предприятия	Единица измерения	1935 г. отчет	1936 г.		1937 г.	
			отчет	% к 1935 г.	отчет	% к 1936 г.
Кожзавод	штук (крупных кож)	97095	113472	117,0	133984	118,0
Фабрика	тыс. пар	718,3	964,9	125,1	1200,0	132,7
Валовая продукция в целом (в ценах 1926/27 гг.)	тыс. руб.	7543,0	9249,0	122,7	10539,0	114,4

Из приведенных данных видно, что в 1937 г. производство крупных кож возросло по сравнению с 1927 г. на 178,7 %, обуви – на 718 %. Расширился ассортимент обуви, улучшилось ее качество.

В целом валовая продукция кожевенно-обувного комбината в 1937 г. по сравнению с 1935 г. увеличилась на 139,7 %. Коренным образом изменились кадры рабочих. Выросла их численность – на 16,3 %. Улучшился возрастной состав. Рабочие стали полноправными хозяевами предприятия. Они вникали во все дела кожевенно-обувного комбината, участво-

вали в руководстве его хозяйственной деятельностью. Необходимо отметить и то, что значительно выше стала среднемесячная заработная плата рабочих. Так, в 1932 г. она равнялась 89 руб., а в 1937 г. – 147 руб., или возросла на 166,4 % [323].

XVIII съезд ВКП(б), подводя итоги выполнения второго пятилетнего плана, отметил, что его «главная» и решающая хозяйственная задача – завершение технической реконструкции народного хозяйства СССР – в основном выполнена [324]. Этот вывод наглядно доказывает, как существенно обновилась производственно-техническая база кожевенно-обувного комбината.

Успехи, достигнутые в области освоения новой техники, получили яркое выражение в стахановском движении. Развертывание социалистического соревнования и его высшей формы – стахановского движения – привели к дальнейшему подъему производительности труда, укреплению трудовой дисциплины. Все это явилось «залогом нового мощного роста экономики в СССР» [325].

Развитие кожевенно-обувной промышленности Удмуртии за годы советской власти является типичным для тысяч предприятий страны. Зародившись в недрах капитализма, оно получило широчайшее развитие в условиях социализма.

ГЛАВА 3. ПОДЪЕМ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧИХ КОЖЕВЕННО-ОБУВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УДМУРТИИ

3.1. Кадры кожевенно-обувной промышленности Удмуртии (количественные и качественные изменения)

В 1919 г. В.И. Ленин писал, что рабочий класс в Советской стране принципиально отличается от пролетариата буржуазной эпохи. Завоевав политическую власть, он стал «господствующим классом: он держит в руках государственную власть, он распоряжается обобществленными уже средствами производства, он руководит колеблющимися, промежуточными элементами и классами, он подавляет возросшую энергию сопротивления эксплуататоров» [326].

Изменения социальной природы пролетариата могли завершиться только на путях коренных социалистических преобразований в области экономики, сердцевину которых составляют индустриальные отрасли. Выступая вождем трудящихся в строительстве нового общества, рабочий класс вместе с тем сам поднимался в своем развитии на новую ступень.

Социалистическая индустриализация кожевенно-обувной промышленности Удмуртии сопровождалась ростом рабочего класса. Исходный уровень, на основе которого началось формирование социалистического отряда рабочего класса, был крайне низким. После гражданской войны и хозяйственной разрухи численность рабочих в кожевенно-обувной промышленности резко упала. Это падение приостановилось лишь к концу 1923 г., тогда в кожевенно-обувной промышленности насчитывалось всего лишь 563 рабочих. Их состав определялся следующими показателями [327]:

Состав рабочих в кожевенно-обувной промышленности

	Количество рабочих			в том числе	
	производственных	вспомогательных	всего	женщин	подростков
Итого:	493	73	563	93	24

В последующие годы происходило восстановление рабочих кадров. Но приток рабочих в кожевенно-обувную промышленность был мизерным. Длительное время численность рабочих оставалась на уровне 1923 года.

Заметный рост рабочего класса в кожевенно-обувной промышленности начался в годы первой пятилетки. К 1932 году численность рабочих возросла до 1218 человек, в два с лишним раза превысив уровень 1928 года [328]. В годы второй и третьей пятилеток рост рабочих кадров продолжался, хотя уже не такими быстрыми темпами.

В тоже время, если взять для сравнения данные за 1928-1940 гг., то в целом численность рабочего класса кожевенно-обувного комбината увеличилась почти в три раза. В 1940 г. в данном производстве насчитывалось 1814 человек [329].

Источники пополнения рабочих кадров были разнообразны. В начальный период индустриализации среди новых пополнений преобладали выходцы из города – дети рабочих, домохозяйки. Возвращались на работу ранее работающие квалифицированные рабочие. Выходцы из крестьян составляли незначительную часть нового контингента рабочего класса [330].

Иным стало положение в годы первой пятилетки. В условиях быстрого роста кожевенно-обувной промышленности, когда была полностью ликвидирована безработица, прежние источники оказались недостаточными. Поэтому кадры кожевенно-обувной промышленности пополнялись в порядке организованного набора. Он проводился, как правило, среди сельского населения. Распространение получило направление на работу колхозников по договорам с колхозами [331].

В результате в число рабочих кожевенного комбината за годы первой пятилетки влилось 650 человек из сельской

местности [332]. Партийная и профсоюзная организации предприятия заботились о скорейшем приобретении ими квалификации. Для обучения вновь пришедших привлекали опытных рабочих, новаторов производства. Такая работа способствовала укреплению рабочих кадров, усилению их однородности. Многие вновь пришедшие на производство настойчиво осваивали рабочие профессии, приобщались к новой жизни, становились ударниками, передовыми производственниками.

Из сельской местности поступали на производство и подростки. Их сразу же направляли в школу ФЗУ, которая открылась в Сарапуле в 1928 году. В связи с этим среди учеников школы ФЗУ преобладали выходцы из крестьян. Это видно по данным состава учащихся в годы первой пятилетки [333]:

- 41,1 % – обучалось детей крестьян;
- 32,9 % – обучалось детей рабочих;
- 7,3 % – обучалось детей служащих;
- 18,7 % – прочих.

Но уже в начале второй пятилетки в школе ФЗУ повысился удельный вес представителей города, главным образом детей рабочих. Так, в годы второй пятилетки в школе ФЗУ дети рабочих составили 51,3 %; колхозников – 47,1 %; служащих – 1,6 %.

Эта же тенденция характерна для системы производственно-технических курсов комбината.

Большой приток нового поколения оказывал существенное влияние на изменения состава рабочего класса. В 30-е годы в составе рабочих кожевенно-обувного комбината возросло число выходцев из крестьян. Однако широко организованная подготовка новых рабочих способствовала быстрому росту квалифицированных рабочих комбината. В 1932 г. высококвалифицированных рабочих на кожевенно-обувном комбинате состояло 360 человек, а в 1937 г. их уже насчитывалось 848 [334]. Неквалифицированных рабочих в 1932 г. было 301 человек, а к 1935 г. – 195 [335].

Росла тяга рабочих к знаниям. Этому особенно способствовала интенсивная работа по повышению технической грамотности рабочих. Ею были охвачены сотни работающих. В результате число квалифицированных рабочих-закройщиков, заготовщиков, пошивщиков, фрезеровщиков уреза каблука – увеличилось за 1928-1940 гг. более чем в 3,5 раза [336].

Также большое внимание уделялось повышению общеобразовательного уровня рабочих. При кожевенном заводе и обувной фабрике были организованы начальные школы. Это позволило уже к концу второй пятилетки практически ликвидировать неграмотность рабочих [337]. Необходимо отметить, что рост общей и технической грамотности рабочих вел к повышению эффективности труда, его производительности.

Большие изменения произошли в профессиональном составе рабочих кадров. В связи с техническим перевооружением производства многие старые профессии, основанные на тяжелом ручном труде, были механизированы. Возникли новые профессии: фрезеровщики, штамповщики. Техническое перевооружение производства позволило поднять общий квалификационный уровень рабочих кожевенно-обувного комбината. К 1937 г. доля квалифицированных рабочих возросла до 55-60 %, против 40-45 % в 1932 году [338].

Повышение культурно-технического уровня рабочих было связано с увеличением инженерно-технических работников. Коммунистическая партия и Советское правительство последовательно проводили курс на подготовку специалистов высокой квалификации, главным образом за счет рабочей молодежи. В апреле 1927 г. постановлением ВКП (б) «Об улучшении социального состава принимаемых в высшие учебные заведения, на рабфаки и техникумы» [339] были установлены значительные льготы для рабочей молодежи. В результате уже в 1935 году на кожевенно-обувном комбинате насчитывалось инженерно-технических работников – 61, а в 1940 г. – 100 человек [340]. Увеличение инженерно-технических ра-

ботников происходило в основном за счет молодых рабочих, окончивших институты и техникумы.

Из рядов рабочих вырастали руководители производства. Так, рабочий Кульков И.С. был выдвинут на должность заведующего юфтевым производством, а затем заместителем директора кожевенно-обувного комбината. Рабочие Костюмов, Выборнов, Смолин стали мастерами полувального, юфтевого и мостовьевого цехов. Заготовщица швейного цеха Антипина была избрана председателем РайРКК, а распиловщик Власов стал депутатом Верховного Совета Удмуртской АССР [341].

В ходе строительства социализма изменился возрастной состав рабочих. Он значительно омолодился. Это можно проследить по данным таблицы [342]:

Таблица 16

Состав рабочих по возрастам на I/ХII-33 г.

Цехи	до 18 лет	от 18 до 22 лет	свыше 22 лет	Итого
Кожцех	-	21	60	81
Юфтевый	7	51	62	120
Раскройный	7	33	57	97
Штамповочный	37	87	68	192
Заготовочный	33	90	132	255
Пошив II	24	67	102	193
Пошив III	23	61	99	183
Хозчасть	4	35	113	152
Монтажный	1	14	49	57
ИТОГО	136	459	750	1352
В %-х	10,0	34,0	56,0	100

Из приведенных данных видно, что на кожевенно-обувном комбинате на 1 декабря 1933 г. в возрасте до 22 лет насчитывалось 44 % рабочих. Из них, до 18 лет составляли – 10 %, а с 18 до 22 лет – 34 %, 56 % рабочих имели возраст свыше 22 лет. Положительный фактор указанных данных характеризуется тем, что около половины рабочих составляли лица, кто воспитывался уже в годы Советской власти. Новые

условия быта, учебы, новая система воспитания делали людей сознательными строителями социализма. Также сочетание молодости и людей более старшего возраста создавали высокий рабочий настрой, хорошую трудовую атмосферу, повышение квалификации.

Произошли существенные сдвиги в стаже работы. Если до первой пятилетки больше половины всех рабочих составляли те, кто пришел на предприятие до Октябрьской революции, то к 1 декабря 1933 г. таких рабочих было лишь 13,3 %. Подтверждением служат данные таблицы о составе рабочих по стажу непрерывной работы (на I/ХП-33 г.) [343].

Таблица 17

Состав рабочих по стажу непрерывной работы на I/ХП-33 г.

Цехи	Непрерывный стаж работы					Всего
	до 1 года	от 1 до 3 лет	от 3 до 5 лет	от 5 до 10 лет	свыше 10 лет	
Кожцех	12	23	23	26	13	97
Юфтевый	33	30	32	10	47	152
Раскройный	20	28	22	18	15	103
Штамповочный	57	76	34	30	18	215
Заготовочный	56	52	107	52	18	285
Пошив II	48	30	31	30	26	165
Пошив III	51	43	31	23	21	169
Хозчасть	35	7	17	7	12	78
Ремонтно-монтажная ма-стерская	32	20	15	11	10	88
ВСЕГО	344	309	312	207	180	1352
В %-х	25,4	23,0	23,2	15,1	13,3	100

Из приведенной таблицы видно, что рабочие со стажем непрерывной работы до 3 лет к 1 декабря 1933 г. составляли 48,4 %. От 3 до 10 лет – 38,3 %, а свыше 10 лет, лишь 13,3 %. Указанный процент квалифицированных рабочих передавал свой опыт молодым труженикам, осваивающим рабочую профессию. С другой стороны, большее число рабочих с ма-

лым стажем непрерывной работы – свидетельство слабой работы за стабильность кадров, против их текучести.

Большое значение на кожевенном заводе и обувной фабрике придавалось вовлечению в производство и активную общественную жизнь женщин. Еще на заре советской власти В.И. Ленин указывал, что «постройка социалистического общества начнется только тогда, когда мы, добившись полного равенства женщин, примемся за новую работу вместе с женщиной...» [344]. На основании этого партийная, профсоюзная организации кожевенно-обувного комбината проделали большую работу, чтобы освободить женщин от семейных забот и привлечь их на производство. Так, сразу при образовании кожевенно-обувного треста был открыт детский сад на 86 детей. К 1940 г. работали уже два детских сада, которые посещали 187 детей [345].

Численность работающих женщин в кожевенно-обувной промышленности быстро росла. Если в начале 1924 г. удельный вес женщин среди рабочих не превышал 18,8, то к январю 1941 г. он достиг 60. Советская власть открыла перед женщиной новые пути, дала возможность приобщиться к квалифицированному индустриальному труду. Высокий уровень механизации труда в кожевенно-обувной промышленности позволил женщинам на равных с мужчинами овладеть многими профессиями.

С ростом рабочих кадров кожевенно-обувной промышленности Удмуртии улучшалось их материальное благосостояние. В корне изменился уровень жизни и условия быта рабочих. Если к 1928 г. средний заработок рабочего составлял 68 руб., то в 1937 г. – 160 руб. [346], а к январю 1941 г. средняя заработная плата выросла до 263 руб. в месяц. У стахановцев и ударников средняя заработная плата в месяц поднималась до 300-400 руб. [347].

Строго нормированный рабочий день давал возможность рабочим не только повышать свой идейно-политический, технический и общеобразовательный уровень, но и расти духовно,

удовлетворять свои культурные запросы. В первой пятилетке кожевенно-обувной комбинат построил клуб (в советское время в этом здании размещался драмтеатр). В клубе работали кружки: музыкальный, хоровой, драматический. Открыли библиотеку, в которой насчитывалось свыше 3 тыс. книг [348].

Вот что писала о превышении своего материального уровня стахановка раскройного цеха кожевенно-обувного комбината О.Ф. Пономарева в редакцию газеты «Красное Прикамье»: «Черной полосой прошла моя безрадостная жизнь до Великой Октябрьской социалистической революции. В детстве я не видела отрадных и счастливых дней. С малых лет пошла работать по найму. За долгие дни работы на буржуев я получала жалкие гроши. Мой заработок в месяц составлял всего 3 рубля. Свободно вздохнула я только после революции. Положение женщин резко изменилось: они получили счастье и права, равные с мужчинами. Год от года улучшается мое материальное положение. Труд стал радостным для меня делом. Я выполняю от 130 до 150 процентов нормы. В связи с этим растет мой заработок. В июне 1937 г. я заработала более 400 рублей, а в июле – свыше 500 руб.

Счастливы и радостно живут мои дети... Сама я люблю отдохнуть просмотром новой кинокартины, постановки театра.

За такое счастье, немислимое в капиталистических странах, за счастье моих детей, спасибо Советской власти» [349].

Улучшились и жилищно-бытовые условия рабочих. Если в 1935 г. жилая площадь, принадлежащая кожевенно-обувному комбинату, составляла 1374 м², то в 1936 г. она увеличилась до 1932 м². В 1935 г. на жилой площади комбината проживало 118, а в 1936 г. – уже 162 человека, в том числе [350]:

Таблица 18

Состав рабочих, проживающих на жилой площади комбината

	1935 год	1936 год
Рабочих	109	148
ИТР	9	14

В 1936 г. кожевенно-обувной комбинат приступил к строительству 3 домов площадью 1083 м² с хорошо оборудованными квартирами [351].

Рост жилой площади можно проследить из следующих данных [352]:

Таблица 19

Показатели жилищно-бытовых условий трудящихся

Показатели	Ед. измер.	1935 г.	1936 г.			1937 г. план	В %%	
			план	вы-полн.	% вып.		1936 г. к 1935 г.	1937 г. к 1936 г.
Всего персонала	чел.	1521	1685	1714	101,6	1908	112,5	111,5
в т.ч. проживающих в домах предпр.	чел.	118	-	165	-	210	137,0	130,0
а) одиночек	чел.	1	-	1	-	10	100,0	100,0
б) семейных	чел.	117	-	161	-	200	137,5	124,2
Весь жилой фонд предпр.	кв. м.	1375	2643	1921	72,3	3004	139,5	156
Средн. жил-площадь на 1 живущего	кв. м.	11,4	-	11,8	-	14,3	103,5	121,2
Вновь вводим. в экспл. жилпл.	кв. м.	365	1083	361	33,3	1083	39,4	30,0
Капиталовлож. на жилстроит.	тыс. руб.	31	297	287	96,7	104	926	57,2
В т.ч. капремонт	тыс. руб.	31	9	8	89,0	-	25,7	-

Из приведенной таблицы видно, что в 1937 г. предусматривалось предоставить жилой площади рабочим и служащим кожевенно-обувного комбината на 178 % больше, чем в 1935 г. Жилой фонд увеличивался на 218,5 %. Жилая площадь в среднем на одного человека, возрастала на 12,7 %. При этом, в 1937 г. предусматривалось дополнительно ввести 1083 м²

жилой площади. Капиталовложения на жилищное строительство возросли в 1936 г. по сравнению с 1935 г. на 926 %. К 1940 г. жилой фонд кожевенно-обувного комбината увеличился до 6013 м. [353].

Построив мощную социалистическую индустрию, рабочий класс страны на практике осознал свои возможности как творца нового общественного строя. Преобразуя общество, рабочий класс изменился и сам. Это выразилось в развитии социалистического отношения к труду, к общественной собственности, к делам своего предприятия. Рабочий класс проявлял себя как великий строитель, организатор масс, творец новых форм политической и экономической жизни страны. Его активность, новаторство явились вдохновляющим примером для всего советского народа.

3.2. Подготовка и повышение квалификации рабочих кадров кожевенно-обувной промышленности Удмуртии

Социалистическая реконструкция народного хозяйства, быстрый рост промышленности и перевод ее на новую техническую базу выдвинули перед партией и государством со всей остротой проблему кадров. Призыв В.И. Ленина «учиться и работать» [354], обращенный к рабочему классу в первые годы Советской власти, теперь обрел свое значение. Индустриализация страны не могла осуществляться без массовой подготовки квалифицированных рабочих и специалистов, способных освоить новые заводы и фабрики, овладеть передовой техникой.

Подготовка квалифицированных кадров, повышение культурно-технического уровня рабочих в кожевенно-обувной промышленности Удмуртии стала также одной из неотложных задач. Еще 28 октября 1924 г. на совместном заседании партийного и фабрично-заводского комитета «Кожтреста» было принято решение об организации в каждом цехе бригадного

ученичества. Определялась группа инструкторов. Каждому из них намечалось обучить по 8 учеников, а в сапожно-ботиночном цехе механической фабрики 12 учеников. Кроме того, к каждому опытному рабочему прикреплялся ученик. Срок обучения устанавливался в 1-1,5 года. Для изучения более сложных работ этот срок по согласованию с Союзом кожевенно-обувной промышленности увеличивался до 2,5 лет [355]. Эта форма обучения способствовала увеличению квалифицированных рабочих. Первая аттестация рабочих проводилась 1 июля 1926 г. [356]. В результате ряды квалифицированных кадров кожевенно-обувного комбината пополнили 39 рабочих 2 и 3 разрядов, из них 14 девушек [357].

Однако бригадное и индивидуальное ученичество было не достаточным для подготовки квалифицированных рабочих. В связи с этим Коммунистическая партия и Советское правительство взяли курс на формирование нового типа рабочего социалистической промышленности, обладающего достаточно широким техническим и общеобразовательным кругозором. Основной формой подготовки таких рабочих XVI съезд ВКП (б) признал школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) [358].

В школе ФЗУ для кожевенно-обувной промышленности Удмуртии готовились высококвалифицированные кадры по следующим специальностям: 1) закройщики юфти; 2) заготовщики; 3) пошивщики; 4) обтяжчики; 5) затяжчики; 6) наладчики подошвы; 7) пошивщики подошвы; 8) фрезеровщики уреза и каблука [359].

Молодые рабочие готовились в школе ФЗУ в течение 1,5-2 лет [360]. За это время они получали соответствующую общеобразовательную и профессионально-техническую подготовку. После окончания школы молодые рабочие быстро осваивали производственные процессы. За первую пятилетку школу ФЗУ при кожевенно-обувном комбинате окончили 350 человек [361]. В связи с ускоренной подготовкой новых рабочих, во второй пятилетке изменился срок обучения в школе

ФЗУ. Он был ограничен шестью месяцами. Время, отведенное на учебно-производственное обучение, распределялось следующим образом: 80 % на практику и 20 % на изучение теории [362]. Это позволило сократить отсев учащихся и значительно увеличить подготовку молодых рабочих. Только в 1933 г. кожевенно-обувная промышленность получила 219 квалифицированных рабочих, из них 108 женщин [384].

Дальнейший курс на освоение новой техники требовал значительного повышения культурно-технического уровня рабочих. В связи с этим с 1936 г. в школе фабрично-заводского ученичества кожевенно-обувного комбината срок подготовки рабочих был снова доведен до 1,5-2 лет [363]. Стали принимать людей, имеющих образование 6-7 классов. Ввели вступительные экзамены по русскому языку, математике, обществознанию [364]. Это позволило улучшить контингент учащихся школы ФЗУ, поднять качество подготовки молодых рабочих. За 1936-1940 гг. на кожевенно-обувной комбинат из школы ФЗУ пришли 388 высококвалифицированных рабочих, из них 193 девушки и 195 юношей [365]. Однако школа ФЗУ не могла полностью удовлетворить потребности комбината в квалифицированной рабочей силе. Необходимо было дополнить ее более оперативными формами обучения. Так было повсеместно. Поэтому XVI съезд партии определил, что наряду с расширением школ ФЗУ следует развивать и краткосрочные формы подготовки и переподготовки рабочих кадров, «с обязательно, однако последующим повышением производственно-технического и культурно-политического уровня подготовки через эти формы рабочих» [366].

Учитывая это, партийные и профсоюзные организации кожевенного завода и обувной фабрики в 1931 г. создали единую систему рабочего образования без отрыва от производства. Она состояла из следующих основных звеньев: 1) вводные в производство курсы; 2) производственно-технические курсы для подготовки рабочих массовой квалификации; 3) рабочая техническая школа для подготовки рабо-

чих средней и высшей квалификации [367]. К 1932 г. через эту систему на кожевенно-обувном комбинате было подготовлено 427 рабочих [368].

В 1933 г. возникли производственно-технические курсы со сроком обучения от 6 до 9 месяцев. Они имели целью дать рабочим достаточно глубокие технические знания [369].

Новый этап в профессиональном обучении рабочих кожевенно-обувных предприятий наступил в связи с введением в начале 30-х годов обязательного технического минимума. Уже в начале 1933 г. на комбинате организовали 10 кружков техминимума. Их посещали 101 рабочий [370]. Профессионально-техническое обучение способствовало повышению социалистической сознательности рабочих масс, воспитанию новой социалистической дисциплины труда.

XVII съезд ВКП (б) указал, что решающим условием завершения технической реконструкции народного хозяйства «должно явиться освоение новой техники и новых производств» [371]. В связи с этим основной формой технического обучения в кожевенно-обувных предприятиях за годы второй пятилетки стала подготовка к общественно-техническому экзамену. К 1 января 1936 года 339 рабочих комбината сдали государственные технические экзамены: из них на «отлично» – 113 человек; на «хорошо» – 115 человек; «удовлетворительно» – 111 человек [372].

Особое значение и отличительные черты этой формы обучения от других заключались в том, что принимали государственные технические экзамены сами рабочие. Это повышало ответственность рабочих, обучавшихся на курсах техминимума и готовившихся к сдаче государственных технических экзаменов.

Техническая учеба принимала все более массовый характер. За 1936-1939 гг. на комбинате ею было охвачено 964 человека, в том числе 658 человек прошли курсы техминимума первой ступени и 306 человек – курсы техминимума второй ступени [373].

С развитием стахановского движения на кожевенно-обувном комбинате появились кружки по изучению стахановских методов работы. Для преподавания в них привлекались опытные рабочие-стахановцы. Они учили молодых рабочих правильно распределять рабочее время, овладевать техникой работы, секретами технологии. Об одном из таких кружков, где занятия вела стахановка А.В. Владимирова в газете «Красное Прикамье» писалось: «На ученической доске начертаны детали заготовки ботинка. Линейка то и дело скользит по доске, указывая место, по которому должны сшиваться кожаные детали. Ученицы внимательно слушают своего преподавателя и на чистых тетрадях старательно выписывают выводы.

Затем учеба принимает характер беседы: «Сейчас я расскажу о методах работы. При переходе на стахановские методы работы я, прежде всего, стала изучать свои движения, много их оказалось лишними, на которых приходилось снижать производительность.

Вот несколько примеров:

Товар я брала с полу, а сейчас он лежит на столе, пристроенном около машины. Следовательно, я не наклоняюсь за каждой парой, на этом экономлю время и силы. Потом я нитки всегда имею в запасе. Бывают случаи, когда катушка сорвется и падает на пол, я ее не поднимаю, а на ходу вставляю другую катушку, тоже экономлю время. Или такой факт: многие работницы любят сидеть за машиной на вертящихся стульях, я этого не делаю и экономлю на этом до 25-30 минут.

А основное – это хорошая подготовка рабочего места. Перед началом работы я смазываю машину, проверяю остроту иголки, подготавливаю товар. При хорошем уходе за машиной, у меня совершенно нет брака».

Антонида Владимировна дает до 205 % нормы на строчке. Такой производительности еще не было в этом цехе. Особенно хорошо ей помогает то, что она глубоко изучила производственный процесс, при этом сдала на отлично государ-

ственные экзамены. Кроме того, для закрепления своих технических знаний она прикреплена к инженерно-техническим работникам» [374].

Всего на кожевенно-обувном комбинате стахановские методы работы за 1936-1940 гг. изучили 670 рабочих [375]. Вместе с кадрами рабочих росли и кадры специалистов. Проблема инженерно-технических кадров была особенно острой. В 1928 г. в кожевенно-обувной промышленности Удмуртии (без аппарата управления) работало всего 25 инженерно-технических работников. Из них 2 с высшим и шесть человек со специальным образованием, а остальные были практики, имевшие начальное и семилетнее образование [376].

В связи с решением апрельского (1928 г.) Пленума ЦК и ЦКК, который предложил партийным, советским и профсоюзным организациям особое внимание «сосредоточить на вопросе подготовки новых кадров красных специалистов и значительном расширении использования их на производстве» [377].

В годы первой пятилетки было направлено из рабочих комбината на учебу в Киевский и Московский институты шесть человек. В техникумах обучалось 19 человек [378]. Кроме того, были организованы центральные и областные курсы повышения квалификации руководящего и контрольно-счетного аппарата. В 1931 г. на центральные курсы были направлены восемь, на областные шесть рабочих [379].

С 1932 г. была организована работа производственно-технических курсов. Их стали посещать начальники цехов и мастера смен. На этих курсах обучалось 30 человек: 20 обувщиков и 10 кожевников. Курсы нормировщиков и плановиков посещали 31 человек, из них 25 рабочих и 6 служащих [380]. На курсы бригадиров были привлечены 49 человек [381].

С 1936 по 1939 гг. курсы мастеров, бригадиров, нормировщиков окончило 213 человек. В это же время обучалось в институтах страны 21 человек, в техникумах – 25 человек [382].

Такая широкая система повышения квалификации руководящих работников позволяла в основном обеспечить потребности комбината квалифицированными кадрами.

Таким образом в 30-х годах на кожевенно-обувном комбинате, как и на других предприятиях страны и Удмуртии, была создана стройная система подготовки новых и повышения квалификации рабочих. Рабочие получили широкие возможности совершенствовать свои знания, повышать квалификацию.

Все эти мероприятия, проводимые под руководством партийной, профсоюзной организации комбината, способствовали повышению культурного уровня рабочих. Рабочий класс вырос не только количественно, но и качественно. Все больше становилось на предприятии рабочих в совершенстве владеющих современной техникой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Индустриализация явилась главным рычагом социалистических преобразований, которые превратили Советский Союз в могучую державу. Обеспечили полную экономическую независимость от капиталистических стран. Вывели на широкий путь научно-технического прогресса.

Курс коммунистической партии и советского правительства на социалистическую индустриализацию нашел горячий отклик среди рабочего класса страны, в том числе и кожевенно-обувных предприятий Удмуртии, которая имела развитие в г. Сарапуле.

После победы Великой Октябрьской революции благодаря планоному руководству, осуществляемому Коммунистической партией и Советским правительством, рабочий класс в короткие сроки восстановил разрушенные в годы гражданской войны кожевенно-обувные предприятия.

В первые годы индустриализации в производство был внедрен более совершенный метод выделки кож, позволивший намного сократить продолжительность дубления. Ввели химико-аналитический контроль. Провели в жизнь мероприятия, направленные на организацию и развитие движения рационализаторов и изобретателей.

За годы первых пятилеток в Удмуртии организовали производство дубильных экстрактов, что позволило полностью удовлетворить потребность кожевенно-обувной промышленности в концентрированных дубильных материалах и освободить ее от иностранной зависимости.

С развитием отечественного машиностроения выросла механизация технологических процессов кожевенно-обувного производства. Улучшились условия труда и материальное положение рабочих. Крепли и развивались социалистические производственные отношения.

На Сарапульском кожевенно-обувном комбинате широкое развитие получили ударничество, стахановское движение

и другие формы социалистического соревнования, свидетельствовавшие о возрастании творческой инициативы рабочих.

За годы первых пятилеток мощь кожевенно-обувных предприятий значительно поднялась.

В 1937 г. производство крупных кож возросло по сравнению с 1927 г. на 178,7 %, обуви – на 718 % [383]. Расширился ассортимент обуви, улучшилось ее качество.

Выросли на комбинате инженерно-технические кадры. Абсолютное большинство их являлись выходцами из семей потомственных рабочих, колхозного крестьянства. Советская интеллигенция представляла собой бывших рабочих и крестьян, а также их сыновей и дочерей, выдвинувшихся на командные посты. Она служила во имя и во благо общества, страны и конкретного человека, при этом являлась равноправным членом социалистического общества.

Коренным образом изменились кадры рабочих. Выросла их численность, изменился возрастной состав. На кожевенном комбинате Сарапула выросла доля кадровых рабочих. В рабочем коллективе большой процент стали составлять женщины. В процессе строительства социализма была ликвидирована неграмотность рабочих, повысился их квалификационный уровень, выросло профессиональное мастерство. Рабочие стали полноправными хозяевами предприятия. Они вникали во все дела кожевенного комбината, участвовали в руководстве его хозяйственной деятельностью. Именно социализм обеспечил рабочим экономические и духовные блага. Значительно увеличилась заработная плата, обеспечение индивидуальными квартирами, появилась возможность укреплять здоровье в санаториях и домах отдыха. Жизнь полностью подтвердила, что социализм являлся решающим шагом и основой переустройства всей жизни общества и государства, эффективного и всестороннего развития экономики и социальных благ.

Развитие кожевенного и обувного производства Сарапула за годы Советской власти является типичным для тысяч

предприятий страны. Зародившись в недрах капитализма, оно получило широчайшее развитие в условиях социализма.

Освещая развитие производства, на примере кожевенно-обувной промышленности Удмуртии, автор монографии поставил цель, чтобы в условиях новейшего времени (XXI век) были изучены и использованы в полном объеме формы и методы производственников реконструктивного периода, в целях более эффективного становления и роста экономики Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лельчук В.С. Социалистическая индустриализация СССР, М., 1975.
2. Грызлова Т.А. Экономика легкой промышленности, М., 1969.
3. Чернов Н.В. Технология кожи, М., 1952.
4. Решетов А.А. Сарапул, Иж., 1968; Перевощиков А.П., Мельников А.А. Сарапул. Экономико-географический очерк. – Ижевск: Удмуртия, 1981.
5. Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг.: Монография. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993.
6. Войтович В.Ю. Развитие национальной государственности удмуртского народа. – Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Академия управления МВД РФ. Москва, 2004. С. 34.
7. СУРСФСР. 1918. № 15. Ст. 215.
8. Декреты советской власти. М., 1957. С. 341-343.
9. Например, I Всероссийский съезд Советов, провозгласивший 11 декабря 1917 г. Украину Советской Республикой, постановил признать «Украинскую Республику федеративной частью Российской Республики». Съезд поручил ЦИК Украины распространить на территорию Украины все декреты и постановления РСФСР, имеющие общесоюзное значение. В Декларации о самоопределении Латвии, опубликованной 24 декабря 1917 г. Исполнительным комитетом Советов Латвии (Исколатом) совместно с ЦК СДПЛ, провозглашался лозунг: «Свободная Латвия в свободной России, в рамках Российского Государства». В проекте Конституции Эстляндской рабочей коммуны, который был разработан эстонскими большевиками в начале 1918 г. и принятый который помешала немецкая оккупация, отмечалось, что Эстляндская рабочая коммуна – автономная часть Российской Советской Республики. См.: Образование СССР. Сб. документов (1917-

1924). М., 1949. С. 73, 74; Октябрьская революция в Латвии. Документы и материалы. Рига, 1957. С. 323.

10. См.: Гурвич Г.С. История Советской Конституции. М., 1923.

11. Войтович В.Ю. Местное самоуправление – институт гражданского общества. В сборнике: Социально-экономическое развитие моногородов: традиции и инновации. Сборник статей. 2017. С. 60.

12. Становление советского государства и права (1917-1920 гг.). С. 266.

13. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937 гг.) М., 1940. С. 96.

14. Съезды Советов в документах. 1917-1936 гг. Т. 1. С. 754-776.

15. Чистяков О.И. Национально-государственное строительство в РСФСР в годы гражданской войны (1918-1920 гг.). М., 1964. С. 87.

16. См.: Ким А.И. К вопросу о государственной природе РСФСР. Правоведение. 1960. № 1; Златопольский Д.Л. Конституционная модель российского федерализма и тенденции ее эволюции. Государство и право. 2001. № 7. С. 88-107.

17. Советское государство и право. М., 1971. С. 303.

18. См.: Ким А.И. К вопросу о государственной природе РСФСР. Правоведение. 1960. № 1; Златопольский Д.Л. Конституционная модель российского федерализма и тенденции ее эволюции. Государство и право. 2001. № 7. С. 88-107.

19. Сталин И.В. Соч. Т. 4. М., 1947.

20. Сборник официальных документов по советскому государственному праву. М., 1964. С. 257.

21. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898-1986 гг.) М., 1983. Т. 2. С. 365.

22. КПСС в резолюциях... Т. 2. С. 366.

23. Сталин И.В. Т. 5. С. 181-194, 236-280.

24. См.: ЦГАУР.Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 22, 29, 34, 43, 71 и т.д.

25. Там же. Д. 1. Л. 75.
26. Войтович В.Ю. Развитие правового статуса Удмуртии в составе России. 1920-2000. Ижевск, 2003. С. 17.
27. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Павлов Н.П. Самоопределение, автономия, идеи, реалии. Ижевск, 2000. С. 30; г. Глазов представлял культурный центр не только уезда, но и Удмуртии, где проживало 76,7 процента удмуртов.
28. Там же. Д. 1. Л. 1.
29. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
30. Там же.
31. ЦГАУР. Ф.Р.-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 22; Павлов Н.М. Указ. соч. С. 31.
32. Там же. Л. 5. Павлов Н.М. Указ соч. С. 33.
33. См.: ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 2; Павлов Н.П. Указ. соч. С. 35.
34. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
35. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
36. Там же. Л. 17-19.
37. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
38. Павлов Н.П. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 21.
39. См.: ЦГАУР. Ф.р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 29, 30, 31.
40. Павлов Н.П. Указ. соч. С. 43.
41. Войтович В.Ю. Наука управления. Концептуальные основы науки управления. Саарбрюккен, 2016. С. 34.
42. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 32-33.
43. Павлов Н.П. Указ. соч. С. 46.
44. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.
45. Хлебников А.В. Образование и развитие советской автономии марийского народа. 1917-1929. Йошкар-Ола, 1970. С. 57.
46. Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 2. Ижевск, 1962. С. 81-82.
47. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.
48. Там же.
49. Там же. Л. 42.

50. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.
51. Там же.
52. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 43. Все даты автором проводятся по новому стилю.
53. См.: Павлов Н.П. Указ. соч. С. 49.
54. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
55. Там же. Л. 44.
56. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.
57. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 48.
58. Там же. Л. 67, 69.
59. Там же. Л. 71.
60. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 71.
61. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 75.
62. Там же. Л. 86, 88.
63. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 96.
64. Войтович В.Ю. Историография проблемы становления национальной государственности в Удмуртии. Вестник Удмуртского университета. 2002. № 4. С. 56.
65. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. Л. 89.
66. См.: Куликов К.И. Удмуртская автономия. Этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990. С. 6-9; Павлов Н.П. Самоопределение, автономия: идеи, реалии. Ижевск, 2000. – С. 117-118; Рябухин Е. Из истории образования удмуртской автономии // Ученые записки. Вып. 4. Ижевск, 1957. С. 50-51.
67. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 89-90.
68. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 90-92; Павлов Н.П. Указ. соч. С. 120.
69. Там же. Л. 92-94.
70. Там же. Л. 98-99.
71. ЦГАУР. Ф.Р-1072. Оп. 1. Д. 1. Л. 99.; Октябрьская социалистическая революция в Удмуртии: Сб. документов и материалов. Ижевск, 1957. С. 330. Подробнее о создании Прикамской губернии см.: Куликов К.И. Национально-

государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг. Ижевск, 1993. С. 63-66.

72. Вопросы истории Кировской области. Киров, 1974. С. 11.

73. Рябухин Е. Указ. соч. С. 51.

74. Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 2. Ижевск, 1962. С. 83.

75. Войтович В.Ю. 92-годовщина удмуртской государственности (путь к демократии). В сборнике: Наука и практика: актуальные проблемы и пути решения. Сборник научных статей преподавателей, аспирантов, студентов Ижевского юридического института (филиала) РПА Минюста России. Ответственные редакторы: А.Р. Усиевич, Г.А. Шкляева. Ижевск, 2013. С. 40.

76. ЦГАУР. Ф.Р-41. Оп. 1. Д. 93. Л. 124а. Одновременно стали действовать удмуртские секции при Вятском, Казанском и Уфимском губернских отделах национальных меньшинств; при Глазовском, Елабужском, Сарапульском, Малмыжском и Слободском уездных исполкомах Вятской губернии, при Осинском и Красноуфимском – Пермской губернии, при Бирском – Уфимской губернии, при Бугульминском – Самарской губернии. См.: Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 2. С. 83.

77. ЦГАУР. Ф.Р-41. Оп. 1. Д. 93. Л. 124.

78. Рябухин Е. Указ. Соч. С. 53.

79. Там же.

80. См.: Рябухин Е. Указ. соч. С. 54; Павлов Н.П. Указ. соч. С. 152-153.

81. ЦГАУР. Ф.Р-41. Оп. 1. Д. 93. Л. 124а.

82. Там же.

83. Рябухин Е. Указ. соч. С. 55.

84. ЦГАУР. Ф.Р-41. Оп. 1. Д. 93. Л. 124б.

85. Там же.

86. Там же. Ф.Р-101. Оп. 1. Д. 8. Л. 48, 122; Ф.Р-41. Оп. 1. Д. 93. Л. 124б.

87. ЦГАУР. Ф.Р-101. Оп. 1. Д. 8. Л. 122; См.: Рябухин е. Указ. соч. С. 55; Павлов Н.П. Указ. соч. С. 161-162.
88. См.: Рябухин Е. Указ. соч. С. 56.
89. См.: Павлов Н.П. Указ. Соч. С. 163.
90. См.: К истории образования Удмуртской автономии. Ижевск, 1960. С. 17-19.
91. Павлов Н.П. Указ. соч. С. 167; Рябухин Е. Указ. соч. С. 57; Куликов К.И. Указ. соч. С. 14; Тронин А.А. В семье социалистических наций. Ижевск, 1981. С. 34-35; Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 2. С. 84.
92. См.: Рябухин Е. Указ. соч. С. 57.
93. Там же.
94. К концу 1919 г. удмуртские секции работали при Вятском, Казанском и Уфимском губернских отделах национальных меньшинств, при Глазовском, Елабужском, Сарапульском, Малмыжском и Слободском уездных исполкомах Вятской губернии; при Осинском и Красноуфимском – Пермской губернии, при Бирском – Уфимской губернии и Бугульминском – Самарской губернии.
95. См.: Павлов Н.П. Указ. соч. С. 184; Рябухин Е. Указ. соч. С. 56.
96. Жизнь национальностей. 8 апреля. 1920 года.
97. См.: Павлов Н.П. Указ. соч. С. 191-193.
98. См.: Воспоминания Веры Васильевой Толстой – родственницы русского писателя Л.Н. Толстого. ЦГАУР. Ф.Р.-534. Оп. 1а. Д. 2. Л. 1-2.
99. См.: Павлов Н.П. Указ. соч. С. 195.
100. К истории образования Удмуртской автономии. С. 48.
101. См.: Первая конференция удмуртов-коммунистов. Сарапул. 1920. С. 1.
102. Там же. С. 6.
103. Ижевская правда. 1920. 1 сентября.
104. Павлов Н.П. Указ. соч. С. 198.
105. Там же.
106. См.: Тронин А.А. Указ. соч. С. 36.

107. Резолюции 1-ой Всероссийской конференции коммунистов – удмуртов // К истории образования Удмуртской автономии. С. 43-45.

108. К истории образования Удмуртской автономии. С. 49.

109. О первом Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры удмуртов. Сарапул. 1920. С. 29.

110. К истории образования Удмуртской автономии. С. 119-120.

111. О первом Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры удмуртов. Сарапул, 1920. С. 5.

112. Резолюция 1-го Всероссийского съезда работников просвещения – удмуртов.

113. К истории образования Удмуртской автономии. С. 48.

114. Там же. С. 38.

115. Рябухин Е. Указ. соч. С. 71.

116. См.: Тронин А.А. Указ. соч. С. 38; Павлов Н.П. Указ. соч. С.209; Рябухин Е. Указ. соч. С. 72.

117. В проект декрета были включены три автономные области: Удмуртская, Марийская, Калмыцкая.

118. СУ РСФСР. 1920. № 87. Ст. 437. В постановлении СНК РСФСР от 2 ноября 1920 г. в п. 1. «Образовать автономные области народов...» был употреблен термин «Вотяцкого» народа (К истории образования Удмуртской автономии: Сборник документов. Ижевск, 1960. – С. 53), а в указанном постановлении ВЦИК и СНК от 4 ноября 1920 г. в п. 1. «Вотяцкого» народа. В декрете Всероссийского ЦИК «Об автономной области вотского народа» от 5 января 1921 г. употреблен термин «Вотского» народа (СУ РСФСР. 1921. № 4. Ст. 30). Таким образом, это свидетельствует о том, что в высших органах государственной власти и управления РСФСР имели весьма смутное представление об этнической истории удмуртского народа.

119. СУ РСФСР. 1921. № 4. Ст. 30.

120. К истории образования Удмуртской автономии. С. 80-81.

121. СУ РСФСР. 1921. № 11. Ст. 72.

122. «КПСС в резолюциях и решениях...» ч. 1., изд. 7. М., 1953. С. 475.

123. Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 152.

124. Вопросы экономического районирования СССР. Сборник материалов и статей (1917-1929). М., 1957. С. 25.

125. Экономическое районирование России. Доклад Госплана для 3-й сессии ВЦИК. М., 1922. С. 64.

126. Четырехзвенное административное деление не удовлетворяло и интересы меньшинств, не обеспечивало выделения их в национально-административные единицы с делопроизводством, школой и судом на родном языке. В 1930 г. окружное деление было ликвидировано, а вследствие на новой основе заменено более крупным областным делением.

127. см.: КПСС в резолюциях и решениях... Т. 2. С. 443.

128. СУ РСФСР. 1923. № 86. Ст. 839.

129. До вхождения в Уральскую область, Сарапульский округ являлся уездом. В него входили города Сарапул, Ижевск, а также территория нынешних Воткинского, Шарканского, Дебесского, Завьяловского, Камбарского, Каракулинского, Малопургинского, Киясовского, Якшур-Бодьинского, частично Игринского, Увинского районов и Осинского района Пермской области.

130. Куликов К.И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917-1937 гг. Ижевск, 1993. С. 77-79.

131. См.: Указ. соч. С. 77-84.

132. СУ РСФСР. 1924. № 23. Ст. 227.

133. Войтович В.Ю. Проблемы государственного и муниципального управления в условиях построения демократического правового государства. В сборнике: Государственное и муниципальное управление: теория, история, практика. Ма-

териалы V Международной очно-заочной научно-практической конференции. 2015. С. 7.

134. СУ РСФСР. 1920. № 87. ст. 437; 1921. № 4. ст. 30.

135. Ижевская правда. 1924. 1 апреля.

136. УГА УР. Ф.Р-195. Оп. 1. Д. 36. Л. 1,7; Д. 353. Л. 21; Оп. 4. Д. 12. Л. 44-45; Оп. 1. Д. 479. Л. 2. № Ф.Р-1235. Оп. 122. Д. 192. Л. 25.

137. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 20-23; Ф.Р-475. Оп. 1. Д. 34. Л. 5; Д. 343. Л. 23; Ф.Р-195. Оп. 1. Д. 502. Л. 3,9 и др.

138. см.: Куликов К.И. Указ. соч. С. 63-67.

139. ЦГАУР. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 13, 17-23.

140. Областной Революционный комитет передал свои полномочия областному исполнительному комитету, избранному на I областном съезде Советов 20 июля 1921 г. ЦГА УР. Ф.Р-327. Оп. 1. Д.л. 26; Ф.Р-195. Оп. 1. Д. 5. Л. 21.

141. Там же. Ф.Р-327. Оп. 1. Д. 13. Л. 9.

142. СУ РСФСР. 1921. № 67. Ст. 519.

143. Сборник законодательных актов по административно-территориальному делению УАССР. Ижевск, 1957. С. 51.

144. ЦГАУР. Ф.Р-195. Оп. 1. Д. 382. Л. 567.

145. ЦГАУР. Ф.Р-195. Оп. 1. Д. 71; Д. 112, 113, 114; Д. 338-390, 711; Ижевская правда. 1925. 27 февраля - 5 марта; 1927. 27 марта - 3 апреля.

146. ЦГАУР. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.

147. Там же. Л. 7.

148. Златопольский Д.Л. Государственное устройство СССР. М. 1960. С. 211-212.

149. ЦГАУР. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 6.

150. Там же. Ф.Р-195. Оп. 1. Д. 502. Л. 3.

151. Там же. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.

152. ЦГАУР. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 6.

153. ЦГАУР. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 9-13.

154. Это наглядно видно и в настоящее время при рассмотрении установленных между Татарстаном и УР.

155. ЦГАУР. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

156. Там же.
157. ЦГАУР. Ф.Р-164. Оп. 1 Д. 26. Л. 17.
158. ЦГАУР. Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 18; Ф.Р-724. Оп. 1. Д. 73. Л. 1, 3.
159. ЦГАУР. Ф.Р-164-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 19.
160. Территория татарского народа была преднамеренно разделена границами пяти губерний: 52,21 процент территории ТАССР входило в состав Казанской губернии, 19,23 процента – Уфимской, 13,16 процента – Самарской, 7,5 процента – Вятской и 3,9 процента – Симбирской губернии.
161. 22 сентября 1921 г. Президиум ВЦИК утвердил проекты постановлений о границах Татарской АССР. Было опубликовано несколько декретов, устанавливающих границы Татарии с Самарской и сибирской губерниями, с Чувашской и Марийской автономными областями. 1 октября 1921 г. ВЦИК уточнил границы ТАССР с Вятской губернией и Удмуртской автономной областью.
162. См.: Еникеева З.Г. Автономная республика. М., 1964. С. 54; СУ РСФСР. 1921. № 66. Ст. 501-504; № 67. Ст. 520-521.
163. См.: ЦГАУР. Ф.Р-724. Оп. 1. Д. 73. Л. 3.
164. ЦГАУР. Ф.Р-195. Оп. 1. Д. 149. Л. 144; Д. 389. Л. 24, 28, 35, 37; Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 20, 21; Ф.Р-724. Оп. 1. Д. 73. Л. 99; Ижевская правда. 1926. 16 февраля и др.
165. ЦГАУР Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 20.
166. Войтович В.Ю. В семье советских республик. Пропандист и агитатор. 1986. № 23. С. 15.
167. ЦГАУР Ф.Р-164. Оп. 1. Д. 26. Л. 21.
168. ЦГАУР. Ф.Р-195. Оп. 1 Д. 389. Л. 24, 28, 35, 37; Ижевская правда. 1926. 16 февраля
169. ЦГАУР. Ф.Р-724. Оп. 1. Д. 73. Л. 99, 102, 110.
170. СУ РСФСР. 1929. № 10. Ст. 116
171. Съезд Советов Союза ССР, союзных и автономных советских социалистических республик. Сб. Документов. 1917-1936 гг. Т. 4., ч. 1. М., 1962. С. 117.
172. СУ РСФСР. 1929. № 10. Ст. 116.

173. Ф.Р-177. Оп. 1. Д. 1613. Л. 113.
174. Ф.Р-177. Оп. 1. Д. 1613. Л. 113.
175. СУ РСФСР. 1928. № 79. Ст. 544.
176. СУ РСФСР. 1928. № 137. Ст. 889.
177. ЦДНИ. Р.Ф-16. Оп. 10. Д. 158. Л. 168.
178. ЦГА УР. Р.Ф-204. Оп. 32. Д. 116. Л. 113.
179. Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. Сб. Документов. М. 1939. С. 400.
180. КПСС в резолюциях и решениях... Ч. 2. М., 1954. С. 601.
181. ЦГА УР. Ф.Р-195. Оп. 1. Д. 1237; 1245; 1435 и др.
182. Там же. Ф.Р-195. Оп. 1. Д. 1245. Л. 1, 7, 14, 21, 24 и др.
183. СУ РСФСР. 1935. № 4. Ст. 38.
184. СУ РСФСР. 1935. № 2. Ст. 10.
185. СУ РСФСР. 1937. № 14. Ст. 154.
186. ЦГА УР. Ф.Р-475. Оп. 1. Д. 343. Л. 30, 37.
187. Протокол Президиума Верховного Совета РСФСР 1938 г. № 2. п. 107.
188. Справочник по административно-территориальному делению Удмуртии. 1917-1991 гг. Ижевск. 1995. С. 5.
189. Войтович В.Ю. Путь в светлое будущее. Развитие промышленности в период реконструкции народного хозяйства (1926-1937 гг.) на материалах Удмуртии / Саарбрюккен, 2015. (2-е издание). С. 16.
190. Войтович В.Ю. Финно-угорские народы России: прошлое, настоящее, будущее. Наука Удмуртии. 2010. № 8. С. 11.
191. СУ. 1918. Ст. 318.
192. Центральный государственный архив Удмуртской Республики, Ф.Р-331, Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
193. ЦГА УР, Ф.Р-331. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
194. Куликов К.И. ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 141. Л. 1.
195. ЦГАОР, ф. 1318. Оп. 1. Д. 140. Л. 374.
196. В.И. Ленин. ППС, Т. 36. С. 2.
197. В.И. Ленин. ППС, Т. 36. С. 130.
198. КПСС в резолюциях... Т. 3. Изд-е 8. С. 503.
199. КПСС в резолюциях... Т. 5. Изд-е 8. С. 733.

200. Грызлова Г.А. Экономика легкой промышленности. М., 1969. С. 19.
201. Там же. С. 21.
202. Страна Советов за 50 лет. М., 1969. С. 52.
203. Там же.
204. Ленинский план соц. индустр. и его осуществление. М., 1969. С. 269.
205. Внешняя торговля СССР 1918-1949 гг. М., 1960. С. 269.
206. Чернов Н.В. Технология кожи. М. 1952. С. 4.
207. Чернов Н.В. Технология кожи. М. 1952. С. 4.
208. Большая Советская энциклопедия. М. 1973. Т. 12. С. 384.
209. Войтович В.Ю. Деятельность Удмуртской областной партийной организации по реконструкции старых и строительству новых промышленных предприятий (1926-1937 гг.). В сборнике: Из истории развития народного хозяйства и культуры Удмуртии в XIX-XX веках. Сборник статей. АН СССР, Уральской отделение, Удмуртский институт истории, языка и литературы. Ижевск, 1990. С. 62.
210. Очерки истории Удмуртской АССР. Т. 2. Ижевск. 1962. С. 184.
211. Удмуртская АССР за 40 лет. Ижевск. 1960. С. 41.
212. Войтович В.Ю. Деятельность удмуртской областной партийной организации по развитию промышленности в период реконструкции народного хозяйства (1926-1937 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва, 1984. С. 45.
213. «Красное Прикамье» 1926 г., 26 октября
214. Там же.
215. Большая Советская энциклопедия. М. 1973. Т. 12. С. 381.
216. Там же. Ф.Р-100. Оп. 1. Д. 47. Л. 67.
217. Удмуртия за 40 лет Советской Власти, Ижевск. 1957. С. 73.
218. Удмуртия за 40 лет Советской власти, Ижевск. 1957. С. 73.

219. Лигенко Н.П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века: Монография. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. С. 165.

220. «Красное Прикамье», 1923 г. 10 июля.

221. Сарап. фил. ЦГА, УАССР. Ф.Р.-588. Оп. 1. Д. 20. Л. 63.

222. Там же.

223. Там же. Л. 64.

224. Там же. Л. 66.

225. Решетов А.А. Сарапул, Ижевск. 1968. С. 17.

226. Сарап. фил. ЦГА, УАССР. Ф.Р.-588. Оп. 1. Д. 20. Л. 66.

227. Решетов А.А. С. 16.

228. Там же.

229. Сарап. фил. ЦГА, УАССР. Ф.Р.-588. О. 1. Д. 20. Л. 72.

230. Искра 1900 г. № 15.

231. Из воспоминаний пенсионера Кулькова И.С., бывшего в годы Советской власти заведующим раскройным, юфтевым и посадочным цехами кожкомбината.

232. Чернов Н.В. Технология кожи. М. 1952. С. 514. «При сыпчонном методе дубления голье в чанах пересыпается дубильным материалом. Так как выщелачивание шло на холоду, в дублении участвовали высоко дисперенные таннины. Этот способ дубления характеризуется значительной длительностью – от 6 месяцев до трех лет. В настоящее время сыпчонный метод не применяется».

233. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-588. Оп. 1. Д. 20. Л. 72.

234. Там же.

235. Сарап. фил. ЦГА, УАССР. Ф.Р.-588. Оп. 1. Д. 20. Л. 71.

236. Там же. Л. 72.

237. «Красное Прикамье», 1923 г. 12 сентября.

238. Сарап. фил. ЦГА, УАССР. Ф.Р.-588. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.

239. Войтович В.Ю., Мухин А.А. Проблемы управления трудовыми ресурсами муниципального образования в области социальной защиты населения. Наука Удмуртии. 2017. № 2 (80). С. 104.

240. Войтович В.Ю. Роль социалистического соревнования в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) (на материалах Удмуртии). Научное обозрение. Экономические науки. 2017. № 3. С. 108.

241. Декреты Советской власти. Т. 8. 1959. С. 231.

242. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

243. Там же. Д. 21 Л. 5.

244. Там же. Д. 23. Л. 23.

245. Там же. Д. 6. Л. 277.

246. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

247. Там же. Л. 25.

248. «Красное Прикамье», 1925 г., 8 апреля.

249. Там же.

250. Там же.

252. «Красное Прикамье» 1925 г., 25 октября.

253. Там же.

254. Там же.

255. «Красное Прикамье» 1925. 25 октября.

256. КПСС в резолюциях... Т. 3. Изд. 8. С. 242.

257. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 24. Л. 131.

258. Чернов М.В. Технология кожи. М., 1952. С. 516.

«При соко-барабанном дублении кожа, получившая некоторую предварительную обработку (хромирование, обработка сульфатом аммония и т.д.) или кожа, прошедшая соковый ход, помещается в барабан. Соко-барабанное дубление характеризуется: 1) меньшим жидкостным коэффициентом; 2) повышенной температурой дубления; 3) механическим разрыхляющим действием барабана; 4) наличием всасывающего эффекта благодаря сгибанию голя кулаками барабана.

259. «Красное Прикамье» 1927 г., 17 марта.

260. Там же. 1927 г., 20 марта.

261. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-588. Оп. 1. Д. 2. Л. 36, 37.

262. Там же.

263. КПСС в резолюциях... Т. III. Изд. 8. С. 201.

264. Там же. Т. IV. Изд. 8. С. 619.
265. В.И. Ленин ПСС. Т. 35. С. 196.
266. Войтович В.Ю. Стахановское движение – путь к социально-экономическому развитию России (на материалах Удмуртской Республики). Посвящено 100-летию образования государственности Удмуртии / Ижевск, 2017. С. 39.
267. «Красное Прикамье», 1929 г., 12 февраля.
268. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 52. Л. 206.
269. Там же. Д. 52. Л. 49.
270. Там же. Д. 53. Л. 157.
271. Справочник партийного работника. М., 1969. Вып. 8. С. 304.
272. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 60. Л. 114.
273. Там же.
274. Там же. Д. 59. Пт. 16.
275. Там же.
276. Там же. Д. 61. Л. 211.
277. «Красное Прикамье», 1931 г., 12 февраля.
278. «Красное Прикамье», 1932 г., 29 апреля.
279. Девятый Всесоюзный съезд профсоюзов СССР, М. 1933. С. 71.
280. Войтович В.Ю. Основы управления. Ижевск, 2015. С. 28.
281. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 244-246.
282. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1 Д. 114. Л. 135.
283. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 56. Л. 43.
284. Там же. Д. 76. Л. 53.
285. «Красное Прикамье», 1928 г., 6 апреля.
286. КПСС в резолюциях... Т. 4. Изд. 8. С. 490.
287. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 66. Л. 553.
288. Там же. Д. 48. Л. 67.
289. Там же.
290. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 77. Л. 206.
291. Там же. Л. 255.
292. Там же. Д. 66. Л. 58.

293. Там же. Д. 73. Л. 9.
294. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 92. Л. 2.
295. Там же. Л. 3.
296. Там же. Л. 3. Д. 89.
297. КПСС в резолюциях. Т. 5. Изд. 8. С. 131.
298. Водолагин М. Партия – организатор победы социализма в СССР (1929-1937 гг.), М., 1952. С. 111.
299. Войтович В.Ю. Стахановское движение – путь в светлое будущее России (1936-1937 гг.) (на материалах Удмуртии). Научное обозрение. Экономические науки. 2017. № 1. С. 23.
300. Сарап. фил. ЦГА. УАССР. Ф.Р.-196. Оп. 1. Д. 77. Л. 354.
301. Там же. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 104. Л. 6.
302. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-196. Оп. 1. Д. 104. Л. 6.
303. Там же. Д. 101. Л. 124.
304. Там же. Д. 9. Л. 8.
305. Там же. Л. 86, 87.
306. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-196. Оп. 1. Д. 127. Л. 274.
307. Там же.
308. Там же. Л. 275.
309. КПСС в резолюциях. Т. 5. Изд. 8. С. 232.
310. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-196. Оп. 1. Д. 127. Л. 275.
311. Там же. Л. 276.
312. Там же. Л. 276.
313. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 123. Л. 298.
314. КПСС в резолюциях. Т. 5. Изд. 8. С. 235.
315. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 123. Л. 297.
316. Там же. Л. 196.
317. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 92. Л. 84.
318. Там же. Д. 108. Л. 1.
319. Там же. Д. 114. Л. 133.
320. Там же. Д. 123. Л. 295.
321. Там же. Л. 184.
322. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 114. Л. 135.
323. Там же.
324. Там же.

325. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 127. Л. 18.
326. КПСС в резолюциях. Т. 6. Изд. 8. С. 336.
327. Там же. С. 337.
328. В.И. Ленин. ПСС. Т. 39. С. 279.
329. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 6. Л. 124.
330. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.
331. Там же. Д. 154. Л. 16.
332. Войтович В.Ю. Научный подход реализации кадровых технологий в условиях демократического государства. В сборнике: Государственное и муниципальное управление: теория, история, практика. Материалы IV Международной очно-заочной научно-практической конференции. 2014. С. 8.
333. Там же. Д. 76. Л. 46.
334. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.
335. Там же. Д. 92. Л. 8.
336. Примечание: в группу высококвалифицированных относились рабочие по кожзаводу и вспомогательным цехам, начиная с 4 разряда (4, 5, 6, 7 разряд); по обувному производству, начиная с 5 разряда (5, 6, 7, 8, 9 разряды).
337. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.
338. Там же. Д. 155. Л. 21.
339. Там же. Д. 137. Л. 7.
340. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 137. Л. 7.
341. КПСС в резолюциях. Т. 3. Изд. 8. С. 462.
342. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 155. Л. 17.
343. Там же. Д. 127. Л. 26.
344. Там же. Д. 92. Л. 176.
345. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 29. Л. 177.
346. В.И. Ленин, ПСС. Т. 39. С. 198.
347. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 155. Л. 18.
348. Примечание: цены 1926-1927 лет.
349. Там же. Д. 159. Л. 12.
350. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 135. Л. 3.
351. «Красное Прикамье», 1938 г., 20 марта.
352. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 135. Л. 3.

353. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 132. Л. 188.
354. Там же.
355. Там же. Д. 156. Л. 20.
356. В.И. Ленин, ПСС. Т. 36. С. 189.
357. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 17. Л. 112.
358. Там же. Д. 34. Л. 176.
359. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 34. Л. 176.
360. КПСС в резолюциях... Т. 4. Изд. 8. С. 405.
361. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 104. Л. 201.
362. Там же. Л. 6.
363. Там же.
364. Там же. Л. 203.
365. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 75. Л. 7.
Д. 101. Л. 124.
366. Там же. Ф.Р.-196. Оп. 1. Д. 137. Л. 235.
367. Там же.
368. Там же Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 155. Л. 17.
369. КПСС в резолюциях... Т. 4. Изд. 8. С. 415.
370. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 76. С. 337.
371. Там же. Д. 110. Л. 3.
372. Там же. Д. 120. Л. 5.
373. Там же. Д. 92. Л. 86.
374. КПСС в резолюциях.... Т. 5. Изд. 8. С. 139.
375. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 135. С. 103.
376. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 135. С. 103.
377. «Красное Прикамье» 1936 г., 14 июля.
378. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 155. Л. 19.
379. Там же. Д. 45. Л. 359.
380. КПСС в резолюциях... Т. 4. Изд. 8. С. 89.
381. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 925. Л. 84.
382. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 75. Л. 337.
383. Там же. Д. 72. Л. 9.
384. Там же. Д. 101. Л. 73.
385. Там же. Д. 131. Л. 21.
386. Сарап. фил. ЦГА УАССР. Ф.Р.-100. Оп. 1. Д. 172. Л. 64.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Борьба за образование советской государственности Удмуртии	6
1.1. Историко-правовые основы образования Удмуртской государственности	6
1.2. Административно-территориальное устройство Удмуртской автономной области	43
1.3. Борьба за территориальное оформление Удмуртской государственности	61
1.4. Географическое положение. История возникновения и развития г. Сарапула	67
Глава 2. Состояние и развитие кожевенно-обувной промышленности в Удмуртии	75
2.1. Кожевенно-обувная промышленность Удмуртии в экономике России	75
2.2. История развития кожевенно-обувной промышленности в Удмуртии	81
2.3. Возрождение кожевенно-обувной промышленности Удмуртии 1923-1927 гг.	92
2.4. Кожевенно-обувная промышленность Удмуртии 1928-1932 гг.	98
2.5. Рост экономических показателей кожевенно-обувной промышленности Удмуртии 1933-1937 гг.	104
Глава 3. Подъем творческой активности рабочих кожевенно-обувной промышленности Удмуртии	114
3.1. Кадры кожевенно-обувной промышленности Удмуртии (количественные и качественные изменения)	114
3.2. Подготовка и повышение квалификации рабочих кадров кожевенно-обувной промышленности Удмуртии	123
Заключение	130
Список использованной литературы	133

Войтович Валерий Юрьевич

**КОЖЕВЕННО-ОБУВНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ УДМУРТИИ
В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ**

(На материалах кожевенно-обувной промышленности
г. Сарапула)

Посвящено 100-летию образования государственности Удмуртии

Монография

Научное издание

Авторская редакция

Подписано в печать **20.03.2018 г.** Формат 60x84/16
Отпечатано на ризографе. Уч.-изд. л. 7,45. Усл. печ. л. 8,83.
Заказ № . Тираж 500 экз.

Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, корп. 4.
Тел. / факс: +7(3412)500-295 E-mail: editorial@udsu.ru